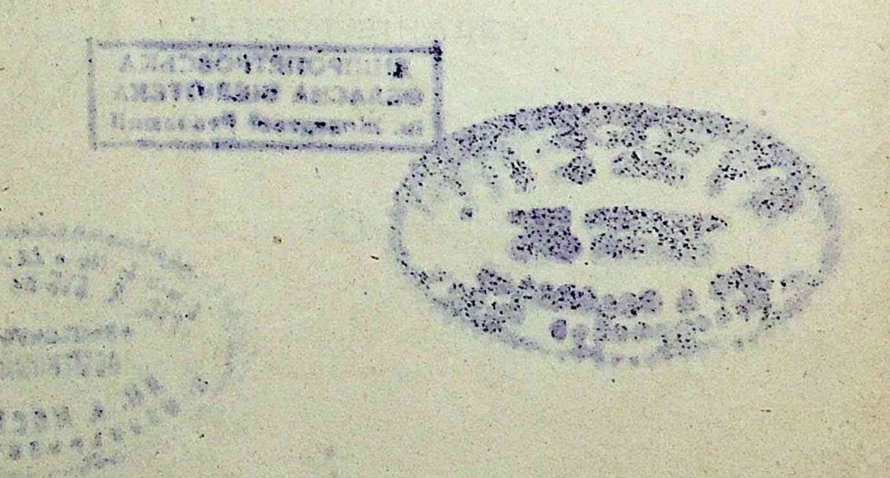
УКРАИНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Составлено сотрудниками журнала
„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ".

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.
Типографія Т-ва „ЗАДРУГА" Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9.
1917.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Украинскій вопросъ въ послѣднее время привлекъ къ себѣ особое вниманіе националистической прессы и націоналистически настроенныхъ круговъ русскаго общества. Видные представители русскаго воинствующаго національизма посвятили украинскому движенію рядъ статей, брошюръ и даже увѣсистыя книги, въ которыхъ, однако, читатель, мало знакомый съ вопросомъ, не найдетъ ни объективнаго освѣщенія, ни даже достовѣрнаго подбора фактовъ. Націоналистическая тенденція съ ея атрибутами—нетерпимостью и обскурантизмомъ—насквозь пропитываетъ эти произведенія, написанныя съ опредѣленною цѣлью—запугать правящія сферы призракомъ грядущей опасности и усилить репресеіи противъ украинства.

Между тѣмъ, безпристрастное освѣщеніе украинскаго вопроса необходимо. Въ связи съ поворотомъ европейской общественной мысли, признавшей огромную важность національнаго момента въ прогрессѣ политическомъ, соціальномъ и экономическомъ, русское общество начинаетъ отдавать должное вниманіе очереднымъ національнымъ вопросамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общественное сознаніе уже проникаетъ мысль, что въ ряду вопросовъ государственной важности украинскій вопросъ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто; но, тѣмъ не менѣе, значительная часть общества проявляетъ еще въ украинскомъ вопросѣ большую неосвѣдомленность; недостатокъ фактическаго матеріала и спеціальнаго изученія вопроса вводитъ извѣстную шаткость и неустойчивость даже въ принципіальное отношеніе къ украинскому движенію и открываетъ просторъ вліянію предвзятыхъ идей и націоналистическихъ внушеній.

А такъ какъ националистическій взглядъ на украинское движеніе, какъ на явленіе противогосударственное, издавна служитъ исходною точкою и для правительственной политики, то въ результатѣ вокругъ украинскаго вопроса въ Россіи создалась крайне тяжелая атмосфера вражды, подозрительности и административныхъ воздѣйствій, направленныхъ на самыя чувствительныя стороны національной жизни украинцевъ и вызывающихъ естественное раздраженіе и недовольство даже среди чуждыхъ политикѣ элементовъ украинскаго общества. Националистическая трактовка украинскаго вопроса окутываетъ его туманомъ, за которымъ трудно разсмотрѣть истинную его природу, даже для тѣхъ, кто хочетъ познакомиться съ нимъ вполнѣ добросовѣстно; трудность эта усугубляется для великоруссовъ еще и тѣмъ, что, сами не зная стѣсненій въ національной области, они не могутъ поставить себя въ положеніе представителей лишенной правъ національности, испытывающей всю горечь обиды при отказѣ въ удовлетвореніи естественныхъ и законныхъ національныхъ потребностей.

Цѣль настоящей книги—дать русскому обществу матеріалъ для установленія правильнаго принципіальнаго отношенія къ украинскому вопросу, внести въ его оцѣнку необходимую объективность и спокойствіе освѣщеніемъ тѣхъ сторонъ и основъ украинскаго движенія, которыя въ настоящее время либо игнорируются, либо извращаются его антагонистами. Издатели будутъ считать свою задачу достигнутою, если настоящему очерку удастся хоть отчасти разсѣять скопившіяся около украинскаго вопроса предубѣжденія и недоразумѣнія, раскрыть тѣсную связь украинскаго движенія съ глубокими корнями народной жизни и доказать совмѣстимость удовлетворенія украинскихъ стремленій съ общегосударственными интересами.

1914.

I.

Основные элементы украинской національной идеи.

Самою замѣчательною стороною украинскаго вопроса является его исключительное положеніе въ ряду другихъ національныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ русскою жизнью. Постулаты, входящіе въ составъ всякаго національнаго движенія, совершенно ясные и не вызывающіе возраженій, пока дѣло идетъ о принципіальной точкѣ зрѣнія, подвергаются сомнѣніямъ, чуть дѣло коснется украинской народности. Никому въ голову не придетъ оспаривать право на самостоятельное культурное развитіе самыхъ мелкихъ развѣтвленій славянскаго племени—словаковъ, словинцевъ, кашубовъ и пр.; не станутъ отрицать этого права и за азіатскими инородцами—бурятами, киргизами, развѣ только усомнятся въ возможности для этихъ племенъ подняться надъ тѣмъ уровнемъ почти первобытной культуры, на которомъ ихъ оставила исторія. Но по отношенію къ многомилліонной украинской народности, тысячу лѣтъ живущей историческою жизнью,—тѣ же самыя непререкаемыя права зачастую вовсе игнорируются, а на ихъ мѣстѣ возникаетъ утилитарная точка зрѣнія: полезно ли украинское движеніе для господствующей великорусской народности. При такой исходной точкѣ сужденія, не удивительно, что украинскій вопросъ, много разъ въ теченіе XVIII—XIX столѣтій выдвигавшійся въ различныхъ формахъ украинскимъ обществомъ, до настоящаго времени еще не разрѣшенъ окончательно.

Отрицательное отношеніе къ украинскому движенію основывается, главнымъ образомъ, на сомнѣніяхъ въ законности и достижимости украинскихъ національныхъ стремленій и

на опасеніяхъ за судьбу общерусской культуры и государственности, въ случаѣ удовлетворенія этихъ стремленій.

Исходныя точки въ обоихъ случаяхъ, какъ видно, діаметрально противоположны,—ибо неосуществимыя стремленія не должны бы вызывать никакихъ серьезныхъ опасеній, но на дѣлѣ—и убѣжденіе въ безпочвенности украинскаго движенія и страхъ передъ его ростомъ страннымъ образомъ уживаются въ однихъ и тѣхъ же людяхъ, и уже это одно указываетъ на присутствіе въ выдвигаемыхъ противъ украинства доводахъ элемента предвзятости.

Сомнѣнія въ правѣ украинской народности на національное самоопредѣленіе обыкновенно исходятъ изъ мысли объ отсутствіи сколько-нибудь значительныхъ національныхъ различій между великорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ, при чемъ тѣ, кто держится такого взгляда, стараются доказать, что украинское національное движеніе не имѣетъ подъ собою реальныхъ основаній ни въ прошлой, ни въ современной жизни украинскаго народа и является простой интеллигентской выдумкой.

Различіе великорусскаго и малорусскаго типовъ, какъ результатъ исторической жизни.

Обращаясь къ освѣщенію вопроса съ этой стороны, необходимо, прежде всего, оговориться, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о какой-либо тяжбѣ двухъ народностей на основѣ старыхъ историческихъ правъ и обязательствъ. Было бы нераціонально обосновывать современныя національныя требованія на историческихъ правахъ, какъ бы ни были безспорны эти послѣднія: историческія справки могутъ служить лишь для уясненія тѣхъ фактовъ современной дѣйствительности, основы которыхъ коренятся въ болѣе или менѣе отдаленной прошлой жизни народа и которые поэтому являются естественнымъ и необходимымъ результатомъ историческаго процесса народной жизни со всѣмъ многообразіемъ ея условій.

Различіе между великорусскою и малорусскою вѣтвями русскаго племени восходитъ къ весьма отдаленному времени,

теряясь въ томъ до-историческомъ прошломъ, когда вообще началось разслоеніе славянства.

Первая наша лѣтопись изображаетъ русскихъ славянъ раздробленными на нѣсколько вѣтвей, съ своеобразными привычками, нравами, обычаями и вообще съ такими этнографическими различіями, которые невольно обращали на себя вниманіе современниковъ и которыя не исчезли съ укорененіемъ единаго княжескаго рода и съ распространеніемъ христіанства: «имѣяху,—говоритъ лѣтописецъ о русскихъ племенныхъ вѣтвяхъ,—обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой правъ», и затѣмъ довольно подробно описываетъ различіе ихъ быта: «поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ», «а древляне живяху звѣриньскимъ образомъ», «и радимичи, вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху» и т. д.

Такимъ образомъ, историческая жизнь застаетъ славянскія племена уже развившимися въ отдѣльные типы, разнообразіе которыхъ достаточно объясняется различіемъ естественныхъ условій ихъ географическаго распредѣленія. Физическія условія страны, климатъ и качество почвы, условія труда не сглаживали, а поддерживали мѣстныя особенности отдѣльныхъ племенъ. Въ однихъ условіяхъ проходила жизнь племенъ южной группы, родоначальниковъ нынѣшней украинской вѣтви—полянъ, древлянъ, сѣверянъ, уличей, тиверцевъ, дулѣбовъ, въ бассейнѣ средняго и нижняго Днѣпра, Днѣстра и Дона, въ полосѣ теплаго климата и плодоносной почвы, въ значительной степени открытой для нападеній кочевыхъ выходцевъ изъ азіатскихъ степей; иныя были условія существованія предковъ нынѣшнихъ великоруссовъ и бѣлоруссовъ—кривичей, дреговичей, радимичей, вятичей, занявшихъ области верхняго Днѣпра и верховьевъ Западной Двины и Волги и, подъ защитой природныхъ преградъ, имѣвшихъ возможность создать болѣе прочные центры государственной жизни. Раздѣленныя другъ отъ друга громадными пространствами, дремучими лѣсами, непроходимыми болотами, при первобытныхъ путяхъ сообщенія и первобытныхъ условіяхъ взаимныхъ сношеній, племена эти мало знали другъ друга и жили каждое своей особой жизнью,

развивая тѣ особенности жизненнаго уклада и этническаго типа, съ которыми они уже появляются на зарѣ историческаго періода своего существованія. Даже соприкосновеніе указанныхъ группъ народностей съ иноплеменными стихіями приводило каждую изъ нихъ въ совершенно различную этнографическую среду и налагало свой особый отпечатокъ на типъ, бытъ, нравы той и другой народности. Народности великорусской группы живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ финскими племенами, постепенно колонизуютъ ихъ территорію и принимаютъ ихъ въ составъ своего этническаго типа; южныя народности группы малорусской формируются въ сосѣдствѣ и при участіи тюркскихъ элементовъ, спорадически разливавшихся по южнымъ степямъ и равнинамъ.

Политическая связь русскихъ племенъ подъ властью одной (кіевской) династіи, съ преобладающей политической и культурной ролью южной группы, не могла, при сказанныхъ условіяхъ ихъ жизни, сгладить особенности ихъ быта и, тѣмъ болѣе,—оказать вліяніе на объединеніе этническаго ихъ типа, такъ какъ, помимо своей непродолжительности связь эта была далеко не полною; она не касалась самыхъ глубинъ народной жизни, и, кромѣ того, удѣльная система княжескаго правленія въ значительной мѣрѣ слѣдовала дѣленію княжествъ въ предѣлахъ этнографическихъ границъ отдѣльныхъ народностей. Такъ племена, раздѣленныя пространствомъ, условіями и всею обстановкой жизни, отдалялись естественнымъ развитіемъ ихъ особенностей.

Татарское нашествіе рѣшительно прервало совмѣстную жизнь и общее государственное развитіе двухъ главныхъ группъ русскаго племени, и дальнѣйшее затѣмъ историческое существованіе ихъ пошло различными путями; жизнь ихъ развивалась въ теченіе ряда вѣковъ совершенно самостоятельно, способствуя не объединенію, а обособленію ихъ національнаго—физическаго и духовнаго—типа. На сѣверѣ выростаютъ новые политическіе центры, постепенно объединяющіе народности великорусской вѣтви, на территоріи же малорусскихъ народностей, выдержавшихъ главный ударъ азіатскихъ кочевниковъ, государственная жизнь падаетъ и малорусскіе элементы входятъ въ составъ другихъ госу-

дарствъ—сперва Литвы, затѣмъ Польши, находятся въ отличныхъ отъ великорусскихъ условіяхъ общественнаго строя и права, поступаютъ въ сферу иныхъ вліяній—политическихъ (конституціонный государственный строй Польши), соціально-экономическихъ (денаціонализація и отдѣленіе высшихъ слоевъ націи отъ народа, борьба между народною массою и привилегированными классами), культурныхъ(перевѣсъ западнаго вліянія надъ византійскимъ) и даже отчасти религіозныхъ (унія). Политическое объединеніе украинскаго народа съ великорусскимъ въ составѣ русскаго государства начинается только съ половины XVII в. (а культурное и общественное—спустя, по крайней мѣрѣ, еще столѣтіе) и завершается лишь въ самомъ концѣ XVIII в. (присоединеніе Подоліи совершилось въ 1793 г.), при чемъ все же довольно значительная часть украинской территоріи съ населеніемъ около 5 милл. продолжала до самаго послѣдняго времени оставаться въ составѣ не русскаго государственнаго организма. Даже въ тѣхъ украинскихъ земляхъ, которыя присоединены были къ Россіи, политическій актъ присоединенія, существенно измѣнившій политическія и, въ связи съ ними, соціально-экономическія условія народной жизни, почти не оказалъ при этомъ вліянія собственно на національную жизнь украинской народной массы; національная жизнь народа входила въ соприкосновеніе съ офиціальной жизнью и, вообще, въ сферу новыхъ отношеній лишь въ незначительной степени; бытъ, языкъ, весь національный обликъ и характеръ народной жизни продолжали не только существовать въ неприкосновенности, но и развиваться въ томъ направленіи, какое предуказывалось національной стихіей.

„Такимъ образомъ,—говоритъ академикъ А. Н. Пыпинъ,—уже съ древняго періода существовали условія, порождавшія этнографическое разнообразіе. Когда затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Южная и Западная Русь вели во всемъ отдѣльную отъ Сѣвера политическую жизнь (а крайній западный уголъ, Галиція и Венгерская Русь, ведутъ ее и донынѣ), естественно, что племенныя вѣтви еще отдалились. Въ Московской Россіи образовался окончательно типъ великорусскій, которому принадлежитъ объединеніе средней и

сѣверо-восточной Руси и созданіе крѣпкаго деспотическаго государства, которое только съ Петра Великаго сближается съ европейской образованностью. На Руси юго-западной русскій типъ сложился, подъ вліяніемъ казачества, въ патріархально-демократическомъ духѣ, и борьба съ Польшей, вызвавшая всю энергію народа, заслонила въ воспоминаніи южнаго русскаго народа старыя преданія, хранившіяся между тѣмъ на сѣверѣ, и ввела новыя бытовыя черты" („Исторія славянскихъ литературъ").

Антропологическія и этнографическія различія.

Какъ видимъ, данныя самой природою племенныя особенности и отличія не только не могли стереться въ теченіе вѣковъ раздѣльной жизни, но, постепенно развиваясь, нашли себѣ выраженіе въ двухъ національныхъ типахъ, которые въ непосредственномъ народномъ самосознаніи получили мѣткое опредѣленіе въ кличкахъ „кацапа" и „хохла". Обособленность этихъ двухъ національныхъ типовъ очевидна уже при простомъ взглядѣ на представителей этихъ, по терминологіи Костомарова, двухъ русскихъ народностей. „Едва ли кто, свободный отъ предвзятыхъ великорусско-націоналистическихъ мыслей,—говоритъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ,—признаетъ тожество типовъ великорусскаго и малорусскаго, если только сравнить, съ одной стороны, портретъ, напр., Писемскаго и Л. Н. Толстого, съ другой—Гоголя и Шевченка, характерныхъ представителей двухъ украинскихъ типовъ—узкокостаго съ длиннымъ носомъ („аиста") и ширококостаго съ короткимъ и толстымъ носомъ" („Націоналистическая наука"). Современныя антропологическія изслѣдованія,—правда, еще далеко не полныя и не многочисленныя,—указываютъ на наличность въ украинскомъ типѣ отличающихъ его особенностей физическаго свойства (форма черепа, ростъ, соотношеніе частей тѣла, цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ [1]). Знакомство же съ обширнымъ этнографическимъ

---

[1]) „Малороссы, — говоритъ проф. Д. Анучинъ, — представляютъ, въ общемъ, отличіе отъ бѣлоруссовъ и великороссовъ прежде всего по своему росту, который въ среднемъ (по даннымъ о воинской повинности 1874—88 гг.) на 1—4

матеріаломъ указываетъ на оригинальность народнаго творчества—матеріальнаго и духовнаго, свидѣтельствующую объ оригинальности психической его жизни, объ особенностяхъ національнаго характера. Наиболѣе характерное выраженіе своеобразной матеріальной культуры украинскаго народа видимъ въ національномъ костюмѣ, жилищѣ, утвари и вообще всей домашней обстановкѣ, въ орудіяхъ промысла и производства. Это—внѣшняя живая лѣтопись національной жизни, въ ея видимыхъ формахъ, отличныхъ отъ великорусскихъ національныхъ формъ. Этнографическое изученіе украинскаго народа обнаруживаетъ типическія особенности и въ народной психологіи, въ характерѣ, въ складѣ семейныхъ и общественныхъ отношеній, въ исторически сложившемся быту—частномъ и общественномъ. Проф. Анучинъ констатируетъ, что „малороссы отличаются отъ великороссовъ многими чертами своего умственнаго и нравственнаго склада", и указываетъ на различія въ темпераментѣ и характерѣ подъ „вліяніемъ окружающей природы и всего хода исторіи, иного, чѣмъ на сѣверѣ" („Малороссы"). Равнымъ образомъ, говоря о типическихъ особенностяхъ великорусской народности, тотъ же ученый замѣчаетъ: „всѣ подобныя (психологическія, бытовыя и этнографическія) различія (между великорусскою и малорусскою народностями) обусловлива-

---

сантиметра выше. Хотя такія же величины встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ уѣздахъ, но въ Малороссіи нѣтъ малыхъ величинъ (163—162 сант.). Дальнѣйшее отличіе составляютъ: большій процентъ темноволосыхъ (60—70%), темноглазыхъ (нерѣдки также и голубоглазые) и смуглокожихъ, сравнительно съ бѣлоруссами и великороссами и особенно съ поляками: нѣсколько большая длина ногъ (особенно бедръ). Голова абсолютно и въ отношеніи къ росту не велика (какъ и вмѣстимость черепа), лобъ и носъ тоже, тогда какъ нижняя треть лица имѣетъ сравнительно большіе размѣры; по формѣ преобладаетъ голова короткая и широкая (бракихефалія), въ нѣсколько большей степени, чѣмъ у поляковъ и великороссовъ; замѣчаются иногда довольно высокія, выступающія скулы и широкое межглазничное пространство (нѣсколько плоское переносье). По словамъ г. Гильченка, нѣкоторые изъ размѣровъ головы и лица весьма близко подходятъ къ соотвѣтственнымъ размѣрамъ то иранцевъ (осетинъ и др.), то тюрковъ (напр., крымскихъ татаръ). Не подлежитъ сомнѣнію, что малороссы приняли въ себя не мало крови древнихъ тюркскихъ народовъ Южной Россіи,—во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ великороссы, которые зато ассимилировали многія финскія народности" („Малороссы", Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVIII).

ются отчасти вліяніемъ природы и климата, отчасти различными для обѣихъ народностей культурными вліяніями, отчасти, наконецъ, различіемъ темперамента, характера, чувствъ, вкусовъ, унаслѣдованныхъ отъ дальнихъ предковъ и развившихся при различныхъ условіяхъ. Это различіе духовнаго склада выражается и въ характерѣ пѣсенъ и музыки, и въ отношеніи къ природѣ и религіи, и въ семейномъ и общественномъ быту, и въ развитіи промышленности и торговли, и въ народныхъ типахъ и идеалахъ" („Великороссы", Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. V). Наиболѣе типическою особенностью духовнаго склада украинца считается юморъ (яркое выраженіе этой черты — въ произведеніяхъ Гоголя и другихъ украинскихъ авторовъ). Въ числѣ другихъ особенностей украинской народности, выросшихъ на почвѣ экономическихъ и бытовыхъ условій ея жизни, обычно указывается также на развитіе индивидуальнаго начала за счетъ общественнаго (дробимость семей, подворная форма землевладѣнія, слабость общиннаго строя), преобладаніе интеллекта и чувства въ ущербъ практической дѣятельности и, вслѣдствіе этого, творчество въ области преимущественно интеллектуальной и эстетической. Указанныя свойства психики украинца подъ вліяніемъ природныхъ условій развили въ немъ воображеніе (склонность къ символамъ, къ образамъ, сравненіямъ), расположили его къ чувствительности, къ лиризму, музыкальности (исполненныя чувства, музыкальныя украинскія пѣсни), а въ области религіозной сообщили ему равнодушіе къ догматическимъ распрямъ, къ догматикѣ и вообще къ формальной сторонѣ религіи (расколъ совершенно къ украинцамъ не прививается, а изъ сектантскихъ ученій распространены только раціоналистическія, какъ слѣдствіе склонной къ критикѣ и скепсису умозрительной натуры, или мистическія, какъ результатъ вліянія чувства). Развитіе интеллекта и чувства отражается на активности характера украинца: ему трудно рѣшиться, но, уже рѣшившись, онъ упоренъ въ достиженіи своей цѣли („хохлацкое упрямство").

Несмотря на исключительно неблагопріятныя историческія условія, народъ отстоялъ свою національность и сохра-

нилъ ее во всемъ богатствѣ и разнообразіи типическихъ ея особенностей. Украинская народная масса обнаружила удивительную стойкость въ національномъ отношеніи. Въ теченіе послѣдняго полуторавѣкового періода, за который имѣются этнографическія записи и въ которой украинская народная жизнь собственно и могла подвергнуться денаціонализующему вліянію, народный бытъ и народное творчество не измѣнили своего національнаго характера. „Даже враги украинскаго движенія,—говоритъ проф. М. И. Чубинскій,—вынуждены признать, что замѣчается лишь начало „ассимиляціи“, что „малоруссы не превращаются въ великороссовъ“ [1]); искреннія сомнѣнія въ этой области являются обыкновенно результатомъ отсутствія непосредственнаго знакомства съ украинскою жизнью и съ научными трудами, обрисовывающими эту жизнь. Достаточно познакомиться съ капитальными трудами по этнографіи, и мы увидимъ, что рядъ тяжкихъ мѣръ, вплоть до запрещенія евангелія на украинскомъ языкѣ, а затѣмъ школа, всеобщая воинская повинность и другіе факторы, по существу ведущіе къ нивеллировкѣ, оказались безсильными; процессъ денаціонализаціи коснулся высшихъ слоевъ (какъ это часто бывало и въ исторіи другихъ народовъ), но народныя массы оказались стойкими и неспособными къ сліянію. До послѣднихъ лѣтъ продолжается народное національное творчество, сохраняются свои обычаи, живутъ и развиваются самобытные соціальные и правовые взгляды. Даже наблюдая переселенцевъ въ далекіе края, мы видимъ, что они осѣдаютъ группами, создаютъ (напримѣръ, въ Сибири и на Уралѣ) отдѣльные „хохлацкіе концы“ въ селеніяхъ и, несмотря на оторванность отъ родины, стойко и твердо хранятъ свои національныя особенности, не сливаясь съ великороссами. Тѣмъ болѣе это имѣетъ мѣсто на родинѣ, гдѣ послѣ 8—10 лѣтъ ни у бывшаго школьника, ни у бывшаго солдата вы ни въ чемъ и, въ частности, въ языкѣ почти не найдете слѣдовъ великорусскаго культурнаго вліянія. Такимъ образомъ, процессъ ассимиляціи оказывается гораздо менѣе глубокимъ, чѣмъ

[1]) Слова академика А. И. Соболевскаго.

это многіе добросовѣстно предполагаютъ; его состояніе аргументомъ въ пользу необходимости сліянія признано быть не можетъ: сліяніе не состоится" („Украинская національная идея и ея постулаты").

Украинскій языкъ, какъ наиболѣе существенная и яркая черта народной индивидуальности.

Историческія основы особности украинскаго языка.

„Все, что только составляетъ индивидуальность народа, сводится въ конечномъ результатѣ на языкъ его; остальные элементы, образующіе индивидуальный народный организмъ,—чувства, понятія, нравы, гражданское и политическое устройство,—могутъ измѣняться, не вліяя на самобытность народной индивидуальности, пока только народъ сохраняетъ свой языкъ" (А. Н. Пыпинъ). Языкъ и является наиболѣе выразительною, типической особенностью украинской народности. Въ исторіи украинскаго языка въ значительной степени повторяется исторія самого народа. Обособленіе главнѣйшихъ нарѣчій русскаго племени совершилось еще въ незапамятныя доисторическія времена. „Еще въ эпоху доисторическую,—читаемъ въ запискѣ Академіи Наукъ „Объ отмѣнѣ стѣсненій печатнаго малорусскаго слова",—общерусскій языкъ представлялъ въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ рѣзкія діалектическія отличія, дающія основанія допускать исконное дѣленіе русскаго племени на три группы: сѣверно-русскую, среднерусскую и южнорусскую. Южнорусскіе памятники древней нашей письменности XI и XII вѣковъ, какъ впервые доказано академикомъ А. И. Соболевскимъ, представляютъ рядъ типическихъ особенностей малорусской рѣчи: изъ нихъ можно съ увѣренностью заключить о значительномъ удаленіи южнорусскихъ (малорусскихъ) говоровъ, какъ отъ среднерусскихъ, такъ и отъ сѣвернорусскихъ уже въ періодъ до-татарскій. Этому удаленію не могло помѣшать и то политическое объединеніе русскихъ племенъ, которое видимъ въ X и XI вѣкахъ; напротивъ, распаденіе русской земли на удѣлы, усиленіе новаго политическаго центра въ бассейнѣ Оки и верхняго теченія Волги, паденіе Кіева во второй половинѣ XII столѣтія—все это въ значи-

тельной степени обособляетъ юго-западную Русь, а нашествіе татаръ довершаетъ это обособленіе. Позже, въ предѣлахъ литовско-русскаго государства, южнорусскія племена находятъ условія для сближенія съ другими русскими племенами, а именно съ той западной вѣтвью среднерусскихъ племенъ, которая легла въ основаніе бѣлорусской народности. Только позднѣйшая колонизація XVII и XVIII вв. сближаетъ великорусскія и малорусскія племена въ бассейнахъ Сейма, Донца и Дона. Такимъ образомъ, историческія условія содѣйствовали полному разобщенію югозападной Россіи (Малороссіи) и области, занятой Великороссами: отсюда существенныя отличія въ языкѣ обѣихъ народностей—великорусской и малорусской. Историческая жизнь этихъ народностей не создала общаго для нихъ языка; она, напротивъ, усугубила тѣ діалектическія отличія, съ которыми предки малоруссовъ, съ одной стороны, великоруссовъ—съ другой, выступаютъ въ началѣ нашей исторіи".

Литературные памятники украинскаго языка

Первыми письменными памятниками на Руси были церковно-богослужебныя книги въ переводѣ на древне-болгарскій языкъ, который и явился основою литературнаго языка. Сквозь эту основу условнаго церковнаго языка съ первыхъ же шаговъ новой письменности начинаютъ прорастать элементы живой народной рѣчи и, чѣмъ ближе данный памятникъ по содержанію и по духу къ народной жизни, тѣмъ сильнѣе въ немъ народная стихія мѣстнаго живого разговорнаго языка. Въ письменности древняго періода элементы народнаго языка приходится еще вылавливать въ морѣ церковнославянщины; но затѣмъ народная стихія даетъ себя чувствовать все больше, пока не получаетъ, въ нѣкоторыхъ памятникахъ, перевѣса надъ церковно-славянской основой. Въ письменности XIV в. украинскій элементъ пробивается уже замѣтною струей; „съ XIV вѣка мы находимъ совершенно особенный, вполнѣ опредѣлившійся малорусскій языкъ" (Ѳ. Е. Коршъ, „Украинскій народъ и украинскій языкъ"). Подчиняясь культурному вліянію присоединенныхъ областей, литовское правительство принимаетъ языкъ ихъ населенія въ качествѣ оффиціальнаго государственнаго языка, и канце-

лярскій стиль того времени вырабатывается на бѣлорусско-украинской основѣ. Тѣмъ болѣе должна была сказаться народная рѣчь въ произведеніяхъ собственно литературнаго характера. Литературные памятники уже сознательно приближаются къ національной стихіи и пишутся „простою мовою и діалектомъ“. Это прямо вызывалось тогдашними условіями культурной борьбы украинскаго народа за вѣру и народность. Главнымъ условіемъ успѣха въ этой борьбѣ была доступность образовательныхъ средствъ широкимъ народнымъ слоямъ, для чего, конечно, требовалась общедоступность тогдашней науки и литературы—и, прежде всего, по языку. И вотъ, еще съ конца XIV в. въ церковныхъ книгахъ появляются приписки съ толкованіями „простою мовою“ церковно-славянскаго текста, а въ XVI в. предпринимается уже цѣлый рядъ попытокъ перевода текста священныхъ книгъ на народный языкъ (среди такихъ переводовъ заслуживаютъ особаго вниманія такъ называемое Пересопницкое евангеліе **1556—1561** гг., переводъ евангелія, напечатанный въ типографіи Тяпинскаго, около 1580 г., переводъ евангелія священника Василія Негалевскаго—1581 г.). Тѣмъ болѣе сознательно было обращеніе къ живому народному языку въ толкованіяхъ священнаго текста—въ множествѣ „Учительныхъ Евангелій“, издававшихся „для лѣпшаго вырозумленія люду християнского посполитого“, а въ особенности—въ той литературѣ, которая вызвана была культурно-національнымъ движеніемъ того времени: въ обширной полемической литературѣ, въ изслѣдованіяхъ въ области языка и исторіи (грамматики, словари, „кроннчки“, лѣтописи). Еще болѣе естественнымъ для тогдашнихъ писателей было примѣненіе живой народной рѣчи въ произведеніяхъ свѣтской письменности—въ поэзіи („вирши“) и драмѣ. Такъ живая украинская рѣчь все болѣе и болѣе проникала собою развивающуюся на Украинѣ письменность, становясь все болѣе замѣтною на фонѣ условнаго книжнаго языка и даже нерѣдко совершенно замѣняя этотъ послѣдній. Въ концѣ концовъ украинская народная стихія настолько упрочилась въ книжномъ языкѣ, что обнаруживаетъ живучесть и послѣ того, какъ условія политической и культурной жизни на Украинѣ радикально

измѣнились, и не можетъ быть вытравлена изъ произведеній даже тѣхъ украинцевъ, которые со времени реформы Петра Великаго явились поборниками этой реформы въ великорусскихъ центрахъ и произведенія свои предназначали не для украинскихъ круговъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Св. Дмитрій Ростовскій и др.).

Со времени Петра В. новая русская литература, сохраняя на первыхъ порахъ много церковно-славянскаго элемента, начинаетъ уже развиваться на основѣ народной стихіи языка великорусскаго, постепенно очищаясь отъ наслоеній изъ другихъ языковъ, въ томъ числѣ украинскаго. Въ то же время родному языку украинскаго народа разнообразными запрещеніями закрыты были пути естественнаго развитія: онъ устраненъ изъ школы, администраціи и испыталъ разнообразныя запрещенія въ отношеніи печати. Но энергія національнаго творчества, накопившаяся въ теченіе вѣковъ народной жизни, не могла изсякнуть ни подъ новыми культурными вліяніями, довольно поверхностными и не затрогивавшими глубинъ народной жизни, ни, тѣмъ болѣе, подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ репрессій, которыя не могли коснуться бытового употребленія родного языка. Народная масса и близкіе къ ней круги мѣстной интеллигенціи продолжали жить въ своемъ мірѣ національнаго міровоззрѣнія и быта и питались продуктами своего національнаго творчества—не только народнаго, живого, но и книжнаго. Какъ видимъ изъ современнаго намъ богатства народной украинской словесности, народное творчество отнюдь не прерывалось, несмотря на всѣ эксперименты надъ народной душой. Стихія народнаго языка, устраненная изъ русла своего нормальнаго широкаго литературнаго развитія, проявляется въ тѣхъ произведеніяхъ книжной словесности, которыя стояли внѣ тогдашнихъ офиціальныхъ отношеній и авторы которыхъ, будучи не чужды тогдашней образованности, не порывали однако связи съ украинской народной массой. Наибольшую близость къ народному языку и духу сохранили, конечно, поэтическія произведенія тогдашней книжной литературы—самаго разнообразнаго характера: моралистическаго, историческаго,

сатирическаго, бытового и, главнымъ образомъ, лирическаго; о народности этихъ произведеній можно судить по тому, что многія изъ нихъ стали достояніемъ народа (напримѣръ, пѣсня поэтессы Маруси Чураивны—„Ой не ходи, Грицю", пѣсня козака Климовскаго „Їхав козак за Дунай", пѣсня „Ой, біда тій чайці", приписываемая гетману Ивану Мазепѣ, историческая пѣсня кошевого запорожскаго Антона Головатаго „Ей, годі нам журитися, пора перестати" и др.). Въ школьныхъ трагикомедіяхъ, съ ихъ обязательными, по правиламъ пiитики, „важными мыслями, звучными словами и почти царственнымъ перифразомъ", помѣщались между дѣйствіями религіозной драмы такъ называемыя интермедіи—„междувброшенныя забавныя игралища", по отношенію къ которымъ тогдашняя пiитика выставляла непремѣнное требованіе, чтобы они писались „словами шуточными, низкими, обыденными, слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ"; это были живыя сценки изъ народнаго быта, и языкъ ихъ—народный украинскій языкъ, иногда только съ польской или славянской окраской. Въ большей или меньшей степени близокъ къ народному былъ языкъ распространенныхъ въ XVII и XVIII вв. произведеній исторической письменности (напр., лѣтописи Самовидца, Грабянки, Величка). Видимъ въ это время,—очевидно, находившія спросъ,—и книги практическаго характера; такова, напр., написанная чистымъ языкомъ „Книжица для господарства, указующая, якъ ратовати въ хоробахъ всякую скотину". Какъ вообще велико было практическое значеніе въ XVIII в. украинскаго языка не только въ частномъ быту, но и даже въ мѣстныхъ офиціальныхъ отношеніяхъ, административныхъ и судебныхъ, показываетъ попытка гетмана Скоропадскаго въ 1721 г. мѣстные законы „перекладати на здешнее нарѣчіе", а какъ велика была любовь тогдашнихъ украинцевъ къ своему родному слову и какъ вообще жива и сильна была струя народности, не прерывавшаяся подъ сковывающимъ холодомъ внѣшнихъ условій, можно видѣть изъ того, что когда послѣ полуторавѣковыхъ мѣръ обрусенія появилась извѣстная „Энеида" Котляревскаго, она стала извѣстной читающей украинской публикѣ еще въ рукописныхъ спискахъ и появленіе ея въ печати,

вопреки желанію самого автора, вызвано было широкимъ спросомъ на нее.

Національныя стихіи въ русскомъ и украинскомъ языкахъ.

Традиція украинской народной стихіи въ письменномъ словѣ, такимъ образомъ, не только не прерывалась въ теченіе восьмивѣковой исторіи украинскаго народа, но все болѣе крѣпла—даже и тогда, какъ послѣ широкаго и свободнаго проявленія народной самодѣятельности украинское слово должно было формально сойти со сцены жизни и пробивать себѣ пути въ малозамѣтныхъ для посторонняго глаза глубинахъ народной жизни. Какъ не пришлось въ свое время церковному славянскому языку вытѣснить и замѣнить народную рѣчь, такъ впослѣдствіи русскій литературный языкъ не могъ замѣнить собою украинскаго языка и по той же причинѣ: вслѣдствіе различія національной основы того и другого языка. Иллюзія единства литературнаго языка могла держаться лишь до тѣхъ поръ, пока въ книжный языкъ въ значительной степени входила стихія церковно-славянская, одинаково общая какъ русскому литературному, такъ и украинскому языкамъ.

Это, конечно, не могло продолжаться долго. Русскій литературный языкъ не могъ держаться въ рамкахъ церковно-славянской стихіи и долженъ былъ опредѣленно и прочно стать на національную почву. Это и видимъ съ начала XVIII вѣка. Если Кантемиръ, какъ не великороссъ по происхожденію, еще проявлялъ колебаніе, то Ломоносовъ, геніальный архангельскій мужикъ, рѣшилъ этотъ вопросъ—и теоретически и практически—въ пользу народной великорусской стихіи русскаго литературнаго языка. Языкъ этотъ, какъ языкъ русской образованности и государства, пріобрѣтаетъ значеніе общегосударственное („общерусское"), но въ національной основѣ своей остается языкомъ великорусскимъ, одинаково на всемъ протяженіи его литературной исторіи—отъ Ломоносова до Чехова, отъ Ѳеофана Прокоповича до Короленка. Общероссійскій въ государственномъ смыслѣ, русскій литературный языкъ никогда не былъ общерусскимъ въ смыслѣ соединенія и объединенія въ немъ особенностей малорусскихъ наравнѣ съ великорусскими, несмотря на уча-

стіе украинскихъ силъ въ русской образованности и литературѣ и несомнѣнное вліяніе ихъ на результаты русскихъ культурныхъ пріобрѣтеній. „Вліяніе это,—разъясняетъ академія наукъ въ своей запискѣ по запросу комитета министровъ,—отразилось и на нашемъ литературномъ языкѣ, но оно было преходящимъ, усилія великихъ писателей нашихъ все болѣе сближали книжный языкъ съ народнымъ, и ничто еще не остановило того направленія, которое уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка сдѣлало нашъ литературный языкъ вполнѣ великорусскимъ, освободивъ его, между прочимъ, отъ наносного малорусскаго произношенія, не чуждаго, по указанію проф. Будде, языку Ломоносова и Сумарокова. Великорусскій литературный языкъ, въ основаніи своемъ представляющій пеструю смѣсь церковно-славянскихъ элементовъ (въ области лексической и отчасти грамматической) съ элементами живой рѣчи великорусскихъ племенъ, съ давняго времени, можно сказать съ XIV в., пріобрѣталъ все болѣе и болѣе народную окраску. Его развитіе именно въ этомъ направленіи было останавливаемо два раза—первый разъ въ XV вѣкѣ, когда ему пришлось выдержать борьбу съ вновь нахлынувшими со славянскаго юга, благодаря сербскимъ и болгарскимъ ученымъ, инославянскими элементами; второй разъ—въ XVII вѣкѣ, когда его наводнили особенности малорусской книжной рѣчи. Но великорусская стихія оба раза вышла побѣдительницей, и нашу литературную рѣчь, рѣчь образованныхъ классовъ и письменности всѣхъ родовъ, должно признать вполнѣ великорусскою. Основаній назвать теперь эту рѣчь „общерусскою“ мы не видимъ, ибо она не представляетъ изъ себя амальгамы, въ которой бы, хотя и неравномѣрно, отразились особенности всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчій“ (Императорская Академія Наукъ, „Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова)“.

Параллельно съ развитіемъ русскаго литературнаго языка на великорусской народной основѣ, въ теченіе уже болѣе столѣтія развивается также на своей народно-національной основѣ и литературный языкъ украинскій, при чемъ такое параллельное развитіе каждаго языка, само собою разумѣется, все болѣе индивидуализируетъ ихъ, увеличивая вза-

имное расхожденіе ихъ, а не сближеніе. Если, при такихъ условіяхъ, и можетъ быть рѣчь объ общерусскомъ языкѣ, то такой языкъ, слѣдуя общему закону развитія языковъ, нужно искать не впереди, не въ послѣдующемъ сліяніи дифференцирующихся языковъ, а позади, въ томъ русскомъ праязыкѣ, изъ котораго выдѣлились великорусская и малорусская стихіи и возврата къ которому, конечно, уже быть не можетъ. Съ этимъ доисторическимъ русскимъ языкомъ послѣдующіе великорусскій и украинскій языки или нарѣчія, какъ бы ни называть ихъ, находятся въ одинаковомъ генетическомъ отношеніи; вытекая изъ него параллельными струями, они затѣмъ сами подраздѣляются на отдѣльныя развѣтвленія, при чемъ малорусскій языкъ раздѣляется на нарѣчія и говоры, совершенно независимые отъ нарѣчій и говоровъ великорусскихъ. Словомъ, въ отношеніи двухъ русскихъ языковъ нужно сказать то же, что въ отношеніи двухъ русскихъ племенъ: въ данномъ случаѣ на лицо два отдѣльныя племени и два отдѣльные языка.

Языкъ или нарѣчіе.

Приведенными фактами разрѣшаются и тѣ сомнѣнія, которыя возникаютъ у нѣкоторыхъ публицистовъ и ученыхъ на почвѣ взаимнаго отношенія русскаго и украинскаго языковъ,—а именно, считать ли украинскую рѣчь языкомъ или діалектомъ русскаго языка. Термины—„языкъ“ и „діалектъ“ или „нарѣчіе“—имѣютъ только условное значеніе—не по существу, а лишь по взаимнымъ отношеніямъ разныхъ языковыхъ величинъ, и съ этой послѣдней точки зрѣнія одна и та же рѣчь можетъ быть признана языкомъ и нарѣчіемъ—въ зависимости отъ того, съ какой величиной—собирательной или конкретной—она сравнивается. Современный литературный русскій языкъ является однимъ изъ нарѣчій славянскаго языка, равно какъ и славянскій языкъ является однимъ изъ нарѣчій индоевропейской группы. Поэтому „языкъ“ Малой Россіи можетъ быть названъ діалектомъ лишь по отношенію къ тому доисторическому языку, на которомъ говорили русскіе славяне до своего рѣшительнаго раздѣленія на три вѣтви. Относительно этого русскаго пра-языка и великорусскій есть діалектъ. По отношенію къ послѣдне-

му малорусскій языкъ есть языкъ“ (Ѳ. Е. Коршъ, „Къ спору объ украинской культурѣ“). Какъ вообще условно формальное подраздѣленіе отдѣльныхъ языковыхъ видовъ на языки и нарѣчія, видно изъ того, что ученые филологи нерѣдко противорѣчатъ другъ другу въ такихъ подраздѣленіяхъ; такъ, проф. Т. Д. Флоринскій словацкую и кашубскую рѣчь считаетъ языками, тогда какъ другіе ученые признаютъ тѣ же языки нарѣчіями (первый—чешско-словацкаго, второй—лехитскаго языковъ). И въ отношеніи украинской рѣчи, въ то время какъ одни ученые признаютъ за ней званіе только нарѣчія, другой рядъ ученыхъ, не менѣе заслуженнаго авторитета, опредѣленно называетъ украинскую рѣчь языкомъ[1]). Очевидно, не на этихъ шаткихъ формальныхъ основаніяхъ зиждется право даннаго языка на широкое его литературное развитіе, а на другихъ—жизненныхъ и потому болѣе убѣдительныхъ основаніяхъ. Суть дѣла не въ формальномъ правѣ, не на немъ базируются жизненныя потребности живого языка, а въ фактическомъ осуществленіи той роли и того значенія, какія присущи всякому самостоятельному литературному языку. Если, выйдя изъ одной общей основы, великорусская и малорусская рѣчь развивались затѣмъ въ

---

[1]) Академикъ А. Н. Пыпинъ говоритъ по данному вопросу слѣдующее: „Филологи стараго склада, какъ Гречъ, утверждали просто, что „малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества поляковъ въ юго-западной Россіи и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ“. Позднѣе Погодинъ, въ спорѣ съ Максимовичемъ, совершенно отвергалъ присутствіе малорусскаго племени на югѣ въ періодъ до-татарскій и кіевлянъ называлъ великорусами. Наконецъ, вопросъ поставленъ былъ научнымъ образомъ: Шафарикъ категорически заявилъ, что въ южнорусскомъ нарѣчія мы имѣемъ дѣло съ такимъ же самобытнымъ нарѣчіемъ, какъ другія славянскія нарѣчія, и послѣдующія изысканія компетентныхъ филологовъ, какъ Миклошичъ, Лавровскій, Потебня, Житецкій, свели вопросъ изъ произвольныхъ толкованій къ его дѣйствительному фактическому значенію“ („Исторія славянскихъ литературъ“). Изъ упомянутыхъ филологовъ Миклошичъ опредѣленно высказался, что „украинскій языкъ слѣдуетъ разсматривать какъ языкъ самостоятельный а не какъ нарѣчіе великорусскаго“ („Vergleichende Grammatik“); по отзыву Лавровскаго, „черты этого нарѣчія даютъ ему неоспоримое право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія славянскія нарѣчія“ („Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями“).

условіяхъ, способствовавшихъ дальнѣйшей ихъ дифференціаціи какъ въ бытовомъ употребленіи, такъ и въ литературной обработкѣ—въ двухъ параллельныхъ литературахъ, то, казалось бы, та и другая рѣчь имѣютъ въ одинаковой степени историческое право на титулъ языка. И если бы передъ нами было даже только всего нарѣчіе, но если оно имѣетъ богатую письменность, матеріалъ изъ которой черпается для переводовъ на европейскіе языки, если на этомъ нарѣчіи существуетъ обширная и разнообразная научная литература и если это нарѣчіе фактически является языкомъ университетскаго образованія и органомъ административныхъ и судебныхъ отношеній (какъ въ украинскихъ провинціяхъ Австріи), то не все ли равно въ сущности, называть ли эту рѣчь языкомъ или нарѣчіемъ. По существу—это необходимый органъ разнообразныхъ жизненныхъ отношеній, и дѣло собственно въ этомъ, а не въ теоретической языковой классификаціи, почему самая постановка вопроса о причисленіи данной рѣчи къ тому или иному разряду была бы дѣломъ совершенно пустымъ и празднымъ, если бы обычно на этомъ формальномъ аргументѣ у насъ не базировались попытки практическаго разрѣшенія вопроса объ украинскомъ языкѣ, и зачисленіе его въ разрядъ нарѣчія или діалекта не сопровождалось отказомъ ему въ правѣ на практическое примѣненіе даже въ школѣ и судѣ.

Различіе русскаго и украинскаго языковъ.

Вообще „родственность языка преданій и другихъ національныхъ признаковъ у славянскихъ народовъ—говоритъ А. Н. Пыпинъ—не подлежитъ никакому спору; но вопросъ въ томъ, насколько это сходство можетъ имѣть дѣйствительнаго, т.-е. практическаго значенія. Языки французскій и итальянскій имѣютъ чрезвычайно много общаго, не меньше, чѣмъ иныя славянскія нарѣчія, между собою; но это сходство не стало основаніемъ для національнаго единства Италіи и Франціи. Филологическое родство языковъ говоритъ о прежнемъ единствѣ, но не составляетъ достаточнаго средства объединенія въ такую эпоху, когда, въ практическомъ употребленіи, эти языки уже непонятны одинъ другому, когда народы разошлись и въ прошлой исторіи и въ современномъ политическомъ бытѣ.“

Филологическая наука устанавливаетъ много коренныхъ, принципіальныхъ отличій въ звуковомъ, морфологическомъ и синтаксическомъ строѣ великорусской и малорусской рѣчи. Кромѣ того, имѣются весьма значительныя, очевидныя даже при бѣгломъ знакомствѣ, различія въ лексической сторонѣ великорусскаго и малорусскаго языковъ: въ жизни видимъ на каждомъ шагу сопровождающіеся болѣе или менѣе важными практическими послѣдствіями случаи взаимнаго непониманія вслѣдствіе того, что въ обоихъ языкахъ есть слова или сходныя по произношенію, но совершенно различныя по смыслу (омонимы), или обозначающія одинаковыя понятія, но различныя какъ по произношенію, такъ часто даже и по происхожденію [1]).

---

[1]) Наиболѣе характерными особенностями, отличающими украинскій литературный языкъ отъ русскаго литературнаго языка, представляются слѣдующія явленія украинской фонетики, морфологіи, синтаксиса и лексики.

Въ области гласныхъ звуковъ:

1. Возникновеніе *і* на мѣстѣ стараго *о* (долгаго) передъ слогами, содержавшими нѣкогда звуки *ъ*, *ь*, *и* (послѣднее перешло въ *й*, т.-е. неслоговое *и*): *кінь*, *сніп*, *мій*, *лій*, *жінка*, *кінчик* и т.-д. Это *і* въ значительной части украинскихъ говоровъ не смягчаетъ предшествующихъ согласныхъ.

2. Возникновеніе *і* на мѣстѣ стараго *е* (долгаго) передъ слогами съ отпавшими или выпавшими *ъ*, *ь* и передъ *й*: *шість*, *піч*, *сільский*, *сім*, *ніс* (нёсъ) *віз*, *синій* (дат. ед. ж. р.) и т. д. Это *і* смягчаетъ тѣ предшествующіе ему согласные, которые вообще подлежатъ смягченію (для *і*, смягчающаго предшествующій согласный, въ украинскомъ алфавитѣ примѣняется буква *ї*, которою обозначается также и сочетаніе *йі*: *дідівський*, *їжа*).

3. Возникновеніе *і* на мѣстѣ стараго *ѣ*: *діло*, *тіло*, *білий*, *вітеръ*, *цвісти*, *сїсти* и т. д. Это *і* также смягчаетъ тѣ предшествующіе ему согласные, которые вообще подлежатъ смягченію.

Ходъ развитія всѣхъ трехъ родовъ украинскаго *і* (изъ *о*, *е*, *ѣ*) до настоящаго времени можно прослѣдить на живыхъ украинскихъ народныхъ говорахъ, въ которыхъ наблюдаются всѣ посредствующія ступени отъ *о* черезъ дифтонги (это оригинальнѣйшее явленіе украинскаго вокализма) *у͡о*, *у͡и*, *у͡і* и монофтонги *у*, *и* до *і*; отъ *е*, *е* черезъ *і͡е* до *і*, *ї*; далѣе отъ *е*, *е* черезъ *юо*, *юі*, *ю до і*, *ї*.

4. Перемѣщеніе передняго *е* болѣе назадъ, вслѣдствіе чего предшествующіе согласные отвердѣли: *небо*, *село*, *дерево*(=*нэбо* и т. д.)

5. Совпаденіе стар. *ы* и *и* въ одномъ украинскомъ звукѣ *и*: *пити*, *жити*, *сидіти*, *син*, *дим*, *виходити* и т. д., съ отвердѣніемъ предшествующаго согласнаго.

6. Появленіе *и* вмѣсто стараго *ы*, *и* передъ *й*, *j* и вмѣсто *ъ* послѣ группы согласныхъ, оканчивающейся на *л*, *р* (въ русск. этому *и* соотвѣтствуетъ *о*, *е*):

Но различіе языковъ, разъ вообще идетъ рѣчь о языкѣ живомъ, нельзя даже сводить къ однимъ внѣшнимъ признакамъ, такъ какъ каждый живой языкъ—это одухотворенный символъ народной мысли и, даже при сходствѣ съ другимъ родственнымъ ему языкомъ по внѣшнимъ признакамъ своимъ, онъ расходится съ нимъ по индивидуальнымъ особенностямъ своего внутренняго характера. „Въ словарѣ, фразеологіи, въ такъ называемыхъ идіотизмахъ языка каждаго отдѣльнаго народа запечатлѣны нерѣдко интимнѣйшія и характернѣйшія черты его фантазіи, чувствъ и мыслей, не поддающіяся иногда передачѣ на языкѣ другого народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родной языкъ даннаго народа является носителемъ многовѣковыхъ пріобрѣтеній его умственной и

мию, рию, шия, чий, лий, бий, лихий, сліпий, крихотка, чорнобривий глитати и т. д.

7. Независящій отъ ударенія переходъ *е* въ *ё*: *його, сльозá, льонóк* и т. д.

8 Сохраненіе безударныхъ *о* и *е*, въ русскомъ литературномъ произношеніи переходящихъ въ *а* и *и*: *голосити, перейти* и т. д.

Въ области согласныхъ звуковъ укажемъ слѣдующія особенности:

1. Отвердѣніе губныхъ на концѣ и въ срединѣ словъ: *голуб, сім, сип!, вялий* (чит. *віалый*), *памятник* (=*памйатник*), *бе* (=*бйе*), *пе* (=*пйе*), *бю* (=*бйу*), *пю* (=*пйу*) и т. д.

2. Длительное *г* (равное *h*) вмѣсто русс. мгновенн. г (равнаго *g*): *гасити гути, горниця* и т. д; г (равное *g*) въ украинскомъ встрѣчается лишь въ словахъ заимствованныхъ: *ганок, гимназия, геология, гонта, гудзик*.

3. Твердое *ч* и мягкое *ц* вмѣсто мягкаго *ч* и твердаго *ц* въ русскомъ: *чарувати, чатувати, частина, молодиця, паляниця, кінець, козацькій* и т. д.

4. Вмѣсто стар. *лъ* въ концѣ слова и вмѣсто *л* въ старомъ сочетаніи *ъл—в* (у): *ходив, робив, жовтий, вовк, довгий, вовна* и т. д.

5. Сохраненіе звонкихъ согласныхъ въ концѣ слова и передъ глухимъ согласнымъ: *дід, віз, біг, зсунути, змулити, відтяпти, стежка, ложка* и т. д.; въ русскомъ вмѣсто звонкихъ—глухіе.

6. Согласный приступъ передъ начальной гласной—въ видѣ *в, г, й*; *вулиця, вогонь, гострий. горіх, юшка* и т. д.

7. Среднее *л* (европейское), неизвѣстное русскому языку: *біл (ь) ше, віл (ь)шина, либонь, лихо* и т. д.

8. Совпаденіе *у* и *в* не передъ гласнымъ въ *у* (неслог.): *на Україні, крив(у)да, вив(у)чив(у), катів(у)* и т. д.

9. Переходъ начальнаго *і* въ *й*: *іти—йти, Іван—Иван* и т. д., также отпаденіе начальнаго *і* (*й*): *голка, грати* и др.

10. Отсутствіе звука *ф*, встрѣчающагося лишь въ иностранныхъ словахъ.

нравственной культуры и традиціоннымъ памятникомъ бытовыхъ, общественныхъ и политическихъ судебъ и впечатлѣній, пережитыхъ многими поколѣніями этого народа на протяженіи всей его исторіи. Наконецъ, съ роднымъ языкомъ даннаго народа органически связываются вѣками накопленные продукты его художественнаго—словеснаго и пѣсеннаго—творчества, съ которыми тѣсно соединены также и разныя интимныя подробности его современнаго житейскаго и бытового обихода. Однимъ словомъ, родной языкъ каждаго народа—это живой символъ его собирательной личности, его душевной жизни и его творческаго генія" (К. Михальчукъ. „Что такое малорусская рѣчь"). Поэтому важно не только понять чужую и высказать свою мысль, но въ оди-

---

Въ области склоненія отмѣтимъ:

1. Именит. и винит. един. ч. ср. рода на—*иня (ине)*, *лля*, *лле*, *ччя (ччє)* и т. п. Творит. на *иням (инем)*, *ллям (ллєм)*, *ччям (ччем)* и т. п.: *милування*, *горювання*, *весілля*, *оповідання*; *милуванням*, *горюванням*, *весіллям*, *оповіданням*; *життя*, *паліччя*, *життям*, *паліччям* и т. д.

2. Звательный падежъ единственнаго числа, неизвѣстный въ русскомъ языкѣ, широко употребляется въ украинскомъ, съ окончаніями *о* (въ ж. р.), *у*, *ю* (въ м. р.), *е* (въ м. и ж. р.); при чемъ гортанные *г*, *к*, *х* передъ оконч. *е* соотвѣтственно переходятъ въ *ж*, *ч*, *ш*; *друже*, *друже*, *враже*, *вовче*, *чоловіче*, *пастуше*, *хлопче*, *женко*, *дружино*, *господине*, *дитино*, *сину*, *діду*, *батьку*, *приятелю* и т. д.

3. Дат. и мѣстн. муж. р. на *ові (ови)*, *еві (еви)*: *козакові*, *панові*, *робітникові*, *чоловікові*, *писареві*, *дурневі*, *коневі* и т. д.

4. Мѣстн. един. муж. и ср. р. основъ на гортанные *г*, *к*, *х* пріобрѣтаетъ окончаніе—*ї*, передъ которымъ гортанные соотвѣтственно переходятъ въ *з*, *ц*, *с*: *ц*, *с*: *у плузї*, *в острозї*, *у байрацї*, *у сірацї*, *у кожусї*, *в горої*, *в оцї*, *в усї* и т. д. (древняя особенность).

5. Дат. и мѣстн. един. ч. жен. р. основъ на гортанные *г*, *к*, *х* пріобрѣтаетъ окончаніе—*ї*, передъ которымъ гортанные соотвѣтственно переходятъ въ *з*, *ц*, *с*: *на нозї*, *руцї*, *стрісї* и т. д. (древняя особенность).

6. Употребленіе въ качествѣ мѣстныхъ формъ дательнаго падежа един. ч *на ринку*, *на весіллю* и т. д.

7. Творит. пад. един. ч. жен. р. на—*ою*, *ею* (никогда не на *ой*, *ей*, какъ въ русскомъ): *волею*, *Україною*, *дочкою*, *господинею* и т. д.

8. Формы на—*ове* (имен. мн.): *панове*, *братове*.

9. Остатки двойственнаго числа: *дві оцї*, *дві відрі*, *дві нозї*, *три дорозї* и др

10. Сравнительная степень въ украинскомъ языкѣ по формѣ сходна съ русской превосходной: *добріщий*, *лютіщий*, *сильніщий* и т. д.

наковой мѣрѣ важно также и то, какъ это сдѣлать: сдѣлать ли при помощи родного языка—выразителя тончайшихъ изгибовъ мысли, интимныхъ движеній души, или же не уловить вовсе красоты и богатства чужой рѣчи и съ своей стороны прибѣгать только къ плоскому, безцвѣтному, безжизненному словоыраженію. Можно и нужно, конечно, знать чужую рѣчь и, чѣмъ шире это знаніе, тѣмъ шире умственный горизонтъ знающаго; но нельзя заставлять жить чужой рѣчью, лишая родной рѣчи—этого незамѣнимаго органа мысли, этой „музыки и живописи“ человѣческой души (Проф. Д. И. Овсянико-Куликовскій). „Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно,—говоритъ проф. А. А. Потебня,—оно было бы ги-

---

Въ области спряженія отличительныя черты таковы:

1. В неопред. накл. сохраняется древнее окончаніе—*ти*: *робити, ходити, носити* и т. д.

2. 1 лицо ед. ч. и 3 лицо мн. ч. на—*жу, чу*, и *жуть, чуть* (вм. русскихъ и древнихъ *гу, ку, гуть, куть*): *можу, ляжу, течу, печу; можуть, ляжуть, течуть, печуть* и т. д

3. 3 л. ед. ч на *е, ае*, и *а*: *каже, хоче, пише; думае, читае, питае*, и *дума. чита, пита* и т. д.

4. 3 лицо един. и мн. ч. на—*тъ* (не—*тъ*, какъ въ литературномъ русскомъ): *носить, любить, шкодить, носять, люблять, шкодять* и т. д.

5. Будущее время образуется съ глаголомъ *иму: питиму, питимеш, питиме, питимемо, питимете, питимуть* и т. д.

6. Давнопрошедшее время: *пішов був, зробив був, пішла була, зробили були* и т. д.

7. Новообразованія въ неопред. наклоненіи, какъ *пекти, бігти, помогти* и др.

Въ синтаксисѣ отмѣтимъ изъ многихъ особенностей лишь слѣдующія:

1. Употребленіе звательнаго падежа (примѣры выше).

2 Употребленіе въ винительномъ падежѣ множественнаго числа одушевленныхъ предметовъ старой формы (сходной съ имен.) вмѣсто родит. (ср. въ русск.): *пасти коні, гнати воли, різати гуси, карають діти, тончи ворогн* и т. д.

3. Употребленіе родительнаго падежа вм. русскихъ конструкцій съ предлогами: *темної ночи* (въ темную ночь), *ясної днини* (въ ясный день), *минулого року* (въ прошломъ году) и т. д.

4. Употребленіе описательныхъ конструкцій вмѣсто русскихъ причастій наст. вр. на—*у(ю)щій,—а (я) щій* и прош. вр. на—*вшій,—шій*, которыя въ украинскомъ утрачены: *той, що стоїть* (=стоящій), *той, що стояв* (=стоявшій) и т. д.

белью для человѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди; для народности—другія народности. Послѣдовательный націонализмъ есть интернаціонализмъ".

Такимъ образомъ, при безспорной общности происхожденія великорусскаго и малорусскаго языковъ, при всей взаимной близости ихъ по общей племенной стихіи, единство русскаго (народнаго великорусскаго или литературнаго) и украинскаго языковъ—въ смыслѣ практическаго ихъ совпаденія—должно быть признано совершенной иллюзіей, такъ какъ не оправдывается не только исторіей того и другого языка, но и не мыслимо по существу дѣла, по условіямъ

Въ словарномъ отношеніи, въ отношеніи лексики, украинскій языкъ представляетъ еще больше отличій отъ русскаго; существуетъ большое число словъ общихъ украинскому и русскому языкамъ, съ внѣшней стороны вполнѣ тождественныхъ, но со стороны семасіологической, со стороны смысла, часто не имѣющихъ ничего общаго и даже обозначающихъ прямо противоположныя понятія. Съ другой стороны, огромное количество самыхъ ходовыхъ, обыденныхъ понятій выражается въ украинскомъ языкѣ иными словами, чѣмъ въ русскомъ.

Какъ примѣры первой группы, приведемъ слова: лишитися (остаться) — лишиться (втеряти), чоловік (мужъ) — человѣкъ (людина), лаять (бранить)—лаять (брехати—о собакѣ), дурний (глупый)—дурной (поганий), слабий (больной)—слабый (слабкий), дурно (даромъ)—дурно (погано), хвіртка, хвірточка (калитка)—форточка (кватирка), калитка (мѣшочекъ)—калитка (хвіртка), очутитись (очнуться)—очутиться (опинитись), ось (вотъ)—ось (вісь), неділя (воскресенье)—недѣля (тиждень), питати (спрашивать)—пытать (катувати), луна (эхо)—луна—(місяць), лічити (считать)—лѣчить (лікувати), піл (нары, родъ кровати)—пол (поміст), качка (утка)—качка (хитання), злодій (воръ)—злодѣй (лиходій), уродливий (красивый)—уродливый (бридкий), дурити (обманывать)—дурить (пустовати), дивитися (смотрѣть)—дивиться (дивуватися), наглий (внезапный) — наглый (зухвалий), гарний (хорошій)—гарный (горючій) и т. д.

Ко второй группѣ относятся такія слова, какъ: хустка=платокъ, бажання=желаніе, журба=печаль, хмара=туча, бадьорий=бодрый, радити=совѣтовать, ледве=едва, багно=болото, нехай=пусть, бавитися=забавляться, бачити=видѣть, стьожка=лента, гомоніти, балакати=говорить, призьба=завалинка, рік=годъ, кавун=арбузъ, молодик=новолуніе, мрія=мечта, дбати=заботиться, ясна=десны, пацюк, щур=крыса, клуня=гумно, швець=сапожникъ, тин=заборъ, зручно=удобно, кравець=портной, хвиля=волна, образити=оскорбить, охляпути=ослабѣть, лагодити=починять, божевільний=сумасшедшій, догана=упрекъ и мн. др.

самой ихъ жизни и развитія. Ни совпадать, ни органически слиться они не могутъ. Въ широкой мѣрѣ производились и производятся попытки—до сихъ поръ безрезультатныя—принудительно устранить одинъ изъ нихъ, замѣнивъ его другимъ; но это уже, конечно, выходитъ за предѣлы филологическихъ аргументовъ.

Вопросъ о чистотѣ и народности современнаго литературнаго украинскаго языка.

Другое сомнѣніе въ правоспособности современнаго литературнаго украинскаго языка высказывается по поводу его, якобы, ненародности и искусственности. Указывается на то, что литературный украинскій языкъ значительно отступилъ отъ своей простонародной основы (предѣлами которой иные хотѣли бы и ограничить его развитіе и распространеніе), принялъ въ себя много чужихъ элементовъ—польскихъ, нѣмецкихъ—и, вслѣдствіе этого, является по отношенію къ народному языку—искусственнымъ.

Иноязычные элементы въ украинскомъ литературномъ языкѣ, конечно, имѣются. Сами украинскіе литературные дѣятели указываютъ на это (противники украинскаго языка обычно и пользуются этими указаніями), и возможное очищеніе литературнаго языка отъ чужеродныхъ наслоеній составляетъ предметъ серьезныхъ заботъ и усилій украинскихъ литераторовъ. Но, прежде всего, хулителямъ современнаго литературнаго украинскаго языка не нужно бы забывать, что чужеродные—польскіе и нѣмецкіе—элементы составляютъ не органическій, а благопріобрѣтенный его недостатокъ, усвоенный имъ главнымъ образомъ въ то время, когда, стѣсненный въ своемъ развитіи въ предѣлахъ Россіи, онъ вынужденъ былъ развиваться въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ польскою и нѣмецкою культурами. Если, такимъ образомъ, украинскому литературному языку какъ бы въ вину ставится наличность въ немъ иноязычныхъ вліяній, то вина эта лежитъ на тѣхъ, кто изобрѣтаетъ нынѣ всѣ тѣ скорпіоны, какими ставятся преграды развитію украинскаго языка у насъ дома, гдѣ разселена главная масса украинскаго народа.

По существу же дѣла—наличность иноязычнаго матеріала не грозитъ развитію украинскаго языка какой-либо смер-

тельной опасностью. Заимствованія изъ другихъ языковъ—это необходимый этапъ въ процессѣ формированія каждаго литературнаго языка, и всякій, дѣйствительно имѣющій жизненную силу, языкъ сумѣетъ приспособить эти заимствованія къ своей національной стихіи, себѣ же на пользу. Стоитъ въ этомъ отношеніи вспомнить макароническій языкъ великаго преобразователя Россіи и его ближайшихъ птенцовъ, да и вообще русскій литературный языкъ XVIII в.,—а вѣдь это было не такъ ужъ и давно. Не болѣе вѣка тому назадъ Карамзинъ вызвалъ чуть ли не цѣлую революцію въ литературныхъ кругахъ своихъ современниковъ, введя въ литературный оборотъ такіе неологизмы, какъ „предметъ", „развитіе", „вліяніе", получившіе съ тѣхъ поръ прочное право гражданства. А развѣ въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ, въ особенности въ языкѣ прессы и журналистики, мало словъ и оборотовъ не-русскаго корня и непонятныхъ великорусскому простолюдину? Но странно было бы на этомъ основаніи опорочивать право этого языка на развитіе и литературное совершенствованіе и тѣмъ болѣе закрывать ему путь для этого. Аргументы такого рода сами страдають большою искусственностью и, очевидно, притянуты къ дѣлу насильственно. Широкая и вмѣстѣ научная точка зрѣнія въ данномъ случаѣ покоится на совершенно иныхъ основаніяхъ,—на тѣхъ именно, какія указаны нашимъ высшимъ ученымъ учрежденіемъ въ уже цитировавшейся запискѣ: „умѣніе воспользоваться иноязычными элементами, отсутствіе боязни къ нимъ, смѣлое отношеніе къ новому лексическому матеріалу—весьма часто свидѣтельствують о силѣ и крѣпости юнаго литературнаго языка, неудержимо стремящагося къ все большему захвату въ области выраженія человѣческихъ мыслей и чувствъ".

Единство украинскаго національнаго типа и языка.

Противники самостоятельнаго развитія украинскаго языка, отмѣчая наличность отдѣльныхъ его развѣтвленій, указывають еще на отсутствіе въ немъ органическаго единства, какъ необходимаго условія для созданія литературы.

Соображенія эти обычно соединяются съ указаніями также и на разнообразіе отдѣльныхъ племенныхъ развѣтвленій украинской народности, свидѣтельствующее будто бы и объ отсутствіи здѣсь единаго національнаго типа.

Украинская народность не представляетъ, конечно, одного сплошного и совершенно однообразнаго цѣлаго, но само по себѣ обстоятельство это является не недостаткомъ, а скорѣе даннымъ самою природою благомъ, такъ какъ въ этомъ многообразіи—залогъ внутренняго богатства. Вопросъ, такимъ образомъ, не въ самомъ фактѣ этническихъ и филологическихъ отличій въ составѣ украинской народности, а въ томъ—сумѣла ли она и сумѣетъ ли дальше переплавить всѣ эти частныя особенности въ единый по своей стихіи этническій типъ, въ единый языкъ. Данныя изъ прошлой жизни украинскаго народа и его настоящее состояніе, повидимому, не даютъ основанія для какихъ-нибудь сомнѣній въ этомъ отношеніи. Единство этническаго типа и языка въ разнообразіи состава той группы племенъ, которая стала основою украинской народности, видимъ на зарѣ нашей исторіи. „Всѣ отмѣны южно-русской народности,—говоритъ Костомаровъ,—имѣли между собою столько сродныхъ общихъ признаковъ, что съ устраненіемъ въ нихъ мелочей представлялась одна народность, по сравненію съ другими такими же группами, отличными отъ всѣхъ нихъ вмѣстѣ. И теперь мы видимъ, что всѣ этнографическія особенности совершенно сообразны съ системою развѣтвленія волостей удѣльнаго уклада, и всѣ эти этнографическія особенности составляютъ сумму одной народности—южно-русской“ („Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“). И впослѣдствіи, не смотря на единственную, въ историческомъ процессѣ развитія народа, индивидуализацію его составныхъ частей, историческія условія жизни украинскаго народа больше сплочивали, чѣмъ разъединяли, эти части. Крайне неблагопріятное во всѣхъ другихъ отношеніяхъ явленіе—передвиженіе украинскаго населенія подъ натискомъ кочевниковъ—имѣло огромное положительное вліяніе на эволюцію національнаго типа украинскаго народа и его языка. Всѣ эти частые и массовые приливы и отливы населенія изъ менѣе

защищенныхъ равнинныхъ мѣстъ въ болѣе защищенныя самой природой—горы, лѣса, болота—и затѣмъ обратно по удаленіи кочевыхъ ордъ продолжались въ теченіе ряда вѣковъ до половины XVIII вѣка, сильно перетасовывали различные элементы украинскаго племени и сообщили народному типу и языку единство и однородность. Такъ единство племени и языка было выправлено и закалено въ горнилѣ тѣхъ историческихъ пертурбацій, какія пришлось ему вынести въ тяжкихъ условіяхъ его прошлаго существованія. Вслѣдствіе этого этнографическія разновидности и народные говоры на всей огромной территоріи распространенія украинскаго племени не представляютъ въ настоящее время такихъ существенныхъ отличій, которыя нарушали бы основное единство украинскаго типа и языка. Во всякомъ случаѣ, отличія эти не превышаютъ тѣхъ, какія имѣютъ мѣсто въ предѣлахъ національнаго великорусскаго типа и языка, что, однако, не мѣшаетъ признанію единства того и другого.

Процессъ объединенія украинскаго племени продолжается, и связывающую роль въ данномъ случаѣ, помимо факторовъ духовнаго свойства, играютъ географическое единство территоріи и національная сплоченность украинской массы въ настоящее время. И территорія эта, и народная масса поистинѣ огромны: на площади около 800 тыс. кв. километровъ (15 тыс. квадр. миль) числится около 33 милліоновъ украинскаго населенія, при чемъ на долю Россіи—даже до начала войны—приходилось около 28 милліоновъ, населяющихъ площадь въ 750 тыс. кв. километровъ (губерніи Волынская, Подольская, Кіевская, Херсонская, Полтавская Харьковская, Екатеринославская, Холмская, части Черниговской, Гродненской, Минской, Бессарабской, Таврической, Курской, Воронежской, Донской и Кубанской), остальная часть — 85 тыс. кв. кил. съ населеніемъ около $4^1/_2$ милл.—находилась въ смежныхъ областяхъ Австро-Венгріи (Галиція, Буковина, Угорская Русь). Это не оазисъ, не островокъ, который можетъ затеряться и раствориться въ широкомъ морѣ чужой народности, а цѣлое обширное національное море, поглощающее въ себя, какъ говорятъ факты, вкрапленные въ него островки чужихъ національностей до

великорусской включительно. Украинскій элементъ на столь огромной территоріи, нѣсколько разрѣженный на окраинахъ, отличается большой однородностью въ центрѣ своей территоріи. Въ губерніяхъ Полтавской, южной части Черниговской, восточной части Кіевской и прилегающихъ частяхъ Екатеринославской украинское населеніе составляетъ въ общемъ около 90%, достигая мѣстами, по даннымъ официальной статистики, до 98%. Большая часть Кіевской губ., Волынь, Подолія—на западѣ территоріи, Харьковская губ. со смежными частями Курской и Воронежской на востокѣ—занимаютъ среднее положеніе,—съ 70—80%% украинскаго населенія.

Столь прочная спайка украинской народности является однимъ изъ главныхъ условій ея самобытности и единства. Разселеніе почти безъ инородныхъ интерваловъ способствуетъ простому механическому сцѣпленію различныхъ элементовъ племени и не даетъ ему терять свой типъ и общій національный языкъ. Это единство національнаго типа и языка выплавлено всѣмъ ходомъ многогранной исторіи украинскаго народа, и наиболѣе характернымъ фактическимъ проявленіемъ его въ настоящемъ является литература народа—какъ устная, такъ и письменная, при всѣхъ своихъ отличіяхъ представляющая, въ національномъ смыслѣ, единое цѣлое, объединяющее отдѣльныя развѣтвленія украинскаго племени, точно такъ же, какъ литература русская, созданная на основѣ великорусской, является объединительнымъ началомъ для отдѣльныхъ великорусскихъ развѣтвленій. Каждый украинецъ—будь это полтавецъ, кіевлянинъ, галичанинъ,—признаетъ роднымъ языкомъ украинскій, независимо отъ нѣкоторой разницы мѣстныхъ—полтавскаго, кіевскаго, галицкаго—говоровъ, точно такъ же, какъ рязанецъ, новгородецъ, москвичъ признаютъ общимъ роднымъ языкомъ русскій и, конечно, ни въ коемъ случаѣ не могутъ признать таковымъ языкъ украинскій.

Національное имя.

Внѣшнимъ символомъ внутренняго единства украинскаго племени и украинскаго языка является общее національное имя.

Около этого имени возникало, да и теперь происходитъ, не мало споровъ. Край, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ теперь нѣсколько названій, и наиболѣе извѣстныя изъ нихъ—Малороссія, Украина. Названія эти уже болѣе поздняго происхожденія. Старая кіевская земля, съ входившими въ составъ ея племенами, предками нынѣшняго украинскаго народа, называлась Русью. Это имя отдѣльной племенной вѣтви, съ основаніемъ на сѣверо-востокѣ новыхъ центровъ, принято и этими послѣдними, какъ обозначеніе принадлежности къ одной племенной семьѣ, и стало здѣсь настолько народнымъ, что было перенесено и на вновь составившееся изъ разныхъ земель Московское государство. На территоріи южной Руси это имя сохранилось тамъ, гдѣ (какъ въ Червоной Руси) народъ вошелъ въ соприкосновеніе съ иноплеменными народностями (поляки, нѣмцы, угры) и гдѣ исконное его національное имя противополагало его иноплеменнымъ народамъ; иное дѣло, когда онъ сталкивался съ родственной народностью, какая носитъ то же русское имя: здѣсь названіе, характеризовавшее признаки, которые не рознили, а уподобляли его народу, усвоившему русское имя, уже должно было замѣниться такимъ, которое означало бы признаки различія отъ родственнаго народа, а не сходства съ нимъ. Это вызывалось простой практической необходимостью при условіяхъ разнообразныхъ—бытовыхъ и офиціальныхъ—сношеній между украинской и московской Русью, въ результатѣ чего появился рядъ терминовъ—Черкасы, Малая Русь, Украина. Названіе Малая Русь (впослѣдствіи Малороссія) имѣло книжный характеръ, и большую популярность получаетъ другой терминъ—Украина [1]), сперва обозначавшій

---

1) Названіе „Украина“ весьма давняго происхожденія и въ лѣтописныхъ источникахъ встрѣчается уже въ XII вѣкѣ. Такъ, въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1187 г. читаемъ (по поводу смерти переяславскаго князя Владиміра Глѣбовича): „И плакашася по немь вси Переяславци...—о немь Украина много постона“;

въ собственномъ смыслѣ восточно-украинскія земли и затѣмъ получившій болѣе широкое народное распространеніе послѣ того, какъ этотъ районъ сталъ центромъ политической и общественной жизни всего края [1]). Въ украинской литературѣ, со времени возрожденія, утвердился этотъ послѣдній терминъ (принятый и народомъ въ его словесномъ творчествѣ) для обозначенія національной самобытности и единства украинскаго народа въ прошломъ и настоящемъ. Поэтому-то термины „Украина", „украинскій" вызываютъ много пылкихъ и ожесточенныхъ возраженій со стороны тѣхъ, кто вообще несочувственно относится къ идеѣ національнаго развитія украинскаго племени.

Этотъ пылъ ожесточенія, съ которымъ говорятъ о національномъ имени украинскаго народа, не оправдывается существомъ дѣла. Какой бы терминъ ни избрать для обозначенія національной самобытности украинскаго племени или даже просто въ качествѣ собирательнаго его имени,—хотя бы Малороссія, Малая Русь и даже Южная Русь,—въ дѣйствительности рядомъ съ этими названіями стоятъ, для означенія другого русскаго племени, параллельныя имъ—Великороссія, Великая Русь, Сѣверная Русь, и, какъ только обратиться къ раскрытію сущности этихъ терминовъ, національная особенность двухъ русскихъ народностей обнаруживается съ такой опредѣленностью, что не можетъ быть затушевана и, тѣмъ болѣе, скрыта простымъ названіемъ.

подъ 1213 г. въ той же лѣтописи (по поводу княженія Даніила Галицкаго) говорится: „Данило... ѣха с братомъ и прия Берестий и Угровескъ и Верещинъ и Столпъе, Комовъ, и всю Украину".

1) „Зиновей Богданъ Хмельницкій, гетманъ славнаго войска запорожскаго и всея по обоимъ сторонамъ Днѣпра сущей Украйны Малороссійскаго" (Универсалъ 1648 г.).

„...А при семъ, переписавъ оной (листъ) для лучшаго выразумѣнія, на Россійской языкъ, списокъ съ онаго переложить повелѣли, въ которомъ онъ пишетъ, призывая того Лещинскаго на отобраніе малороссійскаго краю, будто по общему желанію всея Украйны"... (Манифестъ Петра I 1709 г.).

„Великій князь Петръ Алексѣевичъ на престолъ Всероссійскій вступилъ и повелѣлъ милостивѣйше... гетмана вольными малороссійскому войску голосами (безъ котораго Украина была полшеста года) избрать" (Лѣтопись Самовидца—запись 1727 г.).

Не смотря на всѣ историческія испытанія, украинскій народъ ни потерялъ не своего этническаго типа, ни своихъ бытовыхъ и культурныхъ особенностей, ни своего языка. Національная стихія его обнаружила такую устойчивость, которая является залогомъ дальнѣйшаго сохраненія и развитія имъ своей національности даже при продолженіи старыхъ и при всѣхъ возможныхъ новыхъ препятствіяхъ его нормальной національной жизни. „Впечатлѣніе глубокой стихійной силы и устойчивости даетъ намъ современная картина Украины. Передъ нами огромная, сплоченная территорія, единая географически, опирающаяся о море и горные кряжи, прорѣзанная мощными системами рѣкъ; передъ нами сплошное этнографическое море, мелѣющее по краямъ, но чрезвычайно глубокое, мощное въ своихъ центральныхъ частяхъ. Къ этому надо присоединить, во-первыхъ, устойчивость коренного населенія, сильно растущаго, высылающаго на сторону свои излишки, не укладывающіеся въ нынѣшнюю экономическую структуру, но въ весьма слабой степени принимающаго постороннія примѣси и сильно ассимилирующаго ихъ, и, во-вторыхъ, своеобразность и ярко выраженную оригинальность народной культуры, ея законченность и стойкость. Эта общая внушительная картина Украины поддерживается и усугубляется, когда мы обращаемся къ исторической эволюціи, динамикѣ народной украинской жизни. Тяжелыя историческія обстоятельства, обращавшія противъ населенія всѣ тѣ географическія условія, которыя съ точки зрѣнія его настоящаго и будущаго мы разсматриваемъ какъ залогъ преуспѣянія и развитія,—они, съ другой стороны, раскрываютъ передъ нами въ полномъ блескѣ чрезвычайную силу, настойчивость и экстенсивную энергію украинской народной стихіи“ (проф. М. С. Грушевскій—„Украина и украинство“).

Въ сохраненіи украинскимъ народомъ своей національности не малую роль играло, конечно, и чисто пассивное сопротивленіе внутренне устойчивой національной стихіи, прочно заложенной въ народную душу и нераздѣльной отъ нея. Но рядомъ съ этимъ безсознательнымъ инстинктомъ національнаго самосохраненія дѣйствовали и иныя, болѣе

сознательныя силы, побуждавшія его защищать свою національность отъ упадка и гибели и развивать ея внутреннее содержаніе. Силы эти, замѣтныя въ исторической жизни и литературныхъ памятникахъ уже древнѣйшей поры, развиваются впослѣдствіи въ глубокое національное самосознаніе, руководившее народомъ и въ его героической борьбѣ, въ условіяхъ польскаго государственнаго строя, за свою вѣру и народность, и въ его новомъ національномъ возрожденіи, когда условія и средства борьбы рѣшительно перемѣнились.

II.

Украинское національное движеніе въ прошломъ и настоящемъ, какъ выраженіе національнаго самоопредѣленія.

Національное движеніе въ XVII—XVIII вв.

Особенно ярко проявляется національное самосознаніе украинскаго народа въ борьбѣ съ Польшей и тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, съ точки зрѣнія его внутренней жизненности, что борьба эта велась при самыхъ неблагопріятныхъ для украинской стороны условіяхъ. На сторонѣ враговъ украинскаго народа видимъ всю силу государственной власти и всѣ средства европейской культуры, и, тѣмъ не менѣе, сила національнаго сопротивленія была такъ велика, что украинскій народъ вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Борьба велась съ участіемъ всѣхъ силъ народа, и наиболѣе характернымъ проявленіемъ этой національной солидарности были такъ называемыя братства, въ которыя входили всѣ элементы, оставшіеся вѣрными своей національности,—православное дворянство, духовенство, мѣщанство, козачество и остальная масса народа, поскольку она не входила въ составъ этой послѣдней категоріи. Всѣ эти элементы народа объединились въ чувствѣ національнаго самосознанія, опираясь на старыя національныя традиціи и черпая

въ нихъ основу для современныхъ національныхъ стремленій. „Протестація" 1621 г., обращенная къ польскому правительству, указываетъ на связь современныхъ „останковъ старой Руси"—козачества—съ сподвижниками Олега и Владимира Св. и подчеркиваетъ ту мысль, что народъ, который имѣетъ такія древнія и славныя традиціи, долженъ всѣми силами защищать и отстоять свою національность. Тотъ же основной мотивъ проходитъ чрезъ всю тогдашнюю богатую полемическую литературу—отъ произведеній такого націоналиста-консерватора, какъ Іоаннъ Вишенскій, до такихъ крупныхъ твореній тогдашней образованности, какъ „Апокрисисъ" Бронскаго, „Ѳриносъ" Смотрицкаго, „Пересторога" и пр. Параллельно съ такимъ сознаніемъ, какъ фактическое проявленіе его, единственно убѣдительное при тогдашнихъ условіяхъ, шла вооруженная борьба за народные интересы, кончившаяся побѣдой широкаго народнаго движенія при Богданѣ Хмельницкомъ. Насколько движеніе это сопровождалось подъемомъ народной жизни и составило въ ней самобытную національную эпоху, видно уже изъ того, что старое эпическое преданіе о Владимировомъ циклѣ заслонено было на Украинѣ новымъ героическимъ эпосомъ—такъ называемыми украинскими „думами", вызванными новою борьбой украинскаго народа за свою національную самобытность.

Соединеніе съ Московскимъ государствомъ не прекратило на Украинѣ борьбы за національныя права, видоизмѣнивъ лишь формы этой борьбы. Предпринятая русскимъ правительствомъ постепенная ликвидація автономнаго строя Украины вызывала острые протесты со стороны украинскаго общества, не всегда, впрочемъ, единодушные, такъ какъ правительственная политика видоизмѣняла всю структуру соціальныхъ отношеній въ странѣ, усиливая тѣмъ въ украинскомъ населеніи классовые антагонизмы. Но при всемъ томъ, даже окончательное объединеніе Украины съ Россіей не подавило національнаго самосознанія украинскаго народа, которое, не смотря на принятыя спеціально противъ него суровыя мѣропріятія, продолжало жить, находя себѣ выраженіе тамъ, гдѣ для этого представлялась хоть какая-ни-

будь возможность. Особенно характернымъ въ этомъ отношеніи фактомъ является участіе—уже во второй половинѣ XVIII в. (1767 г.) — украинскихъ депутатовъ въ комиссіи для составленія новаго уложенія. Хотя депутатовъ посылали лишь свободныя сословія (козаки, шляхетство, горожане), и тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ гр. Румянцевъ принималъ самыя рѣшительныя мѣры для устраненія изъ наказовъ „закоренѣлыхъ предразсужденій", тѣмъ не менѣе наказы эти даютъ весьма показательный матеріалъ для оцѣнки самосознанія старой Украины, заявившей о себѣ, какъ о самобытной культурно-исторической единицѣ. Подчеркивая, что украинскій народъ „не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избранію единовѣрія добровольное подданство учинилъ и къ великороссійской державѣ благоприсоединенъ", украинскіе депутаты единодушно высказывались за безусловное сохраненіе коренныхъ особенностей Украины. Какъ видно, обрусительными мѣропріятіями національное самосознаніе въ украинскомъ обществѣ вытравлено не было, и не мало было людей, о которыхъ гр. Румянцевъ отзывался, что они „при всѣхъ наукахъ и въ чужихъ краяхъ обращеніяхъ остались козаками" и питали горячую любовь „къ своей собственной націи" и „сладкой отчизнѣ". Императрица Екатерина II не безъ раздраженія отмѣчала въ современныхъ ей украинцахъ „развратное мнѣніе, по коему поставляютъ себя народомъ отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ", констатируя такимъ образомъ, лишь въ менѣе рѣзкой формѣ, ту же устойчивость ихъ національнаго чувства, о которой столѣтіемъ раньше патріархъ Никонъ отзывался еще болѣе выразительно, сказавъ, что „маллороссіянинъ самъ собою, какъ сатана, стоять хочетъ". Дѣйствительно, національное чувство продолжало жить и среди элементовъ, которые были уже втянуты въ сферу русской государственности и культуры, и, не усматривая противорѣчія между новыми культурно-политическими условіями жизни Россіи и своими національными стремленіями, раздражались неосновательными подозрѣніями и пренебреженіемъ украинскихъ національныхъ правъ и потребностей. Совершенно лояльный переводчикъ генераль-

ной канцеляріи въ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей“, сочиненномъ „въ честь и славу и защищеніе всей Малороссіи“, высказываетъ такія „развратныя мнѣнія“ о національномъ правѣ его ближайшей родины:

Не думай, чтобы ты сама была мнѣ властитель,
Но государь твой и мой—общій повелитель,
А разность наша есть въ приложенныхъ именахъ:
Ты Великая, а я Малая,—живемъ въ смежныхъ странахъ.
Такъ мы съ тобою равны и одно составляемъ,
Одному, а не двумъ государямъ присягаемъ.

Одинъ изъ образованнѣйшихъ представителей украинской интеллигенціи, полковникъ русской службы и вмѣстѣ авторъ „Виргиліевыхъ пастуховъ, въ малороссійскій кобенякъ переодѣтыхъ“, Афанасій Лобысевичъ, такъ отзывается (въ письмѣ къ архіепископу Георгію Кониссному) о творчествѣ на родномъ украинскомъ языкѣ: „Какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ—есть своя красота... Для чести націи, матери нашей, себя природою и ученостью великихъ людей имѣвшей, столько свѣтилъ выпустившей,—для любителей своего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнность мыслей, прошу ваше преосвященство велико одолжить меня—интермедіи, Танскаго то или Ваши, приказавъ списать, по почтѣ мнѣ въ Санктпетербургъ доставить, да изыдетъ въ свѣтъ, да дастъ величіе отечеству своему нашъ Плавтъ, нашъ Мольеръ, ежели что не болѣ“.

И такіе взгляды не являлись чѣмъ-либо исключительнымъ; не говоря о мелкомъ и среднемъ украинскомъ дворянствѣ, хранившемъ въ массѣ преданность своей народности—украинскому языку и обычаямъ, теплое чувство къ родинѣ сберегалось и у тѣхъ высокопоставленныхъ украинцевъ, которые попадали въ среду русской-офранцуженной аристократіи, каковы—Безбородко, Завадовскій, Трощинскій и др. Характерною формою выраженія такого національнаго теченія въ міровоззрѣніи тогдашняго украинскаго общества является обиліе историческихъ трудовъ, посвященныхъ прошлой жизни Украины.

Особенно яркимъ выраженіемъ настроенія Украины во второй половинѣ XVIII в. явилась извѣстная „Исторія Руссовъ или Малой Россіи“, связывавшаяся съ именемъ популярнаго архіепископа Георгія Конисскаго и распространявшаяся во множествѣ списковъ; это былъ горячій протестъ противъ историческихъ несправедливостей въ отношеніи украинскаго народа „за то единственно, что искалъ онъ свободы или лучшей жизни въ собственной землѣ своей и имѣлъ о томъ замыслы, всему человѣчеству свойственные“. Вѣра въ справедливость этихъ стремленій къ „лучшей жизни въ собственной землѣ своей“ соединялась съ вѣрой въ неумирающую силу народнаго духа, которая должна въ концѣ концовъ восторжествовать и дать воплощеніе этимъ идеаламъ. Даже такой „всемірный гражданинъ“ своего времени, какъ философъ Г. С. Сковорода, былъ прежде всего сыномъ своего народа и глубоко вѣрилъ въ духовное его пробужденіе. „Мудрствуютъ: простой народъ спитъ,—писалъ онъ,—пускай спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и трупище околѣвшее“.

Традиція родного слова не прерывалась, такимъ образомъ, и въ книжной письменности, и даже тѣ, кто фактически прибѣгалъ для выраженія своихъ взглядовъ къ книжному макароническому или къ русскому языкамъ, не теряли національнаго самосознанія и вѣрили, что народный „сонъ есть пробудный“. Тѣмъ болѣе сильна была эта традиція въ народной массѣ, сохранившей въ неприкосновенности свою національность. Здѣсь непрерывно совершалась громадная работа, выразившаяся въ замѣчательномъ богатствѣ и разнообразіи устной народной словесности, что краснорѣчиво говоритъ о напряженной энергіи національнаго творчества. Пульсъ національной жизни бился и въ верхахъ и въ низахъ украинскаго народа. Постепенно намѣчалась и все болѣе выяснялась форма, въ какой должно было выразиться общенародное національное самосознаніе.

Національное движеніе въ первой половинѣ XIX в.

И форма эта окончательно опредѣлилась: новые украинскіе писатели обратились къ народному слову и народному быту. Новая украинская письменность нашла себѣ опору и въ общихъ идейныхъ настроеніяхъ того времени—въ идеѣ народности, проникавшей въ сознаніе тогдашняго европейскаго общества (баллады Перси, Макферсоновъ „Оссіанъ", „Идеи" Гердера), а отсюда и русскаго общества, и въ отзвукахъ славянскаго возрожденія. „Развитіе украинской литературы,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—было только частью цѣлаго обширнаго факта, не признать котораго нѣтъ возможности, именно факта славянскаго возрожденія, смыслъ котораго есть инстинктивное влеченіе массъ и благородное стремленіе ихъ лучшихъ представителей развить и выразить внутреннія народныя силы въ той формѣ, какая дана ихъ происхожденіемъ и исторіей, въ формѣ народной. Для цѣлаго ряда славянскихъ племенъ пробужденіе народнаго чувства было спасеніемъ ихъ національности и основаніемъ новаго развитія; сущность этого движенія есть въ высшей степени человѣчное и человѣколюбивое стремленіе—возвысить нравственное сознаніе народовъ, открыть для нихъ возможность умственной жизни, доселѣ крайне ограниченной".

Родное слово связало украинскую интеллигенцію съ народомъ, и это имѣло значеніе не только литературное. Орудіе книжной письменности невольно вводило новыхъ украинскихъ писателей въ кругъ интересовъ народной жизни, и, подъ воздѣйствіемъ этого сближенія, романтическое увлеченіе идеей народности обращалось въ сознательное національно-демократическое теченіе новой украинской литературы, основанное на дѣйствительномъ знакомствѣ съ народомъ и его жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ. Такъ литературное пробужденіе явилось вмѣстѣ съ тѣмъ и національнымъ возрожденіемъ народа и дало новый толчокъ широкому украинскому движенію.

Первымъ связующимъ звеномъ между созданіями коллективнаго народнаго творчества и новыми литературно-художественными формами выраженія народнаго духа былъ авторъ „Перелицованной Энеиды" И. П. Котляревскій. Онъ первый указалъ, какія богатыя сокровища заключаются въ народномъ языкѣ, какъ органѣ литературнаго самовыраженія націи, указалъ на народную массу, ея жизнь и интересы, какъ на неисчерпаемый источникъ литературнаго творчества. Съ тѣхъ поръ украинская литература никогда не теряла близкой и живой связи съ народомъ. „Любовь къ своей народности,—говоритъ проф. Дашкевичъ,—была главною двигательною силою новѣйшей украинской литературы, какъ и многихъ другихъ литературъ XIX в.".

Вслѣдъ за Котляревскимъ появляется цѣлый рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ писателей (Гулакъ-Артемовскій, Боровиковскій, Гребенка, Метлинскій, Забѣла, Макаровскій и др.), изъ которыхъ въ особенности выдѣляется родоначальникъ украинской художественной повѣсти Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Относясь съ уваженіемъ къ народу и его родному слову, Квитка признавалъ необходимость и высокое значеніе произведеній на живомъ народномъ языкѣ и былъ піонеромъ народной повѣсти—въ отношеніи не только русской, но и европейской литературы (народныя повѣсти Жоржъ-Зандъ впервые появились въ 1838 г., „Деревенскіе разсказы" Ауэрбаха—въ 1843 г., разсказъ Григоровича „Деревня" - въ 1846 г., первый же сборникъ украинскихъ народныхъ повѣстей Квитки—въ 1834 г.). Литературная иниціатива Квитки выходила изъ его литературныхъ и общественныхъ взглядовъ. „Мы должны,—писалъ онъ Максимовичу,—пристыдить и заставить умолкнуть людей, съ чуднымъ понятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 милліоновъ говорятъ, который имѣетъ свою силу, свои красоты, неудобоизъяснимыя на другомъ, свои обороты, юморъ, иронію и все, какъ будто у порядочнаго языка".

Какъ видимъ, національное самосознаніе выходило уже изъ неяснаго пассивнаго состоянія и въ произведеніяхъ украинскихъ писателей первой половины XIX в. принимало

уже характеръ дѣятельнаго національно-демократическаго теченія. Національная идея стала на вѣрномъ пути и постепенно воплощалась въ формы, обезпечивавшія ей жизненность и дальнѣйшее развитіе. Успѣхъ былъ ей обезпеченъ, но первые дѣятели украинскаго возрожденія не имѣли еще силы разбудить національный организмъ и впереди наслѣдникамъ ихъ предстоялъ, быть можетъ, долгій и тернистый путь къ осуществленію тѣхъ задачъ, которыя положены были въ основу украинскаго возрожденія. Судьба облегчила этотъ путь и приблизила побѣду. Въ критическій моментъ напряженія творческой національной работы появляется истинный геній своего народа, въ которомъ какъ бы сконцентрированы были творческія силы народа и который поставилъ національное дѣло своей родины на твердую, незыблемую почву. Поэзія Шевченка явилась фактомъ громаднаго культурно-историческаго значенія, какъ воплощеніе тѣхъ возможностей, какія представляла украинская національная стихія и которыя стали фактомъ въ литературной дѣятельности этого, по выраженію Аполлона Григорьева, „послѣдняго кобзаря и перваго великаго поэта новой великой литературы славянскаго міра“. Вопросъ о возможности литературнаго и вообще національнаго развитія украинскаго народа рѣшенъ фактически; и для друзей, и для враговъ его, а главное—для него самого стало яснымъ, что народъ, выдвинувшій національную силу такого значенія, не можетъ погибнуть, а долженъ жить, развиваться и занять свое мѣсто въ семьѣ другихъ культурныхъ народовъ.

Такъ на почвѣ народной словесности и вспаханной предшественниками Шевченка письменной литературы выросло литературное творчество этого замѣчательнаго украинскаго писателя. Онъ далъ новые литературные образцы и въ основное демократическое направленіе украинской литературы ввелъ свѣжіе мотивы, высокіе общечеловѣческіе идеалы свободы и гуманности, развивъ ихъ на почвѣ дѣйствительнаго положенія его родины и родного народа.

Шевченко упрочилъ результаты, добытые его предшественниками, углубилъ украинское національное самосознаніе и далъ сильный толчокъ для дальнѣйшаго поступательнаго

хода украинскаго движенія. Послѣднее окончательно выходитъ изъ стадіи неясныхъ стремленій и кристализуется въ программѣ первой политической украинской организаціи— Кирилло-Меѳодіевскаго братства, принявшаго выразительный девизъ: „разумѣете истину и истина свободитъ вы“, захватываетъ широкій кругъ національно-политическихъ и соціально-экономическихъ интересовъ народа.

Въ міровоззрѣніи организаторовъ братства украинская идея получила связь съ идеями славянскаго возрожденія и нашла себѣ, такимъ образомъ, обоснованіе въ принципахъ мірового культурнаго и политическаго прогресса. Своею цѣлью кирилло-меѳодіевцы ставили пропаганду славянской федераціи, въ которой Украина должна составлять особую автономную единицу, равноправную съ другими славянскими областями, и построенную на началахъ политической свободы и соціальнаго равенства. Быстрая ликвидація дѣятельности братства предпринятыми для этого административными мѣрами задержала распространеніе его идей, но онѣ остались живы и въ дальнѣйшемъ продолжали, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, проявляться въ украинскомъ движеніи.

Національное движеніе въ 60—70-хъ гг.

Съ наступленіемъ освободительныхъ вѣяній и облегченіемъ условій общественной дѣятельности, идеи, руководившія украинскимъ движеніемъ, получаютъ свое выраженіе въ публицистической (журналъ „Основа“ въ 1861—1862 г.) и художественной литературахъ, въ различныхъ видахъ научной и политической дѣятельности. Основатели Кирилло-Меѳодіевскаго братства—Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко стояли во главѣ движенія и въ этотъ періодъ, но практическая программа украинскихъ дѣятелей въ это время носила преимущественно національно-культурный характеръ. Лишь въ острые политическіе моменты, какъ, напр., въ годы отмѣченные осложненіемъ польскаго вопроса, украинцы напоминали о своихъ политическихъ идеалахъ. „Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, въ него же вѣруемъ и его же чаемъ“,— писалъ Костомаровъ въ 1860 г. на страницахъ „Колокола“,—

„наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое, на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южно-русскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ“.

Огненный протестъ Шевченка противъ порабощенія человѣка явился лозунгомъ широкаго общественнаго и литературнаго подъема на Украйнѣ, совпавшаго съ тѣмъ временемъ, когда общество волновалъ крестьянскій вопросъ и когда освобожденный крестьянинъ входилъ въ русло хотя и свободной жизни, но при условіяхъ, не обезпечивавшихъ его отъ новаго закрѣпощенія въ другой формѣ,—въ будущемъ. Въ области литературныхъ мотивовъ, связанныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, до сихъ поръ классическими остаются разсказы украинской Бичеръ-Стоу—Марка Вовчка, а народная жизнь слѣдующаго періода нашла талантливыхъ изобразителей въ лицѣ писателей-реалистовъ И. Левицкаго, П. Мирнаго, А. Конисскаго и др. Рядомъ съ расширеніемъ литературной дѣятельности подводятся научныя основы украинскому самосознанію. Появляется плеяда научныхъ силъ, развивающихъ энергичную работу въ области украиновѣдѣнія; особенно большое значеніе въ отношеніи изученія современной народной жизни имѣлъ въ 70-е годы открытый въ Кіевѣ Югозападный отдѣлъ Географическаго общества, обнаружившій необыкновенно интенсивную дѣятельность по изслѣдованію народной жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Въ это же время украинская интеллигенція проявляетъ энергичную дѣятельность по устройству экономическихъ и правовыхъ условій жизни родного народа и, въ особенности,—по поднятію культурнаго его уровня. Появляются буквари и другія школьныя руководства на украинскомъ языкѣ, а также довольно богатая, по тому времени, украинская народная литература (въ каталогѣ народныхъ книгъ, какой составленъ былъ петроградскимъ комитетомъ грамотности, украинскія книги указаны были въ такомъ же числѣ, какъ и русскія). Идея просвѣщенія на родномъ языкѣ учащихся не только проповѣдывалась теоретически, но и была

осуществлена на практической почвѣ: въ частныхъ начальныхъ школахъ въ Кіевской, Полтавской и Харьковской губерніяхъ, въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ, во временной педагогической школѣ—въ началѣ 60-хъ годовъ обученіе производилось по-украински, при полномъ сочувствіи высшей учебной администраціи края.

Такое благопріятное отношеніе офиціальныхъ сферъ къ украинскому движенію въ области школы, которымъ украинцы были обязаны широкимъ взглядамъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина и попечителя Кіевскаго учебнаго округа, извѣстнаго Н. И. Пирогова, было, впрочемъ, весьма непродолжительно. Вообще же проявленія украинскаго самосознанія встрѣчали со стороны правительства чаще всего суровый отпоръ и вызывали соотвѣтственныя мѣропріятія, длинный рядъ которыхъ составляетъ своего рода историческую традицію нашей внутренней политики.

Политика подавленія національной жизни Украины.

Первыя мѣропріятія противъ національнаго украинскаго элемента относятся еще ко временамъ Алексѣя Михайловича, когда по поводу національныхъ особенностей украинскаго языка высказывалось, что „будетъ много языковъ, то пойдетъ смута въ землѣ". При Петрѣ I въ 1720 г. для церковныхъ книгъ малороссійской печати была установлена особая цензура, на которой лежало наблюденіе, чтобы въ тѣхъ книгахъ „не было никакой розни и особаго нарѣчія" по сравненію съ великороссійскимъ. Мало того: тѣмъ же указомъ было запрещено печатать въ украинскихъ монастырскихъ типографіяхъ какія бы то ни было другія книги безъ вѣдома московской духовной коллегіи, „дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти". Уже этотъ указъ Петра I опредѣлилъ на все послѣдующее время главныя цѣли правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ претворенію украинской духовной жизни на великорусскій ладъ: подъ надзоръ московскихъ контрольныхъ орга-

новъ ставились украинская церковь и все украинское книгопечатаніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, установленныя въ указѣ ограниченія скоро отразились и на школьномъ дѣлѣ въ Украинѣ. Когда кіевская Лаврская типографія возбудила ходатайство о разрѣшеніи печатать украинскіе буквари, такъ какъ народъ не покупаетъ букварей московскаго типа, ей было въ этомъ отказано. Руссификація украинскихъ школъ особенно быстро двинулась впередъ съ конца XVIII в., послѣ того, какъ кіевскими митрополитами, подъ давленіемъ центральнаго правительства, была произведена въ кіевской академіи и другихъ духовныхъ школахъ замѣна малорусскаго языка въ преподаваніи великорусскимъ. Даже въ церквахъ предписано было произносить молитвы «голосомъ, свойственнымъ россійскому нарѣчію». Въ XIX в. распространеніе на украинскія губерніи общегосударственной системы начальнаго народнаго образованія, съ преподаваніемъ на великорусскомъ языкѣ, окончательно придало народной школѣ на Украинѣ характеръ не столько просвѣтительнаго, сколько политическаго учрежденія.

Особенно тяжело отражались на духовной жизни украинскаго народа цензурныя мѣропріятія, ибо они затрогивали самое существо національности,—языкъ и письменность украинцевъ. Начиная съ отмѣченнаго выше указа о церковномъ книгопечатаніи и до самыхъ недавнихъ временъ, украинское слово находилось подъ давленіемъ спеціальнаго цензурнаго режима, въ большей или меньшей степени стѣснявшаго свободное развитіе литературы на украинскомъ языкѣ.

Возникшее съ конца XVIII в. на Украинѣ литературное движеніе—на основѣ живого народного языка, въ первое время игнорировавшееся правительствомъ, обратило на себя вниманіе въ связи съ дѣломъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ 1847 г. Кромѣ общеизвѣстныхъ каръ, постигшихъ Шевченка и другихъ прикосновенныхъ къ братству лицъ, былъ принятъ рядъ мѣръ по цензурному вѣдомству, въ силу которыхъ до конца 50-хъ годовъ произведенія на украинскомъ языкѣ или имѣвшія отношеніе къ Украинѣ по своему содержанію были предметомъ особеннаго наблюденія;

кромѣ того, кіевскому и харьковскому генералъ-губернаторамъ было предписано наблюдать, «не питаютъ ли украинцы мысли о прежнихъ вольностяхъ, о гетманщинѣ и о правахъ на отдѣльное существованіе, и обращать особенное вниманіе на тѣхъ, которые занимаются малороссійскими древностями, исторіей и литературой».

Конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ отмѣчены краткимъ періодомъ болѣе терпимаго отношенія къ украинскому слову, въ связи съ общими либерально-реформаторскими настроеніями правящихъ круговъ. Украинская литература перестала испытывать спеціальныя цензурныя стѣсненія, появилась украинская журналистика; украинскій языкъ получилъ доступъ въ частныя народныя школы; была оказана официальная поддержка изданію школьныхъ учебниковъ на украинскомъ языкѣ и законодательныхъ актовъ въ украинскомъ переводѣ. Но уже въ 1863 г., подъ впечатлѣніемъ страховъ, навѣянныхъ польскимъ возстаніемъ, правительство вернулось къ политикѣ репрессій. Украинское движеніе было объявлено плодомъ «польской интриги», а украинскій языкъ, — результатомъ порчи, внесенной польскимъ вліяніемъ въ русскую рѣчь [1]). Устанавливая тѣсную связь украинскаго движенія съ польскимъ возстаніемъ [2]), тогдашніе руководители внутренней политики, въ силу какого-то страннаго политическаго дальтонизма, упускали изъ виду, что именно на территоріи Украины польское возстаніе встрѣтилось съ враждебнымъ отношеніемъ кореннаго населенія и что первыя указанія на вредный характеръ «украинофильской пропаганды» правительство получило именно отъ польскихъ помѣщиковъ юго-западнаго края, усматривавшихъ въ культурномъ подъемѣ украинскаго крестьян

---

1) „Никакаго особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ и нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародіемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши“ (Письмо министра вн. дѣлъ Валуева къ министру нар. просв. Головнину отъ 18 юля 1863 года).

2) „Малорусское движеніе тѣмъ болѣе прискорбно и заслуживаетъ вниманія, что оно совпадаетъ съ политическими замыслами поляковъ и едва ли не имъ обязано своимъ происхожденіемъ“ (Тамъ же).

ства извѣстную соціальную опасность. «Польская интрига» такимъ образомъ, дѣйствительно проявилась, но не столько въ украинскомъ движеніи, сколько въ направленныхъ противъ него мѣрахъ.

И вотъ, принимаются мѣры противъ развитія украинскаго литературнаго языка и его просвѣтительной роли. Прежде всего цензурному вѣдомству было предложено пріостановить пропускъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ «духовнаго содержанія, учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народу»; одновременно, распоряженіями по духовному вѣдомству, пріостановливается разсмотрѣніе украинскаго перевода четвероевангелія и запрещается пропускъ какихъ бы то ни было книгъ на украинскомъ языкѣ «духовнаго содержанія». Совершенное искорененіе «несуществующаго» языка изъ употребленія, несмотря на всю категоричность валуевскаго афоризма, оказалось труднымъ,—и произведенія изящной литературы на этомъ языкѣ попрежнему пропускались цензурой.

Семидесятые годы принесли нѣкоторое облегченіе цензурнаго режима, но оживившаяся, въ связи съ этимъ, литературная просвѣтительная работа украинской интеллигенціи повела къ новому усиленію административныхъ репрессій. На этотъ разъ въ роли освѣдомителя правительственныхъ сферъ въ украинскомъ вопросѣ выступилъ предшественникъ нынѣшнихъ кіевлянъ-націоналистовъ, Юзефовичъ, украинецъ по происхожденію, бывшій въ близкомъ общеніи со многими дѣятелями украинскаго движенія. Въ своемъ доносѣ Юзефовичъ утверждалъ, что «украинофильство», какъ явленіе наносное, не имѣетъ корней въ народныхъ массахъ, но въ послѣднее время пропаганда украинофиловъ маскируетъ собою идеи соціализма и потому требуетъ энергичныхъ мѣръ для пресѣченія зла [1]). Хотя, такимъ образомъ, опасность усматривалась не въ національномъ, а въ соціальномъ моментѣ украинскаго движенія,—главная тяжесть послѣдовавшихъ мѣропріятій правительства легла именно на національныя формы культурно-про-

1) Записка Импер. Академіи наукъ, стр. 86, докладъ К. А. Военскаго.

свѣтительной работы украинской интеллигенціи. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 18 мая 1876 г., принятъ рядъ исключительно суровыхъ мѣропріятій: былъ закрытъ кіевскій отдѣлъ Географическаго общества, въ составѣ котораго числились неблагонадежныя, по мнѣнію Юзефовича, лица; указанные Юзефовичемъ члены общества подвергнуты разнаго рода карательнымъ мѣрамъ; воспрещенъ ввозъ въ имперію, безъ разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ на малорусскомъ нарѣчіи; изданіе въ имперіи произведеній на этомъ нарѣчіи также воспрещено, за исключеніемъ историческихъ документовъ и произведеній изящной словесности, причемъ цензурный надзоръ за послѣдними сосредоточенъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати; воспрещены сценическія представленія и чтенія на малороссійскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на немъ текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ.

Эти постановленія въ теченіе 30 лѣтъ служили исходною точкою спеціальнаго цензурнаго режима для украинской литературы. Всѣ послѣдующія дѣйствія и распоряженія цензурнаго вѣдомства явились развитіемъ и дополненіемъ циркуляровъ 1876 года. Въ совокупности съ упомянутымъ выше распоряженіемъ 1863 г. по духовной цензурѣ, этотъ безпримѣрно жестокій законъ далъ администраціи сильное средство къ замедленію естественнаго развитія и литературной разработки живого украинскаго языка.

Подчиняясь духу закона 1876 г., цензурная практика шла гораздо дальше указаній его буквы. Изданіе популярно-научныхъ сочиненій для народа почти прекратилось, ибо разсчитывать на цензурное разрѣшеніе могли лишь такія произведенія, которыя были облечены авторами, болѣе или менѣе искусственно, въ беллетристическую форму изложенія. Но и сама беллетристика на украинскомъ языкѣ проходила чрезъ такой густой фильтръ, что на свѣтъ появлялась только незначительная доля представляемаго въ цензуру матеріала. При этомъ въ цензурныхъ архивахъ оставались почему-то какъ разъ наиболѣе талантливыя и цѣнныя въ литературномъ смыслѣ вещи, какъ-будто задачею цензуры было

ослабленіе украинской литературной производительности не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи.

Особенному гоненію подвергались произведенія съ идейнымъ—соціальнымъ или національнымъ колоритомъ: вычеркивались даже отдѣльныя слова—нежелательныя съ объединительной точки зрѣнія—какъ Украина, украинскій, Сичь и т. п. Не допускались украинскіе переводы даже беллетристическихъ произведеній. Наоборотъ, въ концертахъ одно время слова народныхъ украинскихъ пѣсенъ допускались только въ переводѣ на русскій или иной языкъ, такъ что, напр., въ Кіевѣ народныя пѣсни исполнялись въ концертахъ съ французскимъ текстомъ.

Въ 1881 г., подъ вліяніемъ представленій кіевскаго и харьковскаго генералъ-губернаторовъ, высказавшихъ, что цензурныя стѣсненія 1876 г., установленныя безъ участія мѣстной администраціи, не оправдываются необходимостью, не достигаютъ цѣли и вызываютъ нежелательное раздраженіе самыхъ умѣренныхъ круговъ малорусскаго общества [1],—состоялся пересмотръ правилъ 1876 г. въ спеціальномъ совѣщаніи изъ руководителей разныхъ вѣдомствъ; но доводы

[1]) „Первый высказалъ, что суровая мѣра 1876 г., принятая безъ вѣдома и заключенія мѣстной администраціи, не оправдывается дѣйствительною необходимостью и вызываетъ лишь нежелательное раздраженіе среди южно-русской интеллигенціи. Признавая отмѣну ограниченій 1876 г. желательною, въ интересахъ утвержденія довѣрія къ правительству, генералъ-адъютантъ Чертковъ полагалъ, что литературныя произведенія на малорусскомъ нарѣчіи слѣдуетъ поставить въ одинаковыя цензурныя условія съ произведеніями на общерусскомъ языкѣ. Князь Дондуковъ-Корсаковъ находилъ, что правила 1876 г. не только не достигли цѣли, но вызвали недовольство въ искреннихъ приверженцахъ единенія съ Россіей и потому требуютъ значительнаго смягченія; запрещеніе сценическихъ представленій и музыкальныхъ пьесъ должно быть, по его мнѣнію, отмѣнено; изданіе сочиненій на малороссійскомъ нарѣчіи должно допускаться въ зависимости отъ ихъ содержанія; учителямъ начальныхъ школъ въ малороссійскихъ губерніяхъ слѣдуетъ разрѣшить давать объясненія, въ теченіе перваго года обученія, по-малорусски. Только полная замѣна русскаго языка малорусскимъ, хотя бы только въ начальной школѣ, могла бы считаться нежелательной для государственнаго единства“ (Записка Имп. Академіи наукъ, прил. VIII, докладъ К. А. Военскаго).

мѣстной администраціи не были оцѣнены этимъ совѣщаніемъ; его постановленія внесли нѣкоторое облегченіе только въ область сценическаго искусства; цензурный же режимъ остался въ прежней силѣ. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1892 г., послѣдовало даже новое усиленіе цензурныхъ строгостей: было предложено подвергать украинскія книги особенно строгой цензурѣ и сокращать ихъ число «при малѣйшемъ къ тому поводѣ», «въ цѣляхъ чисто государственныхъ». Участившіяся съ 1890-хъ годовъ попытки получить разрѣшеніе періодическаго изданія на украинскомъ языкѣ встрѣчали суровый и неуклонный отказъ. Въ 1895 г. было подтверждено распоряженіе не разрѣшать книгъ для дѣтскаго чтенія, «хотя бы по существу содержанія онѣ и представлялись благонамѣренными» [1]).

Такимъ образомъ, провозглашенный Валуевымъ лозунгъ, въ теченіе тридцатилѣтія 1876—1905 г.г., модифицировался самою силою вещей. Трудно было настаивать на томъ, что «малороссійскаго языка не было и нѣтъ», разъ съ этимъ несуществующимъ языкомъ приходилось вести такую долгую и упорную борьбу. Но этотъ живучій языкъ требовалось, по крайней мѣрѣ, замкнуть въ рамки этнографическаго матеріала, внутри которыхъ онъ могъ бы безконечное время вариться въ собственномъ соку, не имѣя возможности подняться до значенія культурнаго органа. И вотъ цензура беретъ на себя защиту «чистоты» народнаго языка отъ вводимыхъ современными писателями неологизмовъ, ставитъ препятствія научной разработкѣ основъ украинскаго языка, хотя бы сама работа была изложена на русскомъ языкѣ. Когда въ 1877 г. одинъ изъ кіевскихъ филологовъ представилъ въ цензуру составленный имъ «Опытъ грамматики малорусскаго языка»,—ему было открыто сказано: «нельзя разрѣшать къ печатанію грамматику языка, который обреченъ на небытіе». Этотъ принципъ и руководилъ дѣятельностью цензуры и администраціи до недавнихъ временъ.

---

[1]) Тамъ же.

Перенесеніе литературной дѣятельности въ Галицію.

Тяжелый періодъ этотъ оставилъ глубокіе слѣды въ исторіи украинскаго слова, нарушивъ естественныя условія его развитія и задержавъ работу украинской интеллигенціи по культурному подъему родного народа. Литературная производительность на украинскомъ языкѣ послѣ 1876 г. сильно упала. Но отказаться отъ «бытія» эта, обреченная на «небытіе», письменность не хотѣла и не могла. По линіи наименьшаго сопротивленія, тѣснимая въ родной странѣ, литературная дѣятельность была перенесена въ сосѣднюю и родственную Галицію, гдѣ та же украинская народность, пользуясь болѣе свободными условіями національной жизни, успѣла значительно обогнать въ культурномъ смыслѣ населеніе россійской Украины. И вотъ, въ дальнѣйшемъ украинское движеніе сосредоточилось въ австрійской Галиціи, сыгравшей, такимъ образомъ, роль украинскаго Пьемонта.

Галиція отошла къ Австріи по первому раздѣлу Польши въ 1772 г. Это былъ самый западный край Украины, самый близкій, по территоріальному расположенію къ Польшѣ, и уже потому наиболѣе испытавшій на себѣ всю сложную гамму шляхетскаго режима старой Польши. Но и въ этомъ забитомъ уголкѣ Украины, подъ вліяніемъ идей европейскаго романтизма и славянскаго возрожденія, не безъ вліянія и національнаго движенія въ русской Украинѣ, также начинается національно-демократическое движеніе, впервые ярко выразившееся въ дѣятельности кружка трехъ галицкихъ патріотовъ—Шашкевича, Вагилевича и Головацкаго. Дѣятельность этихъ лицъ встрѣтила рѣзко отрицательное отношеніе со стороны не только офиціальныхъ сферъ, но даже широкихъ круговъ тогдашняго безыдейнаго, глубоко-обскурантнаго галицкаго общества. Офиціальный взглядъ на національное движеніе въ Галиціи характерно и вь прямомъ согласіи со взглядами современныхъ русскихъ націоналистовъ выраженъ въ словахъ тогдашняго львовскаго директорап олиціи: «у насъ,—сказалъ онъ,—достаточно хлопотъ и съ одной національностью (т.-е. польской), а тутъ еще эти

сумасшедшіе хотять вернуть изъ гроба мертвую украинскую національность». Не менѣе враждебно отнеслись къ молодому національно-демократическому движенію и мѣстные реакціонные элементы такъ называемаго «старорусскаго» или «москвофильскаго» лагеря. Конечно, многіе изъ нихъ, въ противовѣсъ польско-нѣмецкому гнету, искренно лелѣяли романтически-заманчивую идею единаго великаго русскаго народа; но въ своихъ утопическихъ мечтаніяхъ о національномъ сліяніи народныхъ массъ отъ Карпатъ до Камчатки сторонники этой идеи часто совершенно теряли реальную почву и потому съ чувствомъ большого раздраженія и даже озлобленія относились къ тѣмъ, кто напоминалъ имъ о живомъ конкретномъ народѣ съ его конкретными національными чертами, и даже къ самому этому народу. Воззрѣнія этихъ общественныхъ круговъ могутъ быть характеризованы слѣдующими словами «атамана Погодинской колоніи» въ Галиціи—историка Д. Зубрицкаго: «есть мрачные изступленники, или скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣни доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка, употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушавшіеся только простонародному разговору своихъ слугъ и работниковъ и желавшіе теперь, чтобы мы писали свою исторію на областномъ нарѣчіи галичской черни. Странное и смѣшное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтиря».

Національно-демократическое движеніе должно было, такимъ образомъ, бороться съ препятствіями и внѣшне-полицейскаго, и идейно-общественнаго антидемократическаго характера, и, понятно, при такомъ всестороннемъ натискѣ съ большимъ трудомъ могло прокладывать себѣ дорогу въ жизни. Тѣмъ не менѣе, живое народно-демократическое движеніе растетъ; въ особенности послѣ событій 1848 г., принесшихъ «весну народовъ», оно достигаетъ нѣкоторыхъ весьма цѣнныхъ культурно-общественныхъ пріобрѣтеній, какъ введеніе украинскаго языка въ среднюю школу, учрежденіе нѣсколькихъ украинскихъ каѳедръ въ львовскомъ университетѣ, основаніе народно-просвѣтительной организаціи «Про-

світа», нѣсколькихъ органовъ періодической печати и пр. Въ это же время въ зарубежной Украинѣ является крупная литературная сила—«буковинскій соловей» — поэтъ и беллетристъ Осипъ Федьковичъ, много произведеній котораго переведено и на русскій языкъ. По поводу повѣстей Федьковича Тургеневъ писалъ Драгоманову: «тутъ только и бьется ключъ живой воды, а все остальное—либо призракъ, либо трупъ». Въ послѣднемъ случаѣ имѣются въ виду литературные представители, яко-бы русскаго, но на самомъ дѣлѣ нигдѣ не существующаго искусственнаго макароническаго языка, такъ называемого «язычія», являющагося невозможною гибридною поддѣлкою подъ русскій языкъ. Общественное явленіе этого послѣдняго рода получило кличку «москвофильства»; представители его—типа вышеупомянутаго Зубрицкаго,—будучи оторваны отъ мѣстной національной почвы и живыхъ потребностей галицкой народной массы. враждебные вообще демократическимъ началамъ, всегда питали влеченіе къ официальной России и искали здѣсь прочныхъ, далеко не всегда платоническихъ, связей съ синодальными кругами (особенно близкое участіе въ нихъ принималъ покойный Побѣдоносцевъ) и въ такихъ общественныхъ слояхъ, какъ участники «Русскаго Собранія», «Славянскаго благотворительнаго» и «Галицко-русскаго» обществъ. Само собою разумѣется, что эти люди, какъ элементъ противообщественный, должны были все болѣе терять изъ-подъ ногъ почву, и живое дѣло жизни переходило въ руки представителей народно-демократическаго теченія (которое вмѣстѣ съ тѣмъ являлось теченіемъ и національно-украинскимъ), хотя бы уже просто потому, что въ предѣлахъ Австріи никакой другой русской народности, кромѣ украинской, не было и, въ частности, употребленіе украинскаго языка при всѣхъ условіяхъ частной и общественной жизни—было не только вполнѣ нормальнымъ, но и единственно возможнымъ.

Успѣху національнаго движенія въ Галиціи, какъ уже отмѣчалось выше, много способствовали начавшіяся въ 60-е годы репрессіи по отношенію къ украинству въ Россіи. Представители русской Украины входятъ въ оживленныя сношенія съ галицкими дѣятелями, лично посѣщаютъ ихъ, ока-

зываютъ имъ нравственную и матеріальную поддержку и являются дѣятельными, даже преимущественными, сотрудниками ихъ изданій. Такъ общими силами дѣятелей русской и австрійской Украины на территоріи послѣдней вырабатывается литературный языкъ въ приложеніи ко всѣмъ потребностямъ жизни—педагогическимъ, научнымъ, публистическимъ и административнымъ, развивается литература, пресса, научная дѣятельность, создаются и совершенствуются средства культурнаго, соціальнаго и политическаго развитія народа, разрѣшаются и практически осуществляются проблемы національной жизни и вообще совершается вся та національная работа, которая естественно должна быть имѣть мѣсто, но совершенно не допускалась въ Россіи. Вырабатываясь за предѣлами цензурнаго наблюденія, политико-общественное міровоззрѣніе выигрывало въ своей ясности и опредѣленности, причемъ общій тонъ его имѣлъ, конечно, болѣе оппозиціонный характеръ, чѣмъ это могло бы быть при условіяхъ нормальнаго развитія украинскаго движенія въ Россіи. Особенно большое значеніе въ украинскомъ движеніи на галицкой почвѣ имѣлъ извѣстный эмигрантъ изъ русской Украины М. П. Драгомановъ, европейски образованный ученый, талантливый публицистъ и энергичный общественный дѣятель. То же значеніе для украинскаго движенія въ Галиціи, при болѣе широкой литературной и, главнымъ образомъ, научной дѣятельности, въ теченіе последнихъ 20 лѣтъ имѣлъ другой представитель русской Украины — проф. М. С. Грушевскій, имя котораго противники украинства связываютъ со всѣми проявленіями украинскаго движенія, въ томъ числѣ и такими (въ туманной области «сепаратизма»), къ которымъ этотъ дѣятель не имѣетъ ровно никакого отношенія. Такъ, стѣсненое въ Россіи, украинское движеніе непрерывно продолжалось и развивалось въ австрійской Галиціи, накопляло здѣсь средства національной жизни и, несмотря на всѣ препоны, протекало обратно въ русскую Украину, питая здѣсь національное самосознаніе и давая ему воплощеніе въ видѣ готовыхъ политико-общественныхъ идеаловъ.

Національное движеніе послѣ 1904—1905 гг.

Наступили 1904—1905 гг.,—періодъ „переоцѣнки цѣнностей“, пересмотра основныхъ вопросовъ государственнаго строя и общественной жизни. Широкое общественное движеніе обнажило дефекты стараго режима, освѣтило всѣ его темные углы. Однимъ изъ первыхъ былъ поставленъ на разрѣшеніе вопросъ объ улучшеніи положенія печати, въ свободномъ голосѣ которой русское общество ощущало такую настоятельную потребность.

Въ связи съ общимъ вопросомъ, правительственнымъ кругамъ, естественно, пришлось коснуться и спеціальныхъ нуждъ украинской печати, придавленной прессомъ цензурныхъ распоряженій 1863—1876 гг. Рядъ заявленій и ходатайствъ со стороны видныхъ украинскихъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей, казалось, поколебалъ установившуюся офиціальную точку зрѣнія. Въ засѣданіяхъ комитета министровъ 28 и 31 декабря 1904 г., при обсужденіи п. 8 Высочайшаго указа 12 декабря того же года—объ устраненіи излишнихъ стѣсненій печати, было высказано, между прочимъ, что примѣненіе цензурнаго режима 1876 г., „значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи книгъ, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго его уровня“ [1]). Для окончательнаго разрѣшенія вопроса о цѣлесообразности цензурныхъ ограниченій украинскаго слова, комитетъ министровъ затребовалъ отзывъ отъ Академіи наукъ, Кіевскаго и Харьковскаго университетовъ, а также отъ Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора. Тѣмъ временемъ, непосредственно высшею властью былъ разрѣшенъ частичный вопросъ общаго режима,—объ украинскомъ переводѣ евангелія: 25 февраля 1905 г., съ Высочайшаго соизволенія, Синодъ приступаетъ къ изданію того самого перевода, который больше 40 лѣтъ тому назадъ былъ представленъ

1) Записка Импер. Академіи наукъ, отношеніе министра народнаго просвѣщенія 30 января 1905 г., № 2076, на имя Президента Академіи.

на разрѣшеніе инспекторомъ Нѣжинскаго лицея Морачевскимъ, получилъ высокую оцѣнку со стороны Академіи наукъ, но остался подъ спудомъ по причинамъ, о которыхъ разсказано выше.

Отзывы запрошенныхъ комитетомъ министровъ учрежденій оказались вполнѣ благопріятными для положительнаго разрѣшенія вопроса. Академія наукъ представила обширный и цѣнный трактатъ, съ исчерпывающею полнотою опредѣляющій соотношеніе между русскимъ и украинскимъ языками и доказывающій государственную необходимость освобожденія украинскаго слова отъ тяготѣющихъ на немъ цензурныхъ ограниченій. Оба университета также единодушно высказываются за отмѣну постановленій 1876—1881 гг. Высшая административная власть юго-западнаго края, съ такою же опредѣленностью, какъ и въ 1881 г., указываетъ на неосновательность взводимыхъ на украинское движеніе обвиненій и на неоспоримый вредъ, проистекающій отъ стѣсненія украинской письменности. Несмотря на такое рѣдкое единство мнѣній людей науки и администраціи, вопросъ объ отмѣнѣ постановленій 1876—1881 гг. оставался открытымъ вплоть до манифеста 17-го октября. Только этотъ актъ и послѣдовавшія за нимъ реформы въ области печати принесли съ собою освобожденіе украинской литературы отъ исключительнаго цензурнаго режима.

Съ отмѣной въ 1905 г. спеціальныхъ цензурныхъ ограниченій для украинскаго печатнаго слова, русская Украина получила много готовыхъ средствъ національнаго развитія (такъ какъ результаты національной работы въ Галиціи имѣютъ значеніе и для Россіи) и проявила такую интенсивность національной жизни, внѣшнія выраженія которой были раньше искусственно стѣснены и перемѣщены въ чужеземные предѣлы,—что получилось впечатлѣніе чего-то новаго, неожиданнаго, и тѣ, кто не давалъ себѣ труда серьезно посмотрѣть на корни украинскаго движенія въ прошлой и настоящей жизни Украины, приходили къ мысли, что это явленіе искусственное, выдуманное кучкой нынѣшней украинской интеллигенціи.

Предположенія эти были тѣмъ болѣе неосновательны, что украинское движеніе отнюдь не прекращалось и въ предѣлахъ Россіи; подъ воздѣйствіемъ тяжелыхъ репрессій оно только суживало здѣсь формы своего проявленія. Какъ бы ни было послѣдовательнымъ отрицательное отношеніе правительства ко всѣмъ проявленіямъ украинской національной жизни, какое бы рѣшительное преслѣдованіе ни встрѣчала постановка проблемъ политико-соціальныхъ и экономическихъ, вызываемыхъ разнообразными особенностями жизни Украины, національное самосознаніе здѣсь питалось изъ такихъ источниковъ, которые находились внѣ сферы внѣшняго воздѣйствія. Несмотря на крайнія цензурныя стѣсненія даже въ той ограниченной области—беллетристикѣ, какая была отмежевана украинской литературѣ, литература эта продолжаетъ развиваться и въ предѣлахъ Россіи. Тяжелое лихолѣтье не убиваетъ литературнаго творчества, и на литературной нивѣ появляются все новые и новые работники, убѣжденные въ правотѣ своего дѣла и въ конечной его побѣдѣ. Оставаясь на основной своей народно-демократической почвѣ, продолжая черпать матеріалъ изъ народной жизни, писатели эти вводятъ въ кругъ украинскаго литературнаго творчества и тѣ мотивы и отзываются и на такія теченія, которыя волнуютъ европейскій культурный міръ. Вообще, украинская литература захватила въ свое русло всѣ стороны общечеловѣческой и національной жизни и разлилась тѣмъ широкимъ духовнымъ теченіемъ, которое орошаетъ все новыя области жизни, все болѣе питаетъ самые разнообразные круги украинской національной массы, все болѣе содѣйствуя просвѣтленію ея общественнаго и національнаго сознанія.

Рядомъ съ этимъ, прогрессирующее развитіе украиновѣдѣнія—изученіе исторіи Украины, ея языка, литературы, быта, экономической и соціальной жизни—дѣлало все большіе успѣхи, и украинская интеллигенція не могла остаться безучастною къ добытымъ наукою фактамъ и положеніямъ въ этой области. Стремленіе обосновать свои національные идеалы на данныхъ знанія особенно горячо и ярко выражалось среди украинской молодежи. Несмотря на суровыя

преслѣдованія украинскихъ кружковъ, послѣдніе всегда были широко распространены среди учащихся не только высшихъ, но и среднихъ школъ. Новыя условія академической жизни дали возможность выйти этимъ кружкамъ изъ нелегальнаго положенія,—по крайней мѣрѣ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—на широкій и открытый путь объективнаго знанія подъ руководствомъ членовъ академической корпораціи. И вотъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ училась украинская молодежь, на Украинѣ и внѣ ея, учреждаются кружки украиновѣдѣнія, объединявшіе тѣхъ, кто имѣлъ въ виду въ будущемъ посвятить свои силы ближайшей родинѣ и предварительно желалъ съ полной добросовѣстностью изучить арену и условія своей будущей дѣятельности. Изъ среды этой идейной молодежи исходили, въ дни общественнаго оживленія, пожеланія объ учрежденіи каѳедръ украиновѣдѣнія при различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пожеланія эти представлены были столь значительнымъ числомъ учащихся и являлись, по существу, столь естественными и справедливыми, что нашли откликъ въ корпораціяхъ высшихъ учебныхъ заведеній—нѣкоторыхъ петербургскихъ и всѣхъ трехъ университетовъ, а также высшихъ женскихъ курсовъ, на территоріи Украины. Такъ, въ 1907—8 гг. курсы по исторіи Украины читались (по-украински) въ Новороссійскомъ университетѣ, курсъ украинской этнографіи—въ Харьковскомъ, курсы по украиновѣдѣнію (на русскомъ языкѣ) читались въ Харьковскомъ и Кіевскомъ университетахъ. Украинскіе курсы имѣли среди студенчества особенно большой успѣхъ, но министерство народнаго просвѣщенія поспѣшило ликвидировать этотъ починъ; въ слѣдующемъ году украинскіе курсы уже не могли осуществиться „по независящимъ обстоятельствамъ“, и украинская молодежь была вновь предоставлена самой себѣ въ своихъ научныхъ потребностяхъ, которыя отъ этого, конечно, не потеряли въ своей интенсивности, но, встрѣчая, въ качествѣ запретнаго плода, трудности въ своемъ удовлетвореніи, естественно сопровождались настроеніями, едва ли желательными для того же просвѣтительнаго вѣдомства.

Значеніе литературно-научныхъ стимуловъ въ развитіи украинскаго движенія, конечно, громадно, и этимъ объясняются стремленія противниковъ украинства устранить дѣйствіе данныхъ стимуловъ, въ надеждѣ, что этимъ устранено будетъ и самое движеніе. Надежда эта, какъ мы видѣли, оказалась, однако, обманчивой, такъ, какъ помимо самой безплодности усилій остановить развитіе такихъ неустранимыхъ факторовъ духовной жизни, какъ мысль и слово,—національное чувство само по себѣ не есть продуктъ мозгового процесса, результатъ тѣхъ или иныхъ умственныхъ вліяній, а составляетъ неотъемлемое, глубочайшее свойство человѣческой души и получаетъ живой импульсъ изъ требованій самой жизни, которая на каждомъ шагу выдвигаетъ питающіе его факты, постоянно ставитъ на очередь тѣ проблемы, какія написаны на знамени украинскаго общественнаго движенія. Съ такимъ положеніемъ приходится считаться каждый разъ, когда возникаетъ вопросъ, сколько нибудь важный съ точки зрѣнія областного его значенія,—будь это вопросъ мѣстнаго самоуправленія, подавляемаго цетрализаціей административной власти вопросъ экономической и культурной жизни, въ которой игнорируются цѣли и средства мѣстнаго развитія, полезнаго и даже необходимаго и съ точки зрѣнія общихъ государственныхъ интересовъ. Въ данномъ отношеніи фактически оказываютъ услугу украинскому движенію даже тѣ общественные элементы, которые принципіально враждебны ему, но, стоя на почвѣ правильно понимаемыхъ—реальныхъ, жизненныхъ интересовъ края, содѣйствуютъ удовлетворенію этихъ интересовъ,—хотя бы въ такихъ, казалось бы, далекихъ отъ національной окраски, вопросахъ, какъ поощреніе той или иной области народнаго труда, организація мѣстныхъ экономическихъ силъ, устройство дороги, элеватора и т. д. Такой, напр., принципіальный врагъ украинства, какъ покойный руководитель „Кіевлянина“ проф. Пихно, конечно, и не подозрѣвалъ, что своей, правильной во многихъ случаяхъ, защитой экономическихъ интересовъ края онъ клалъ свою аргументацію

на ту сторону вѣсовъ, которая клонилась въ пользу его принципіальныхъ противниковъ.

Въ концѣ-концовъ, въ жизни, въ результатѣ ея процесса и борьбы, совершенно внѣ зависимости отъ всякихъ внѣшнихъ воздѣйствій, накопляются факты, являющіеся новымъ базисомъ и стимуломъ дальнѣйшаго движенія. И если украинское движеніе дѣйствительно имѣетъ жизненную силу, то оно увеличиваетъ и укрѣпляетъ ее при помощи даже такихъ факторовъ, которые направлены къ его устраненію. Въ этомъ отношеніи не лишены значенія имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о томъ, что пріобрѣтеніе и распространеніе кіевской свѣтской и духовной администраціей 5000 экз. одного злостнаго и недобросовѣстнаго памфлета, направленнаго противъ украинства, имѣло послѣдствія, какихъ мѣстное начальство менѣе всего ожидало: памфлетъ этотъ далъ толчокъ пассивной обывательской мысли, а указанныя его качества, для читателей—мѣстныхъ людей—слишкомъ очевидныя, направили эту мысль далеко не въ ту сторону, какая тенденціозно ей предуказывалась.

Среди другихъ вопросовъ мѣстнаго значенія общественное вниманіе въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ особенности останавливалось на вопросѣ о роли родного языка въ просвѣщеніи украинской народной массы. И видные педагоги, и отдѣльные общественные дѣятели, и общественныя организаціи,—будь то просвѣтительныя общества, городскія и земскія самоуправленія, комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, разнообразные съѣзды,—какъ только въ нихъ заходила рѣчь о культурномъ и экономическомъ прогрессѣ украинскаго населенія, обычно приходили къ рѣшенію, что отсутствіе школы съ роднымъ языкомъ преподаванія является главнымъ тормазомъ такого прогресса. Вопросъ о родномъ языкѣ обученія на Украинѣ фактически поставленъ былъ, какъ мы видѣли, еще въ началѣ 60-хъ г.г., и съ тѣхъ поръ голосъ общества объ удовлетвореніи этой коренной потребности народной жизни не прекращался до послѣдняго времени. Въ 1870 г. возбуждаетъ передъ правительствомъ ходатайство о введеніи родного языка въ школу Черни-

говское губернское земство; ходатайство это повторяется затѣмъ въ 1900 г. Черниговскимъ губернскимъ (по докладу гласнаго Шрага), и Борзенскимъ уѣзднымъ земствами. Херсонское губернское земство подняло тотъ же вопросъ, по инпціативѣ съѣзда народныхъ учителей, происходившаго въ 1881 г. подъ руководствомъ извѣстнаго педагога бар. Н. А. Корфа; аналогичное ходатайство было возбуждено въ 1895 г. и Елисаветградскимъ земствомъ. Въ Полтавскомъ губернскомъ земствѣ соотвѣтствующее ходатайство было возбуждено въ 1900 г., по поводу доклада гласнаго В. Леонтовича губернскому собранію объ изданіи школьныхъ книгъ, которыя и по языку, и по содержанію были бы доступны мѣстному населенію. Полтавская городская дума возбудила ходатайство о введеніи преподаванія на украинскомъ языкѣ въ школѣ имени И. П. Котляревскаго, родоначальника украинской литературы. Одесская городская дума (по иниціативѣ городского головы Зеленаго) возбудила ходатайство болѣе общаго свойства—объ отмѣнѣ стѣсненій украинскаго слова, о допущеніи въ школьныя и народныя библіотеки учебниковъ и книгъ для чтенія на украинскомъ языкѣ, о допущеніи хотя бы объясненій учителя по-украински, „если бы не оказалось возможнымъ вести въ школахъ все преподаваніе на малорусскомъ языкѣ, а русскій языкъ сдѣлать особымъ предметомъ преподаванія". Учрежденные съ 1902 г. комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности также должны были столкнуться съ этимъ назрѣвшимъ жизненнымъ вопросомъ. Комитеты Хотинскій, Бердянскій, Новомосковскій, Ананьевскій, Лубенскій, Полтавскій, Лохвицкій, Херсонскій, Черниговскій, Конотопскій, Борзенскій, Воронежскій находили необходимымъ введеніе украинскаго языка въ народную школу; въ докладахъ этихъ комитетовъ указывается на непомѣрныя трудности обученія дѣтей на неродномъ языкѣ, а также на то, что современная школа неспособна развить любовь къ знанію и самообразованію, что пренебреженіе народнымъ языкомъ порождаетъ невольно неуваженіе и къ самому народу, говорящему на этомъ языкѣ. Неоднократно возбуждали тотъ же вопросъ и просвѣти-

тельныя организаціи: С.-Петербургскій комитетъ грамотности, Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, Кіевское и Харьковское общества грамотности. Всѣ сколько-нибудь значительные съѣзды, такъ или иначе сталкивавшіеся съ вопросами народной культуры или экономической жизни, обычно высказывались за допущеніе украинскаго языка въ народную школу и библіотеку. Такъ агрономическій съѣздъ, собиравшійся въ Москвѣ въ 1901 году, постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи издавать книги и сельско-хозяйственную газету на украинскомъ языкѣ; кустарный съѣздъ, бывшій въ Полтавѣ въ томъ же году, высказался за необходимость изданія книгъ и руководствъ на мѣстныхъ языкахъ по отдѣльнымъ отраслямъ кустарнаго производства; техническій съѣздъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1903 г., нашелъ нужнымъ введеніе народнаго языка въ первоначальное преподаваніе. При конституціонномъ режимѣ, голосъ общества, представляемый на съѣздахъ, звучалъ еще болѣе опредѣленно и рѣшительно; достаточно указать на высказывавшіеся въ этомъ смыслѣ въ послѣднее время съѣзды—Кіевскіе кооперативный и сельскохозяйственный, Московскій и Петербургскій по народному образованію [1]);

[1]) Принятая секціей резолюція по вопросу объ украинской школѣ: „Принимая во вниманіе, что для достиженія поставленныхъ народной школѣ воспитательныхъ и образовательныхъ задачъ, школа эта должна быть близкой и родной населенію по языку и по всему своему укладу, что современная постановка школьнаго дѣла въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, не удовлетворяя этимъ задачамъ, приноситъ вредъ не только украинскому населенію, но и всему государству,—комиссія находитъ необходимымъ: 1) чтобы въ школахъ какъ общихъ, такъ и профессіональныхъ, въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ преподаваніе всѣхъ предметовъ велось на украинскомъ языкѣ; 2) чтобы преподаваніе русскаго языка, какъ обязательнаго предмета, начиналось съ 3-го года обученія, было поставлено на должную высоту и освобождено отъ служенія цѣлямъ, школѣ постороннимъ; 3) чтобы было введено изученіе украинскаго языка, исторіи и географіи края; 4) чтобы школьныя руководства и пособія были по содержанію приспособлены къ условіямъ жизни населенія; 5) чтобы обученіе на второй ступени начальной школы, а также все внѣшкольное и дошкольное воспитаніе, велось на украинскомъ языкѣ; 6) чтобы въ библіотекахъ въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ имѣлись книги на украинскомъ языкѣ; 7) чтобы въ учительскихъ школахъ, педагогическомъ классѣ женскихъ гимназій, а также на временныхъ и постоянныхъ учительскихъ курсахъ было

голосъ этотъ имѣетъ тѣмъ большее значенiе, что на съѣзды, какъ извѣстно, собираются представители самыхъ разнообразныхъ идей, стремленiй и направленiй.

Народное просвѣщенiе на родномъ языкѣ не было только словомъ,—слово это воплощалось и въ дѣло. Выше уже упоминалось о той оживленной дѣятельности въ народно-просвѣтительной области, какую проявила украинская интеллигенцiя въ тѣ немногiе годы освободительной эпохи, когда общественной работѣ не ставилось препятствiй: въ началѣ 60-хъ гг. мы видимъ и школьное преподаванiе на украинскомъ языкѣ, и ростъ школьной и народно-просвѣтительной литературы. Но вслѣдъ затѣмъ просвѣтительная дѣятельность на нацiональной почвѣ была крайне затруднена. Единственный способъ культурнаго воздѣйствiя на народную массу—путемъ книгъ на родномъ языкѣ—затруднялся спецiальными цензурными стѣсненiями и недопущенiемъ книгъ въ народныя и школьныя библiотеки. Народно-просвѣтительная литература, несмотря на то, все же росла и обогащалась, проникая въ народныя массы помимо офицiальныхъ путей,—и украинское общество, при всѣхъ неблагопрiятныхъ условiяхъ проявляло много энергiи въ этомъ направленiи. Въ 1905 г. украинское слово уравнено было въ цензурномъ отношенiи съ русскимъ; въ слѣдующемъ году, по новому закону объ обществахъ, открылась возможность и сколько-нибудь планомѣрной, просвѣтительной работы. Такъ какъ и при новыхъ условiяхъ украинскiй народъ оказался, по прежнему, лишеннымъ нацiональной школы, то просвѣщенiе народа на родной почвѣ возможно было только путемъ внѣшкольнымъ. И вотъ, въ самое короткое время Украина покрывается сѣтью просвѣтительныхъ обществъ—„Просвiт“ не только въ крупныхъ центрахъ края—въ Кiевѣ, Одессѣ, Черниговѣ, Екатеринославѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Екатеринодарѣ, Новочеркасскѣ,

---

введено изученiе украинскаго языка, исторiи, литературы и географiи края; 8) чтобы въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, находящихся въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населенiемъ, были учреждены каѳедры украиновѣдѣнiя въ цѣляхъ подготовки преподавательскаго персонала для педагогическихъ учебныхъ заведенiй и курсовъ“.

Житомірѣ, Николаевѣ, но и въ небольшихъ городахъ— Нѣжинѣ, Могилевѣ-на-Днѣстрѣ, Козельцѣ, Мелитополѣ и даже въ селахъ (Мануйловкѣ, Амурѣ, Запорожьѣ, Діевкѣ, Перещепиной и др.). Какъ видимъ, украинская интеллигенція горячо откликнулась на нужды народнаго просвѣщенія и пошла навстрѣчу имъ тотчасъ, какъ только представилась къ тому возможность. Многія изъ указанныхъ „Просвіт“ были первыми обществами, какія зарегистрованы мѣстными губернскими объ обществахъ присутствіями на основаніи закона 4 марта 1906 года. Подъ флагомъ народнаго просвѣщенія объединились всѣ демократическіе элементы украинскаго общества безъ различій партій и направленій. Въ этихъ просвѣтительныхъ организаціяхъ инициативою и силами самого общества,—что именно особенно важно и цѣнно,—была начата и совершалась та сложная и трудная работа, на которую затрачиваетъ громадныя средства и силы государство, самымъ жизненнымъ образомъ заинтересованное въ томъ, чтобы населеніе не оставалось невѣжественнымъ и при помощи просвѣщенія развивало свои духовныя и матеріальныя силы, возможно большій ростъ которыхъ столь необходимъ при современныхъ повышенныхъ условіяхъ международнаго соревнованія. Стремясь удовлетворить самой жгучей современной потребности украинскаго села—его стремленію къ свѣту, украинская интеллигенція въ этихъ обществахъ работала по изданію популярной литературы, устройству сельскихъ библіотекъ, организаціи чтеній, бесѣдъ и, наконецъ, равлеченій для крестьянскаго населенія: устраивались спектакли—зачастую съ участіемъ самихъ крестьянъ, въ качествѣ исполнителей. Вообще „Просвіти“, насколько могли, служили проводникомъ полезныхъ знаній и, при болѣе свободныхъ условіяхъ работы, могли бы создать для украинскаго крестьянства рядъ культурныхъ очаговъ большого общественнаго значенія. Съ ихъ помощью постепенно было бы достигнуто повышеніе культурно-экономическаго уровня украинской деревни; онѣ же своимъ облагораживающимъ вліяніемъ скорѣе и вѣрнѣе остановили бы ту порчу деревенскихъ нравовъ, въ борьбѣ съ которою правительство то намѣревалось примѣнять суро-

выя карательныя мѣры, то періодически обращалось къ насажденію „разумныхъ развлеченій“ разнаго рода...

Нѣкоторыя „Просвіти“ успѣли проявить широкую и интенсивную дѣятельность; въ другихъ дѣятельность, вдохновленная горячимъ желаніемъ прійти на помощь темной народной массѣ, постепенно налаживалась и обѣщала плодотворные результаты. И если въ скоромъ времени большинство такихъ организацій вынужденно прекратило свое существованіе, а остальныя немногія не менѣе вынужденно сократили свою просвѣтительную дѣятельность до самаго крайняго минимума, то это можетъ вызвать лишь глубокое сожалѣніе по поводу того крупнаго, невознаградимаго культурнаго ущерба, какой понесла народная масса и вообще интересы края, вслѣдствіе стѣсненія живой общественной инициативы и самодѣятельности.

Какъ видимъ, жизнь была богата фактами, которые заставляли задумываться надъ вопросами, тѣсно связанными съ украинскимъ общественнымъ движеніемъ, и всякій, кто сколько-нибудь внимательно относился къ требованіямъ жизни, не могъ пройти мимо тѣхъ или иныхъ вопросовъ, которые входятъ въ кругъ общаго „украинскаго вопроса“. Подъ воздѣйствіемъ такихъ повелительныхъ требованій жизни, украинское движеніе неуклонно продолжало нарастать и шириться, захватывало все болѣе широкіе круги населенія, привлекало въ свои ряды все новыя и новыя силы.

Къ этому естественно вело углубленіе національно-общественнаго самосознанія украинской интеллигенціи, все сильнѣе ощущавшей свою связь съ народной массой и стремившейся отвѣтить на ея культурные и соціальные запросы въ формѣ, наиболѣе соотвѣтствующей ея національному складу. На общемъ фонѣ усталости и упадка русской общественной жизни поколѣніе украинскихъ дѣятелей выдѣляется бодростью настроенія, вѣрой въ правоту и будущность своего дѣла, энергичной дѣятельностью, не смотря на то, что украинское движеніе испытываетъ двойной гнетъ— и общей политической реакціи, и спеціальныхъ стѣсненій въ національной области. Работа прояснения общественнаго

самосознанія, организаціи общественныхъ силъ, повышенія производительности въ области литературно-художественной, научной и народно-просвѣтительной продолжается неустанно, и идея украинскаго національнаго возрожденія продолжаетъ жить и развиваться—и въ идеологическихъ своихъ основахъ, и въ практической жизни—вопреки всѣмъ внѣшнимъ препятствіямъ и преодолѣвая ихъ.

Какъ только наступила формальная возможность, появляется украинская пресса, растетъ книжная производительность, возникаютъ культурно-просвѣтительныя и экономическія организаціи, развивающія оживленную и продуктивную дѣятельность. Всякое, сколько-нибудь замѣтное, событіе національной жизни (записка или законопроектъ о нуждахъ народной школы, вопросъ объ учрежденіи каѳедръ украиновѣдѣнія или объ учрежденіи украинскаго университета въ Галиціи, думскіе дебаты по украинскому вопросу, смерть или юбилей популярнаго дѣятеля и т. п.) встрѣчаетъ обычно широкій откликъ, собираетъ тысячи подписей. Такъ, записка о нуждахъ украинской школы была покрыта болѣе, чѣмъ 10 тысячами подписей лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ круговъ; подобный же откликъ въ широкихъ кругахъ украинскаго населенія встрѣчаемъ и по другимъ аналогичнымъ поводамъ (таковъ, напр., откликъ, лѣтомъ 1913 г., болѣе двухъ тысячъ крестьянъ и рабочихъ Екатеринославской губерніи на думскіе дебаты по украинскому вопросу).

Естественно послѣ этого, что украинскій вопросъ въ томъ или иномъ отношеніи, съ той или другой стороны, долженъ былъ найти отраженіе и въ нашихъ законодательныхъ палатахъ. Въ первыхъ двухъ Думахъ, въ которыхъ Украина представлена была демократическими элементами, были отдѣльныя и довольно многочисленныя (болѣе чѣмъ по 50 членовъ) украинскія фракціи, ставившіе себѣ задачей выдвигать въ законодательномъ порядкѣ требованія украинской національной жизни; такъ, выработаны были законопроекты о родномъ языкѣ въ школѣ, о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, о нѣкоторыхъ сторонахъ земельнаго вопроса, наиболѣе близко затрогивающихъ интересы крестьянской земледѣльческой

массы на Украинѣ. Новый выборный законъ, давшій преобладаніе землевладѣльческому элементу, наиболѣе рѣзко измѣнилъ выборныя соотношенія на Украинѣ, почему послѣдующіе представители интересовъ этого края въ Думѣ одинаково далеки и отъ демократическихъ принциповъ, и отъ ближайшихъ интересовъ украинской народной массы. Тѣмъ не менѣе и въ третьей Думѣ, въ началѣ ея дѣятельности, когда еще не опредѣлился окончательно преобладающій политико-соціальный ея характеръ, былъ выработанъ и внесенъ въ порядкѣ думской иниціативы, за подписью 37 членовъ Думы, законопроектъ о языкѣ преподаванія въ начальныхъ школахъ мѣстностей съ малорусскимъ населеніемъ. Требованія украинской національной жизни получаютъ освѣщеніе и въ слѣдующей, четвертой, Государственной Думѣ. На ряду съ яростнымъ націоналистическимъ натискомъ на украинство со стороны новыхъ членовъ Думы отъ украинскихъ губерній, видимъ здѣсь со стороны прогрессивной части Думы активную защиту украинскихъ національныхъ нуждъ, на ряду съ обличеніемъ незакономѣрныхъ дѣйствій власти, направленныхъ къ стѣсненію нормальныхъ проявленій украинской національной жизни. Такая защита изрѣдка исходила и изъ консервативныхъ круговъ: такъ, епископомъ Никономъ былъ внесенъ въ Думу законопроектъ о допущеніи родного языка въ украинскую школу и о прекращеніи административныхъ стѣсненій по отношенію къ украинскимъ обществамъ, преслѣдующимъ культурныя цѣли [1]).

---

[1]) Заключительные пункты законопроекта епископа Никона:

1. Разрѣшить вести преподаваніе въ украинскихъ начальныхъ школахъ всѣхъ вѣдомствъ (по крайней мѣрѣ—первые два года обученія) на родномъ украинскомъ языкѣ.

2. Назначать учащими въ эти школы преимущественно украинцевъ и знающихъ украинскій языкъ.

3. Вести преподаваніе въ украинскихъ начальныхъ школахъ украинскаго языка и исторіи Украины наравнѣ съ русскимъ и русскою исторіею.

4. Не преслѣдовать, изыскивая и подыскивая вины и провинности, обществъ „Просвіта", какъ учрежденій исключительно-просвѣтительныхъ, распространяющихъ знанія, дозволенныя брошюры и книги на украинскомъ родномъ языкѣ; закрытіе сихъ обществъ производить впредь только по разрѣшенію надлежащаго законнаго суда, а не въ порядкѣ административнаго усмотрѣнія, часто голаго произвола.

Всѣ эти факты изъ прошлаго и настоящаго украинскаго движенія, свидѣтельствующія о живомъ сочувствіи ему въ широкихъ и разнообразныхъ слояхъ населенія, казалось бы, говорятъ не объ искусственности этого движенія, ибо въ такомъ случаѣ оно, подъ давленіемъ крайне неблагопріятно сложившихся для него внѣшнихъ условій, давно бы заглохло, а, наоборотъ, о необыкновенной его жизненности, о томъ, что оно является крупнымъ и незамѣнимымъ по своему значенію факторомъ возрожденія общественныхъ силъ и общественной самодѣятельности на пользу не только мѣстныхъ, но и болѣе общихъ интересовъ.

Новый періодъ репрессій противъ украинскаго движенія.

Но „обновленный строй", какъ извѣстно, вызвалъ противъ себя движеніе реакціонныхъ элементовъ страны, голосъ которыхъ, какъ своего рода общественное мнѣніе, послужилъ опорою для правящихъ сферъ въ ихъ тяготѣніи къ дореформенному режиму. Однимъ изъ лозунговъ, на которыхъ правительственная политика объединилась съ стремленіями правыхъ партій, былъ государственный національизмъ, который съ этого времени вошелъ въ число устоевъ новаго режима. Возникло или было создано изъ разнородныхъ элементовъ общества націоналистическое теченіе, конечно, воинствующаго, наступательнаго типа,—ради защиты господствующей великорусской народности, угнетаемой „инородцами".

Объектомъ новой націоналистической политики въ первую голову оказалось украинское движеніе. Ожили старые лозунги борьбы съ украинскимъ „сепаратизмомъ". Начались новыя репрессіи противъ украинскаго движенія и его дѣятелей и, главнымъ образомъ, противъ тѣхъ украинскихъ общественныхъ организацій,—клубовъ, собраній, просвѣтительныхъ обществъ,—которыя вызваны были къ жизни новыми гражданскими нормами послѣ манифеста 17-го октября.

Руководящія указанія въ данномъ отношеніи администрація получила въ циркулярѣ покойнаго Столыпина отъ 20 января 1910 г., которымъ общественное объединеніе на

почвѣ національныхъ интересовъ объявлялось „усугубляющимъ національную обособленность и рознь“ и „несоотвѣтствующимъ русскимъ государственнымъ задачамъ“, а потому предписывалось не разрѣшать обществъ „инородческихъ, въ томъ числѣ украинскихъ и еврейскихъ, независимо отъ преслѣдуемыхъ ими цѣлей“, а также пересмотрѣть уже выданныя разрѣшенія и принять необходимыя мѣры. Въ этихъ мѣрахъ, основанныхъ на националистическомъ принципѣ, административная логика, очевидно, не усматривала момента „усугубляющаго національную обособленность и рознь“. Съ легкимъ сердцемъ отнеся двадцатипятимилліонное населеніе украинскихъ губерній къ категоріи „инородцевъ“, Столыпинъ, повидимому, полагалъ, что онъ этимъ скрѣпляетъ связи Украины съ „единою, недѣлимою Россіей“...

И вотъ, во славу единенія, администрація начинаетъ закрывать, одну за другою, украинскія „Просвіти“. Въ апрѣлѣ 1910 г. закрыта самая крупная изъ нихъ—кіевская, въ четырехлѣтней дѣятельности которой, происходившей на глазахъ у начальства, усмотрѣна была, въ концѣ концовъ, „угроза общественному спокойствію и безопасности“. Какого рода могла быть эта угроза, достаточно видно изъ итоговъ работы „Просвіти“: она успѣла издать 36 популярныхъ брошюръ, ни одна изъ которыхъ не подверглась цензурному преслѣдованію; организовала 81 научно-популярную лекцію, 20 чтеній изъ беллетристики, 10 чтеній для дѣтей, 25 литературно-музыкальныхъ вечеровъ и концертовъ,—все это съ надлежащаго разрѣшенія и подъ надлежащимъ надзоромъ. Для просвѣтительнаго учрежденія, желающаго считаться безвреднымъ, всего этого было, очевидно, слишкомъ много...

Послѣ длиннаго ряда притѣсненій и придирокъ со стороны мѣстныхъ властей, закрываются „Просвіти“ одесская, черниговская, подольская, кубанская, козелецкая; новыя общества этого типа, конечно, не разрѣшаются; за „Просвітами“ наступаетъ очередь украинскихъ клубовъ,—и вновь, безъ достаточныхъ основаній, закрывается наиболѣе живой изъ нихъ—кіевскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ и всякія иныя проявленія національно-культурной жизни украинскаго общества сопровождаются болѣе или менѣе серьезными треніями и

препятствіями: конфисковываются вполнѣ невинныя книги, запрещаются популярныя лекціи, исключаются изъ программъ учительскихъ курсовъ такія щекотливыя темы, какъ вопросъ о роли родного языка въ начальномъ образованіи; подвергается усиленнымъ карамъ украинская пресса, уничтожаются украинскія вывѣски, дѣлаются попытки отнять данное въ лучшее времена разрѣшеніе на постановку памятника Шевченко въ Кіевѣ. Наконецъ, повсемѣстно прошла полоса запрещеній и административныхъ преѣятствій, приведшихъ къ отмѣнѣ юбилейныхъ торжествъ, связанныхъ съ 100-лѣтіемъ со дня рожденія Шевченка; здѣсь директивы центральной администраціи настолько были опредѣленны, что даже панихиды по Шевченко оказались на Украинѣ неосуществимыми. Словомъ, всего коснулось административное рвеніе, осуществляя преподанныя свыше директивы по украинскому вопросу...

Формы украинской политической мысли.

Къ этому времени опредѣлились главнѣйшіе оттѣнки украинскаго политическаго міровоззрѣнія, легшіе въ основу партійной дифференціаціи въ украинскомъ обществѣ. Эволюція украинскихъ лозунговъ, подъ давленіемъ ненормальныхъ условій національной жизни, была вообще медленною и сложною. Послѣ разгрома Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, украинское народничество сперва устраняетъ изъ своихъ программъ политическій моментъ. Въ этой стадіи національное движеніе на Украинѣ было еще „украинофильскимъ“. Оно сосредоточивалось въ интеллигентныхъ кружкахъ— „громадахъ“, которые вели, въ предѣлахъ возможнаго, культурную работу, но не имѣли близкой связи съ корнями народной жизни. Только Драгомановъ ввелъ въ украинофильство идеи политическаго и соціальнаго реформаторства, положи въ основаніе соціалистическимъ теченіямъ украинства Подъ вліяніемъ Драгоманова, въ концѣ 80-хъ годовъ галицкіе украинцы организовали радикально-демократическую партію, которая нашла благопріятную почву въ крестьянской средѣ и не осталась безъ воздѣйствія на украинское общество въ Россіи. Послѣ первоначальныхъ пробъ организаціи

на почвѣ политической платформы, въ 1897 г. была основана всеукраинская организація, объединившая въ себѣ украинскую интеллигенцію въ формѣ федераціи мѣстныхъ громадъ и въ практической работѣ постепенно претворившая „украинофиловъ“ прежняго типа въ „украинцевъ“ съ опредѣленнымъ политическимъ міровоззрѣніемъ въ духѣ широкаго демократизма.

Около 1900 г. возникла первая партійная организація на украинской почвѣ—„Революціонная украинская партія“, нѣсколько смѣшанная по составу и потому вскорѣ разбившаяся на иныя группировки. Главною изъ нихъ была „украинская соціалъ-демократическая рабочая партія“, тѣсно примыкавшая по программѣ къ русской соціалъ-демократіи, съ тѣмъ лишь существеннымъ отличіемъ, что однимъ изъ основныхъ постулатовъ украинскихъ соціалъ-демократовъ была національно-территоріальная автономія Украины. Другое теченіе перешло въ „Украинскую народную партію“, поставившую на своемъ знамени крайніе лозунги украинскаго національзма. Первая изъ этихъ партій получила въ дальнѣйшемъ широкое распространеніе и пользуется значительнымъ вліяніемъ въ народныхъ массахъ. Вторая эволюціонировала въ такъ называемое „самостійництво“ (стремленіе къ политической независимости), особенно усилившееся во время міровой войны, а послѣ революціи 1917 г. принявшее болѣе умѣренныя формы на почвѣ соціалъ-революціонной программы. Безпартійная всеукраинская организація, о которой упоминалось выше, въ свою очередь, послѣ нѣсколькихъ преобразованій, выдѣлила изъ своей среды партію,—съ традиціоннымъ названіемъ „радикально-демократической“, близкую по программѣ къ русской партіи народныхъ соціалистовъ. Сама же организація сохранила форму безпартійнаго блока, объединеннаго программой-минимумъ изъ трехъ постулатовъ: парламентаризмъ, автономія Украины и федеративное устройство Россіи.

Такимъ образомъ, въ своихъ главныхъ теченіяхъ политическая мысль украинскаго общества пошла по тремъ направленіямъ: соціальнаго реформаторства, националистическихъ стремленій и демократическаго радикализма. Но въ основныхъ своихъ требованіяхъ, подъ давленіемъ реальной

жизни, всѣ эти теченія сходились между собою, объединяя украинскую интеллигенцію въ одномъ стремленіи: прежде всего отстоять національныя права украинскаго народа. Мы видѣли, что русская дѣйствительность не позволяла надѣяться на близкое улучшеніе условій національной жизни на Украинѣ.

III.

Національныя пріобрѣтенія украинства.

Художественная литература.

Жизненность той или иной идеи познается обычно по плодамъ ея—по тѣмъ практическимъ завоеваніямъ, какихъ она сумѣла достичь въ жизни и какія являются наиболѣе убѣдительнымъ свидѣтельствомъ ея дѣйствительнаго значенія. Съ этой точки зрѣнія необходимо указать и на тѣ фактическія національныя пріобрѣтенія, какія являлись результатомъ ясно сознанной дѣятельности націи и настойчиваго труда отдѣльныхъ ея представителей, достигнутымъ вопреки тяжелымъ политическимъ условіямъ, въ обстановкѣ которыхъ эта дѣятельность совершалась.

Среди пріобрѣтеній національнаго характера первостепенное значеніе имѣютъ пріобрѣтенія въ области національнаго слова. Въ этомъ отношеніи украинское слово выдержало самое строгое испытаніе, предъявленное ему жизнью,—оно не только не умолкло подъ вліяніемъ постигавшихъ его невзгодъ, но стало органомъ обширной и разнообразной литературы, не послѣдней по своему качественному и количественному развитію въ семьѣ другихъ славянскихъ литературъ.

Украинская письменность, начавшаяся произведеніями на условномъ книжномъ языкѣ, уже въ XV—XVI вв. выжается въ такомъ фактѣ крупнаго культурно-національнаго значенія, какъ переводы св. писанія на народный языкъ,—фактѣ, свидѣтельствующемъ о глубокой органической потребности творчества на родномъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ обработка книжнаго, литературнаго языка идетъ параллельно

съ богатымъ и разнообразнымъ народнымъ творчествомъ, не теряя съ нимъ связи и часто даже входя съ нимъ въ самое близкое соприкосновеніе (въ лирической поэзіи), пока, наконецъ, въ исходѣ XVIII в., эти два теченія національнаго творчества въ области слова не слились въ фактъ національной художественной литературы, отцомъ которой, по справедливости, считается И. П. Котляревскій. Мы уже упоминали о литературныхъ дѣятеляхъ до-шевченковскаго періода; наиболѣе крупнымъ изъ нихъ былъ піонеръ народной повѣсти—талантливый и плодовитый писатель Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко, произведенія котораго сохраняютъ свою литературную и идейную свѣжесть до настоящаго времени. Солнце украинской литературы, въ лицѣ Т. Г. Шевченка, освѣтило ей путь прочнаго развитія на идейныхъ основахъ глубокаго демократизма, и упомянутые нами писатели-народники 60—70-хъ годовъ (Марко-Вовчокъ, И. Левицкій, П. Мирный, А. Кониссвій) выткали на этой идейной основѣ рядъ яркихъ литературныхъ типовъ, являющихся цѣннымъ художественнымъ достояніемъ украинской литературы. Къ этому же времени относится литературная дѣятельность талантливаго поэта-лирика С. Руданскаго, баснописца Л. Глибова (украинскій Крыловъ), беллетриста А. Свидницкаго (украинскій Помяловскій). Послѣдующія генераціи украинскихъ писателей, сохраняя идейные завѣты своихъ предшественниковъ, расширяютъ кругъ литературныхъ типовъ, идей и переживаній, отзываются на различныя теченія въ европейскихъ литературахъ, на запросы умственной, общественной и политической жизни. Болѣе крупными именами среди писателей послѣднихъ десятилѣтій являются М. Коцюбинскій—беллетристъ-психологъ, за высокую художественную обработку своихъ произведеній называемый украинскимъ Тургеневымъ (три тома его разсказовъ имѣются въ русскомъ переводѣ въ изданіи „Знанія"); чрезвычайно популярный въ народной средѣ Б. Гринченко, которому принадлежатъ нѣсколько большихъ повѣстей, множество разсказовъ (есть и въ русскомъ переводѣ), стихотвореній и стихотворныхъ переводовъ на украинскій языкъ; Д. Марковичъ—авторъ сильно написанныхъ разсказовъ изъ судебной практики,

имѣющихся и въ русскомъ переводѣ; поэтъ сатирикъ В. Самійленко; талантливая поэтесса Л. Косачъ (Леся Украинка), поэтъ гражданской скорби П. Грабовскій, авторъ колоритныхъ стихотвореній на восточные мотивы А. Крымскій, поэтъ-переводчикъ М. Славинскій, Дніпрова Чайка – авторъ прекрасныхъ стихотвореній въ прозѣ, Г. Григоренко—художникъ реалистъ съ нѣсколько грубоватой, но очень сильной кистью, беллетристы М. Левицкій, В. Левенко, Л. Яновская, А. Тесленко, С. Черкасенко, С. Васильченко, поэты М. Вороный, Г. Чупринка и др. Наиболѣе популярнымъ изъ современныхъ украинскихъ поэтовъ является О. Олесь, изъ беллетристовъ—В. Винниченко, извѣстный и русской читающей публикѣ какъ по переводамъ его разсказовъ, такъ и по оригинальнымъ произведеніямъ на русскомъ языкѣ.

Территоріально маленькая, но жившая сравнительно полною національною жизнью, Галиція также выдвинула рядъ талантливыхъ писателей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ крупная, многогранная, извѣстная и русской читающей публикѣ, личность Ивана Франка—поэта, беллетриста, ученаго и общественнаго дѣятеля. Среди обширной семьи другихъ украинскихъ писателей въ Галиціи слѣдуетъ указать Н. Кобринскую, талантливую новеллистку съ соціальнымъ темпераментомъ; Т. Бордуляка—автора теплыхъ разсказовъ изъ жизни крестьянской бѣдноты; О. Маковея, разсказы котораго дышатъ непосредственнымъ мягкимъ юморомъ; талантливую модернистку О. Кобылянскую; В. Стефаника—автора небольшихъ, сильно и колоритно написанныхъ разсказовъ, переведенныхъ на многіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій; беллетристовъ А. Чайковскаго, С. Ковалева, О. Мартовича, Б. Лепкого, И. Семанюка, А. Крушельницкаго, М. Яцкова; поэтовъ В. Пачовскаго, П. Карманскаго и др.

Въ настоящее время украинская литература представляетъ культурную цѣнность не только для той національности, самовыраженію которой она служитъ. Самый фактъ ея существованія и продолжающагося развитія является лучшимъ отвѣтомъ на вопросы,—возможна ли она и нужна ли. И если этотъ фактъ говоритъ о необходимости украинской

письменности, то вся ея исторія говоритъ о ея живучести, которую нельзя подавить принудительно никакими внѣшними мѣрами. Уже самое возникновеніе старой украинской письменности бокъ-о-бокъ съ высоко развитою, вооруженною всѣмъ блескомъ европейской культуры польскою литературою показываетъ, что первая изъ нихъ настолько удовлетворяла глубокой потребности народа и находилась въ такомъ соотвѣтствіи съ національными его стремленіями, что не могла быть замѣнена другою, хотя бы значительно болѣе развитою. И насколько наличность этой последней не мѣшала развитію украинской литературы, видно изъ того, что когда пришлось ей стать, въ концѣ XVII в., рядомъ съ литературой великорусской,—то она оказалась выше и богаче этой послѣдней. Дальнѣйшая затѣмъ судьба украинской литературы, въ параллельномъ ея существованіи уже съ литературой русскою, еще съ большей ясностью показала, что истинный и неуклонный путь ея лежитъ не къ упадку и гибели, а къ жизни и развитію. Въ самомъ дѣлѣ: одна пользуется широкимъ государственнымъ покровительствомъ (ибо всѣ стѣсненія русской литературы не касались собственно національной ея стихіи), другая испытываетъ величайшія стѣсненія, открываемыя указомъ Петра I о томъ, «дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ нихъ (въ книгахъ) не было», презирается не только чужими, но и своими, которые, «льстя себя,—какъ писалъ авторъ «Исторіи Русовъ»,—надеждою содѣлаться на счетъ націи хорошими владѣльцами, оставили сію націю ожидать обѣтованія Отча свыше», и приговаривается къ исчезновенію даже тѣми, кто относился къ ней вовсе не враждебно[1]),—и все же, вмѣсто гибели и исчезновенія, презираемое простонародное слово становится символомъ національнаго возрожденія, органомъ сближенія интеллигенціи съ народною массой, орудіемъ проникновенія въ народную жизнь и выраженія соціальныхъ ея условій. На возрождающуюся литературу посыпались репрессіи убій-

[1]) Авторъ первой „Грамматики малороссійскаго нарѣчія“ (1818 г.) Павловскій смотрѣлъ на украинскій языкъ, какъ на «исчезающее нарѣчіе»; такъ же смотрѣли на произведенія украинской народной словесности многіе этнографы начала прошлаго вѣка (напр., кн. Цертелевъ).

ственнаго значенія, имѣвшія прямую и опредѣленную цѣль—фактически доказать, что ея «не было, нѣтъ и быть не можетъ»; но отвѣтомъ на этотъ приговоръ могутъ быть хотя бы тѣ краткія данныя о современномъ состояніи украинской литературы, какія приведены выше. Въ послѣдніе годы опять обильно посыпались на украинское слово административные скорпіоны и стали вновь раздаваться зловѣщія предсказанія о дальнѣйшей судьбѣ его. По простому закону исторической послѣдовательности слѣдовало думать, что вѣщанія эти и на этотъ разъ не оправдаются. Если они вводили въ заблужденіе раньше, когда сила жизни и сопротивленія украинскаго слова была еще такъ слаба и имѣла болѣе потенціальный, чѣмъ реальный характеръ, то тѣмъ болѣе должны они потерять кредитъ теперь, когда сила національнаго творчества неудержимо преодолѣла столько всякихъ препонъ и одержала рѣшительную и конечную побѣду надъ самыми усердными стараніями сдавить народную душу.

Какъ видимъ, не разъ украинское слово приговаривалось къ смерти, но каждый разъ жизнь властно отмѣняла эти приговоры. И если нельзя принудительно заставить народъ отказаться отъ творчества на родномъ языкѣ, отъ родной письменности, отъ этого драгоцѣннаго достоянія національной души, то тѣмъ менѣе можно ожидать, что онъ сдѣлаетъ это добровольно. Для самосознающаго себя народа литература—это душа его жизни, наиболѣе совершенное выраженіе его индивидуальности, его чувствъ и переживаній, его надеждъ и идеаловъ. Ни одинъ народъ добровольно не откажется отъ столь существеннаго органа своей духовной жизни. «Никакіе соблазны и аргументы не убѣдятъ насъ предпочесть своей родной, хотя и убогой и загнанной, литературѣ,—чужую, хотя бы близкую намъ и гордую своимъ богатствомъ и всемірнымъ значеніемъ. Не обиліемъ произведеній и не степенью міроваго значенія измѣряется высокая цѣнность и великая притягательная сила южно-русской литературы, а тѣмъ, что въ ея скромномъ содержаніи и формѣ каждая живая душа многомилліоннаго южно-русскаго народа находитъ то, чего не найдетъ ни въ одной литературѣ міра. Въ своей родной литературѣ и искусствѣ мы

находимъ самихъ себя, свою собственную жизнь, свою интимную бытовую и природную обстановку, свои неподдѣльные нравы, идеалы и вкусы, свою живую душу, своего многострадальнаго генія народнаго. Сквозь призму произведеній нашего національнаго творчества мы лучше, непосредственнѣе видимъ и ощущаемъ живую личность человѣчеческую, созерцаемъ мельчайшія біенія ея жизненнаго пульса, волнуемся малѣйшимъ трепетомъ ея житейскихъ радостей и печалей и глубже проникаемъ умомъ въ самыя завѣтныя мысли, стремленія и чаянія человѣчества» (К. Михальчукъ. «Открытое письмо къ А. Н. Пыпину»). Эти слова,—сказанныя однимъ изъ дѣятелей украинскаго слова болѣе четверти вѣка тому назадъ и подкрѣпленныя прогрессирующимъ съ тѣхъ поръ развитіемъ украинской литературы и всей національной жизни,—являются единственно возможнымъ отвѣтомъ на всѣ мрачныя ауспиціи относительно будущей судьбы украинской литературы. Такой же, по существу, отвѣтъ далъ великій русскій писатель, когда сказалъ: «во дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!» Нужно только понять, что для каждой народности родной ея языкъ—такъ же великъ, могучъ, правдивъ и свободенъ,—такъ какъ въ немъ скрыты возможности естественнаго и свободнаго обнаруженія народнаго генія.

Научная литература.

Не менѣе цѣнное съ національной точки зрѣнія значеніе имѣетъ наличность научной украинской литературы, которая развивалась параллельно съ ростомъ національнаго самосознанія на Украинѣ. Украинская интеллигенція выдвинула рядъ выдающихся дѣятелей науки, давшихъ крупный вкладъ въ разнообразныхъ сферахъ знанія, но особенно въ области исторіи (Костомаровъ, Антоновичъ), языка (Житецкій), этнографіи и фольклора (Драгомановъ, Рудченко, Номисъ, Чубинскій, Волковъ, и др.). Первая попытка организаціи украинской научной работы сдѣлана была въ началѣ 70-хъ гг., когда въ Кіевѣ открытъ былъ „Юго-западный

отдѣлъ Русскаго географическаго общества», сконцентрировавшій вокругъ себя кружокъ украинскихъ ученыхъ, съ П. П. Чубинскимъ во главѣ. Кружокъ этотъ заявилъ себя плодотворною дѣятельностью (издавалъ «Записки Юго-западнаго отдѣла» и весьма цѣнные «Труды экспедиціи въ юго-западный край»), но «Юго-западный отдѣлъ», какъ уже упоминалось, вскорѣ былъ принудительно закрытъ и научныя силы разсѣялись: одни изъ участниковъ отдѣла должны были эмигрировать за границу, другіе—были высланы за предѣлы Украины, иные—поставлены въ условія, парализовавшія всякую научную дѣятельность въ излюбленной области. Не смотря на то, менѣе чѣмъ черезъ 10 лѣтъ, въ 1882 г., основывается въ Кіевѣ ежемѣсячный журналъ «Кіевская Старина», который въ теченіе 25-лѣтняго періода своего существованія далъ много весьма цѣннаго матеріала въ сферѣ украиновѣдѣнія. Но эта научная дѣятельность, украинская по содержанію, не была таковою и по формѣ, такъ какъ принудительно облекалась въ форму русской рѣчи. Поэтому главная научная работа, такъ же какъ и литературная, сосредоточилась въ это время въ Галиціи. Здѣсь въ 1873 г., на собранный на Украинѣ капиталъ, основано было «Общество имени Шевченка», имѣвшее сперва общелитературный характеръ, а затѣмъ реформированное въ научное общество. Въ 1892 г. вышелъ первый томъ ученаго журнала Общества—«Записок Наукового товариства імени Шевченка», составленный преимущественно изъ трудовъ украинскихъ авторовъ изъ Россіи. Продолжая неизмѣнно пользоваться литературнымъ сотрудничествомъ и матеріальнымъ содѣйствіемъ со стороны русскихъ украинцевъ, общество особенно развиваетъ свою научную производительность съ 1898 г., когда новою реформою устава еще болѣе закрѣпленъ былъ за дѣятельностью его научный характеръ и когда во главѣ его сталъ уроженецъ русской Украины, человѣкъ большой энергіи и таланта, получившій образованіе въ Россіи ученый—проф. М. С. Грушевскій, нашедшій себѣ дѣятельнаго сотрудника въ лицѣ галицкаго ученаго Ивана Франка. Подъ руководствомъ проф. Грушевскаго, львовское общество имени Шевченка накопило въ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ массу цѣннаго науч-

наго матеріала и самостоятельныхъ трудовъ, знакомство съ которыми обязательно для всякаго изслѣдователя, посвящающаго себя изученію вопросовъ, имѣющихъ такое или иное отношеніе къ Украинѣ [1]).

Научная дѣятельность общества спеціализирована по тремъ секціямъ—исторической, филологической и естественно-математической. Вспомогательными органами секцій являются комиссіи, которыхъ имѣется шесть (археографическая, библіографическая, статистическая, этнографическая, археологическая и естественнная). Общество имѣетъ музей и обширную библіотеку (около 70 тыс. томовъ), типографію и книжный магазинъ. При обществѣ имѣется цѣлый рядъ фондовъ со спеціальнымъ назначеніемъ.

---

[1]) Вотъ краткое перечисленіе изданій общества:

1) „Записки Наукового Товариства ім. Шевченка", основной періодическій органъ общества, посвященный главнымъ образомъ украинской исторіи, исторіи литературы и этнографія и выходящій 6 разъ въ годъ. Вышло до сихъ поръ 118 томовъ

2) „Етнографичний Збірник", содержащій сырой этнографическій матеріалъ и его обработку. Вышло 35 томовъ.

3) „Матеріали до украінскої етнольогії"—14 томовъ.

4) „Збірник історично-філософічної секції", содержащій историческія монографія и между ними—монументальный трудъ проф. Грушевскаго „Історію України-Руси" (пока появилось 8 томовъ этой исторіи). Всего издано помянутаго сборника—15 томовъ.

5) „Збірник філологічної секції"—15 томовъ.

6) „Жерела до історії України-Руси"-актовые матеріалы по украинской исторіи —7 томовъ.

7) „Памятки україньско-руської мови і літератури"—памятники украинскаго языка и литературы—7 томовъ.

8) „Українсько-руський Архив"—собраніе документовъ, описаніе рукописей и т. п.—7 томовъ.

9) „Українсько-руська бібліотека"—критическія изданія украинскихъ классиковъ. Пока изданы сочиненія Шевченка и Федьковича.

10) „Студії з поля суспільних наук і статистики"—сборникъ (вышло 3 тома) по вопросамъ соціально-экономическимъ, замѣнившій собою ранѣе выходившія изданія—„Часопись правничу" (7 т.) и „Часопись правничу і економичну" (9 т.) а также „Правничу бібліотеку" (4 т.).

11) „Матеріяли до української бібліографії"—3 тома.

12) „Збірник математично-природописно-лікарської секції"—сборникъ естественно-математическаго и медицинскаго отдѣленія—14 томовъ.

13) „Хроніка"—извѣстія о текущей ученой работѣ общества—вышло 55 №№.

Дѣятельность львовскаго Научнаго общества пользуется почетной репутаціей въ ученыхъ кругахъ. Академикъ Ягичъ высказываетъ, что оно, „благодаря энергической дѣятельности галицкихъ русиновъ и той нравственной помощи, какая оказывается ему изъ Россіи, можетъ со временемъ обратиться въ русинскую академію наукъ“ („Archiv für slavische Philologie“, XX).

Легко понять, какія создавались для украинскихъ авторовъ неудобства, влѣдствіе необходимости печатать свои труды за границей. Поэтому, какъ только оказалось возможнымъ, въ Кіевѣ въ 1906 г. учреждается и съ 1907 г. начинаетъ функціонировать отдѣльное отъ львовскаго „Українське Наукове Товариство“. Общество состоитъ изъ отдѣленій—филологическаго, историческаго, естественно-техническаго, медицинскаго и статистической комиссіи. Труды отдѣленій историческаго и филологическаго, а также статистической комиссіи печатаются въ „Запискахъ“ (издано 13 томовъ), а отдѣленія естественно-техническое и медицинское издаютъ свои „Збірники“ (до сихъ поръ каждое отдѣленіе издало по 2—3 тома). Съ 1914 г. оно приступило также къ изданію сборниковъ этнографическихъ и историко-литературныхъ матеріаловъ и научнаго трехмѣсячника по украиновѣдѣнію („Україна)· При обществѣ имѣется библіотека и учрежденъ музей.

Научная дѣятельность этихъ украинскихъ ученыхъ организацій, особенно львовскаго общества, какъ болѣе стараго и пользующагося матеріальной поддержкой изъ государственныхъ и земскихъ средствъ, въ дѣйствительности выходила за рамки печатныхъ изданій и выражалась въ организаціи научной работы во всѣхъ отрасляхъ національной жизни. Львовское ученое общество создало кадръ солидныхъ ученыхъ—кандидатовъ на профессорскія каѳедры въ будущемъ украинскомъ университетѣ, вопросъ о которомъ могъ быть поставленъ лишь въ результатѣ серьезной и планомѣрной работы общества и находился до великой европейской войны 1914 г. на пути къ благопріятному разрѣшенію. Нѣкоторымъ суррогатомъ университета и полемъ для примѣненія научныхъ силъ украинской Галиціи служили нѣсколько украинскихъ каѳедръ въ Львовскомъ и Черновицкомъ

университетахъ, которыя также имѣли свое немалое значеніе въ развитіи украиновѣдѣнія и украинской научной литературы.

Пресса.

Кромѣ области художественной и научной литературы, украинское слово развивается и для обслуживанія практическихъ потребностей жизни—въ прессѣ, въ школѣ, въ сферѣ прикладныхъ знаній. Какъ невозможны были условія развитія украинскаго слова въ области журналистики, видно уже изъ того, что со времени журнала „Основа“ (1861—1862 гг.), въ теченіе почти полустолѣтія, въ предѣлахъ Россіи не могло быть по цензурнымъ причинамъ ни одного періодическаго изданія, и нужды украинской жизни обсуждались или въ русской печати или—главнымъ образомъ—въ галицкой прессѣ. Послѣдняя достигла значительнаго развитія. Первымъ органомъ печати, объединившимъ въ 1848 г. всѣ направленія русинскаго общества, была „Зоря Галицька“. Вслѣдъ затѣмъ начинается дифференціація въ средѣ общества, нашедшая отраженіе и въ прессѣ. Представители старорусинскаго направленія съ 70-хъ годовъ имѣли нѣсколько последовательно смѣнявшихся органовъ прессы („Наука“, „Русская Рада“, „Слово“, „Русское Слово“, „Русскій Сіонъ“, „Другъ“, „Проломъ“ и др.) и въ самое послѣднее время располагали двумя газетами, выражавшими взгляды двухъ взаимно враждовавшихъ фракцій старорусинства, — „Прикарпатской Русью“ и „Галичаниномъ“. Значительно разнообразнѣе и богаче пресса національно-украинскаго направленія. Послѣ нѣсколькихъ недолговѣчныхъ органовъ печати этого направленія („Вечерниці“, „Мета“, „Нива“, „Русалка“, „Русь“) основывается въ 1867 г. серьезно поставленный журналъ „Правда“. Общелитературное значеніе имѣли журналы „Зоря“, „Життя і Слово“, а въ настоящее время—„Літературно - Науковий Вістник“ (имѣетъ два изданія—во Львовѣ и въ Кіевѣ). Ежедневная пресса дифференцируется параллельно съ дифференціацией политическихъ партій. Народовская (впослѣдствіи народно-демократическая) партія издаетъ газету „Діло“ (съ 1880 г.) во Львовѣ и нѣсколько провинціальныхъ газетъ—органовъ мѣстныхъ отдѣленій пар-

тіи—„Перемиський Вістник", „Подільське Слово", „Свободу". Радикальная партія послѣ „Світа", „Народа", „Товарища" имѣетъ „Громадський Голос", „Хлібороб", „Зорю", соціалъ-демократическая партія—„Волю", „Землю і Волю", „Наш Голос", соціально-христіанская партія—„Руслан". Много имѣется изданій спеціальнаго характера—сельскохозяйственныхъ („Господарь", „Господарство і Промисловість", „Господарська Часопись", „Провідник Рільничих Кружків", „Рільничі Відомости", „Часопись для Спілок Рільничих") и финансовыхъ („Економист", „Самопоміч"). Научныя періодическія изданія представлены упомянутыми выше тринадцатью серіями „Наукового Товариства імени Шевченка". Педагогическій характеръ имѣютъ изданія—„Наша Школа" (органъ о-ва „Учительська Громада"), „Учитель" (органъ „Товариства Педагогічного„), „Прапор" (изданіе мѣстной учительской организаціи въ Коломыѣ), „Молода Україна" (изданіе студенческой организаціи), „Дзвінок" (журналъ для дѣтей). Изданія профессіональнаго характера—„Правничий Вістник" (органъ юристовъ), „Зелізничник" (органъ желѣзнодорожныхъ служащихъ), „Робітник в фабриках тютюну", „Голос галицьких дяків". „Еміграпт" посвященъ интересамъ галицкихъ переселенцевъ. Имѣется и нѣсколько официальныхъ изданій на украинскомъ языкѣ—„Вістник Законів", „Народна Часопись", а также органы епархіальные. Маленькая Буковина имѣетъ такіе органы печати: „Народний Голос" (раньше—„Буковина")—органъ народно-демократической партіи, „Громадянин"—органъ радикаловъ, „Борба"—соціалъ-демократовъ, сельскохозяйственная газета—„Хлібороб", кооперативная—„Селянська Каса", педагогическій журналъ—„Каменярі" (органъ учительской организаціи), профессіональный—„Ранок" (органъ церковно-служителей). Въ Угорской Руси выходятъ на народномъ языкѣ два изданія—„Наука" (религіозно-просвѣтительная газета) и „Неділя" (газета популярно-научная и сельскохозяйственная).

Въ России украинская пресса появляется впервые на основаніи правилъ 24 ноября 1905 г., и такъ была велика здѣсь потребность въ ней, что въ теченіе одного года возникаетъ около 40 различныхъ періодическихъ изданій. Нѣ-

которыя изъ нихъ, возникшія лишь вслѣдствіе этой именно, напряженно чувствовавшейся, потребности, безъ практическаго соображенія съ мѣстными силами и средствами, не выдержали сосѣдства съ болѣе прочно поставленными органами печати, другія на первыхъ же порахъ стали предметомъ исключительнаго вниманія администраціи, для которой они представлялись по традиціи нежелательнымъ явленіемъ, и должны были безвременно прекратить свое существованіе („Хлібороб", „Громадська Думка", „Вільна Україна", „Боротьба", „Вісти", „Запоріжже", „Добра Порада"). Не смотря на крайне тернистый путь существованія украинской прессы (репрессіи не только по отношенію къ самимъ изданіямъ, но и къ подписчикамъ), до войны 1914 г. насчитывалось въ предѣлахъ Россіи около двухъ десятковъ періодическихъ изданій (въ Галиціи гораздо больше). Образовался значительный кадръ украинскихъ газетныхъ работниковъ, среди которыхъ имѣются такія талантливыя силы, какъ С. Ефремовъ, М. Жученко, А. Василько и др. Органомъ ежедневной прессы служила газета „Рада". Литературными ежемѣсячниками являлись „Літературно-Науковий Вістник", „Дзвін", „Українська Хата". Ежемѣсячный журналъ „Сяйво" былъ посвященъ вопросамъ искусства. Для обслуживанія педагогическихъ вопросовъ служилъ ежемѣсячникъ „Світло" и для дѣтскаго чтенія—„Молода Україна". Вопросамъ медицины и гигіены посвященъ двухнедѣльный журналъ „Життя і Знання". Наиболѣе распространенный типъ изданій—еженедѣльники общаго характера („Маякъ", „Рідний Край") и спеціальные — сельскохозяйственные („Рілля"), кооперативные („Наша Кооперація", „Комашня-Муравейникъ") [1]).

Въ дѣлѣ прессы украинскія силы выдержали самое серьезное и тяжелое испытаніе на культурную зрѣлость. Всегда и вездѣ пресса создается исподволь, постепенно приспособляясь къ жизненнымъ потребностямъ, вырабатывая

[1]) Приведенныя выше свѣдѣнія относятся къ 1914 г.; для настоящаго времени свѣдѣнія о галицкой украинской прессѣ имѣются весьма скудныя. Въ Россіи-же, послѣ революціи, возникло множество періодическихъ изданій на украинскомъ языкѣ, въ томъ числѣ три ежедневныхъ газеты („Нова Рада", „Народная Воля", „Робітнича газета") и два ежемѣсячника („Литературно науковий Вѣстник", „Шлях").

технику языка и самого дѣла, вызывая къ газетной работѣ литературныя силы, проходящія здѣсь продолжительную школу и получающія практическій навыкъ. Никакой традиціи украинская пресса на территоріи русской Украины не имѣла, и упорядоченіе запущеннаго наслѣдства стараго режима требовало большихъ усилій, постепенной и длительной работы. Но въ настоящій моментъ—это уже вопросъ не основной работы, а болѣе детальной отдѣлки. Главное уже сдѣлано, украинская пресса существуетъ и, какъ мы уже видѣли, удовлетворяетъ самымъ разнообразнымъ потребностямъ національной жизни. И такое крупное культурное пріобрѣтеніе достигнуто въ столь короткій срокъ, что это уже само по себѣ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ дѣйствительной необходимости и жизненной силы даннаго явленія.

Школа.

Украинское движеніе, какъ факторъ демократическій, во главу своихъ стремленій всегда ставило просвѣщеніе народныхъ массъ. Выше было указано, съ какой энергіей и съ какимъ упорствомъ проводилась въ жизнь—и отдѣльными лицами и широкими общественными организаціями—идея національзаціи средствъ народнаго образованія съ цѣлью лучшаго его усвоенія народною массой. Цѣль этихъ стремленій—поднятіе культурнаго уровня народа—настолько очевидна, что въ данномъ отношеніи украинское движеніе обычно находило искреннее содѣйствіе и поддержку и со стороны прогрессивно-демократическихъ круговъ русскаго общества. Однако, практическіе результаты въ этомъ случаѣ не соотвѣтствуютъ тѣмъ громаднымъ усиліямъ, какія были затрачены на ихъ достиженіе,—по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Россіи.

Родной языкъ учащихся до революціи 1917г. не могъ получить правъ гражданства въ школахъ украинскихъ губерній. Отдѣльныя попытки въ этомъ отношеніи были устранены не въ силу ихъ несостоятельности, а напротивъ—вопреки признанной ихъ полезности. Въ началѣ 60-хъ гг. минувшаго столѣтія обученіе по-украински производилось въ частныхъ на-

чальныхъ школахъ въ Кіевской, Полтавской и Харьковской губерніяхъ, въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ, въ кіевской временной педагогической школѣ; съ тѣхъ поръ неоднократно предпринимались попытки введенія преподаванія въ народныхъ школахъ на украинскомъ языкѣ; такъ, школы съ обученіемъ въ нихъ по-украински устроены были В. В. Лесевичемъ, украинскимъ драматургомъ М. Л. Кропивницкимъ, адмираломъ Н. И. Аркасомъ, но существованіе такихъ школъ, по внѣшнимъ условіямъ, было недолговѣчно. Обучать украинскихъ дѣтей на родномъ ихъ языкѣ стало возможнымъ только въ семьѣ—исключительно частной инипіативой и въ единичныхъ случаяхъ. Насколько, однако, велика и сильна была потребность поставить первоначальное обученіе на родную почву, показываетъ значительный ростъ школьной литературы на украинскомъ языкѣ—при отсутствіи формально признанной школы съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Еще съ половины 50-хъ годовъ появляются украинскіе буквари—Кулиша, Шевченка, Золотова, Шейковскаго, Гатцука, Ященка, Конисскаго и др.; были составлены учебники и по другимъ отраслямъ школьнаго обученія—Закону Божію, арифметикѣ. Законъ 1876 г., ограничившій сферу украинского печатнаго слова рамками „изящной словесности“, надолго задержалъ появленіе новыхъ печатныхъ трудовъ въ этомъ направленіи. Съ наступленіемъ новыхъ условій политической жизни и съ общей отмѣной предварительной цензуры, назрѣвшая глубокая потребность въ приспособленіи образованія къ національнымъ особенностямъ украинскаго населенія проявилась, между прочимъ, въ довольно значительномъ развитіи спеціально-педагогической литературы; помимо научно-популярныхъ брошюръ и беллетристическихъ произведеній, приспособленныхъ для дѣтскаго чтенія, издается цѣлый рядъ украинскихъ букварей (Гринченка, Норця, Русовой, Черкасенка, Базилевича, Неводовскаго, Пухальскаго), хрестоматій (Хуторного, Б. и М. Гринченковъ, Черкасенка, Билоусенка), грамматикъ украинскаго языка (Крымскаго, Тимченка, Шерстюка, Залозного), арифметическихъ руководствъ и задачниковъ (Степовика, Конисскаго), руководствъ по географіи (Русовой, Рудницкаго,), исторіи

(М. Грушевскаго, Аркаса, Гринченка, Коваленка), исторіи литературы (Ефремова, А. Грушевскаго), естествовѣдѣнія (Сираго), химіи (Мазуренка), космографіи (Черкасенка) и по нѣкоторымъ отраслямъ прикладныхъ знаній—медицинѣ (М. Левицкаго, Королева), сельскому хозяйству (Чикаленка), пчеловодству (Немоловскаго). Для разработки вопросовъ украинской школы и вообще педагогическихъ былъ основанъ спеціальный журналъ „Світло".

Какъ видно изъ этого неполнаго перечня, учебный матеріалъ имѣется въ изобиліи и, конечно, не за нимъ была остановка, а только за формальнымъ правомъ фактическаго его примѣненія не только въ частномъ, семейномъ обученіи, но и въ школѣ. За отсутствіемъ такого права, сторонники идеи образованія на родномъ языкѣ направили свое вниманіе на внѣшкольное образованіе народа. Въ эту сторону направлена была дѣятельность спеціальныхъ просвѣтительныхъ украинскихъ обществъ—„Просвіт", о дѣятельности которыхъ подробно говорилось выше. Этой же цѣли служила и служитъ обширная народно-просвѣтительная литература на украинскомъ языкѣ. Какъ уже упоминалось, довольно богатая народная литература на украинскомъ языкѣ имѣлась уже въ началѣ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія: въ каталогѣ народныхъ книгъ, какой составленъ былъ петербургскимъ комитетомъ грамотности, украинскія книги указаны были въ такомъ же числѣ, какъ и русскія. Съ тѣхъ поръ постепенно накопился разнообразный по содержанію и весьма цѣнный по своему достоинству матеріалъ для народнаго чтенія. Народныя украинскія книги издавались какъ спеціальными народно-просвѣтительными организаціями (таковы Кіевское и Харьковское Общества Грамотности, Благотворительное О-во изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, кіевская и екатеринославская „Просвіти"), такъ и частными издательствами и лицами („Вік", „Український Учитель", „Час", „Ланъ", „Гурт", „Дністер", Б. Гринченко, Е. Череповскій, И. Сытинъ и др.). Украинская литература, отводящая много мѣста изображенію народной жизни и народныхъ типовъ, представляетъ вообще богатѣйшій матеріалъ для народнаго чтенія и просвѣщенія народ-

ныхъ массъ; цѣнность же популярно-научной литературы достаточно засвидѣтельствована тѣмъ, что нѣкоторыя популярныя изданія, при всемъ предубѣжденномъ отношеніи къ нимъ офиціальныхъ сферъ, получили одобреніе и даже матеріальную помощь со стороны вѣдомствъ народнаго просвѣщенія, а также землеустройства и земледѣлія (напр., сельскохозяйственныя брошюры Е. Чикаленка).

Назрѣла уже потребность введенія украинскихъ преподаваній и въ кругъ средней и высшей школы, и сама практика жизни указываетъ прямые пути къ ея удовлетворенію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сознаніе этой потребности проявлялось не только въ широкихъ кругахъ украинскаго общества, — что выразилось въ многочисленныхъ адресахъ, заявленіяхъ, резолюціяхъ, но и въ нашихъ профессорскихъ корпораціяхъ и даже отчасти въ правительственныхъ кругахъ. Министерство народнаго просвѣщенія въ 1906 г. разрѣшило преподаваніе украинскаго языка и исторіи въ тѣхъ частныхъ гимназіяхъ, которыя пожелали бы ввести эти предметы въ свою программу. Равнымъ образомъ св. Синодъ, по ходатайству епархіальнаго съѣзда подольскаго духовенства, разрѣшилъ преподаваніе тѣхъ же предметовъ въ подольской духовной семинаріи, а также преподаваніе украинскаго языка въ церковно-учительной школѣ (въ Винницѣ) и во всѣхъ второклассныхъ школахъ епархіи. Вскорѣ, однако, подъ вліяніемъ усилившагося общаго реакціоннаго настроенія, положены были внѣшнія преграды для осуществленія предоставленнаго средней школѣ формальнаго права; но принципіальное значеніе указанныхъ разрѣшительныхъ постановленій этимъ не умалялось, такъ какъ они показывали, что препятствія къ правильному разрѣшенію наболѣвшаго вопроса крылись въ соображеніяхъ политическаго, собственно даже внѣшне-полицейскаго, а не педагогическаго свойства. То же нужно сказать и объ исключеніи украиновѣдѣнія изъ курса университетскаго преподаванія; какъ уже упоминалось, въ 1907—8 гг. лекціи по украиновѣдѣнію читались въ харьковскомъ, новороссійскомъ и кіевскомъ университетахъ, на Петербургскихъ Высшихъ женскихъ и Лесгафтовскихъ курсахъ.

Обученіе на родномъ языкѣ украинскаго населенія фактически осуществлено въ Галичинѣ и Буковинѣ, послѣ упорной и продолжительной борьбы, которую пришлось выдержать галицкимъ украинцамъ не только съ нѣмецкимъ правительствомъ, но также съ поляками и румынами, которые, получивъ политическое преобладаніе (первые—въ Галичинѣ, вторые—въ Буковинѣ) стремились денаціонализировать мѣстное украинское населеніе—прежде всего путемъ школы. Въ результатѣ этой борьбы зарубежные украинцы вышли съ крупными завоеваніями. Въ 1911 г. въ Галичинѣ было 2514 правительственныхъ *начальныхъ школъ* съ украинскимъ языкомъ преподаванія и, кромѣ того, въ 1042 школахъ украинскій языкъ былъ обязательнымъ предметомъ образованія. Въ Буковинѣ въ томъ же году украинскихъ народныхъ школъ низшаго типа было 216 и украинскій языкъ изучался въ качествѣ обязательнаго мѣстнаго языка въ 23-хъ; число украинскихъ классовъ въ начальныхъ школахъ высшаго типа составляло 313 (изъ всего числа 696). Что касается *средней школы*, то въ Галичинѣ правительственныхъ гимназій съ украинскимъ языкомъ преподаванія было 5 (въ Львовѣ, Перемышлѣ, Коломыѣ, Тернополѣ, Станиславовѣ) и 4 утраквистическихъ (въ Бережанахъ, Стрыѣ, Рогатинѣ, Яворовѣ)—съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ части предметовъ. Буковина имѣла одну чисто-украинскую гимназію—въ Выжницѣ и двѣ украинсконѣмецкихъ (въ Черновцахъ и въ Кицманѣ).

Осталась незавершенной, но уже близилась къ концу борьба украинскаго общества за *высшую національную школу*. Львовскій университетъ сохранялъ до самаго послѣдняго времени утраквистическій характеръ, несмотря на упорное противодѣйствіе со стороны поляковъ, получившихъ изъ рукъ австрійскаго правительства фактическую власть въ областной, и въ частности, университетской администраціи. Въ зимнемъ семестрѣ 1912 г. во львовскомъ университетѣ читались на украинскомъ языкѣ 16 курсовъ, не считая практическихъ занятій, а именно: на богословскомъ факультетѣ — христіанской педагогики, пастырскаго богословія, догматическаго богословія, методики и семинарій по гоми-

летикѣ; на юридическомъ—уголовнаго права, гражданскаго процесса, исторіи австрійскаго права, исторіи австрійскаго уголовнаго законодательства; на философскомъ факультетѣ—исторіи восточной Европы (періодъ Хмельничины), исторіи Галичины, исторіи украинской литературы до XVIII в., исторіи украинской литературы XIX в., церковно-славянскаго языка и украинской филологіи, географіи и океанографіи, украинскаго языка. Въ Черновецкомъ университетѣ (въ Буковинѣ) учреждены три каѳедры: одна на философскомъ факультетѣ (украинскаго языка и литературы) и двѣ на богословскомъ.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія передъ войною всѣ слои украинскаго населенія Галичины охватило движеніе въ пользу учрежденія отдѣльнаго украинскаго университета. Исторія этого движенія изобилуетъ напряженными и даже трагическими моментами, свидѣтельствующими о томъ, что вопросъ національной школы и, въ частности, высшей имѣетъ для галицкихъ украинцевъ очень серьезное значеніе. Въ ожесточенной борьбѣ за университетъ нѣмецко-польское сопротивленіе было, наконецъ, сломлено. Послѣ особенно упорной обструкціи украинскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ, украинскій парламентскій клубъ получилъ отъ императора письмо, косвенно обѣщавшее исполненіе тѣхъ требованій, изъ-за которыхъ предпринята была обструкція. Окончательное разрѣшеніе университетскаго вопроса въ желательномъ для украинцевъ направленіи было бы лишь вопросомъ времени, и при томъ не особенно отдаленнаго; открытіе его было намѣчено не позже 1918 г.,—съ тѣмъ, чтобы въ промежутокъ, остающійся до этого срока, были предприняты и осуществлены подготовительныя мѣры къ учрежденію украинскаго университета.

Галицкіе украинцы находили эти пріобрѣтенія въ области офиціальной школы недостаточными и не удовлетворялись ими. Національная школа становится лозунгомъ оживленной общественной самодѣятельности, приводящей къ весьма плодотворнымъ результатамъ. Въ 1910 г. возникаетъ частная организація школьнаго дѣла въ краѣ—Областной Школьный Союзъ, поставившая себѣ цѣлью умноженіе украинскихъ

національныхъ школъ и приспособленіе ихъ къ нуждамъ и потребностямъ мѣстнаго населенія. Этотъ Союзъ, состоявшій изъ представителей научныхъ, просвѣтительныхъ, экономичскихъ организацій и частныхъ учебныхъ заведеній, обращался къ обществу въ одномъ изъ своихъ воззваній въ такихъ, между прочимъ, словахъ: „мы начинаемъ понимать, что будущность народа рѣшаютъ большія массы сознательной молодежи, а потому организація родной, національной школы является нашей наиболѣе жгучей потребностью, первымъ и наиважнѣйшимъ пунктомъ нашей народной работы. Знаменательный сдвигъ происходитъ уже на мѣстахъ,—свѣжій, энергичный, глубоко прочувствованный. Прекрасныя начинанія устройства частныхъ школъ уже сдѣланы. Общество наше поняло, что не только мы должны, но и можемъ силѣ противостоять силой, частнымъ польскимъ школамъ противоставить наши частныя школы, сильной организаціи—еще болѣе сильную организацію, пожертвованіямъ—болѣе значительныя пожертвованія, фондамъ—большіе фонды... Только при живомъ участіи всего нашего общества безъ различія положенія, партій и взглядовъ могутъ быть осуществлены тѣ задачи, которыя беретъ на себя Союзъ и которыя являются неустранимою потребностью времени. Родная школа пусть стоитъ всегда передъ нашими глазами, пусть не даетъ намъ ни минуты покоя, пусть занимаетъ первое мѣсто въ нашей работѣ, потому что изъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ она—наиболѣе важное дѣло. Какъ общество откликнулось на этотъ призывъ, видно уже изъ того, что къ 1914 г. Союзъ содержалъ уже 8 гимназій (въ Збаражѣ, Городенкѣ, Копиченцахъ, Рогатинѣ, Чортковѣ, Яворовѣ, بускѣ и Долинѣ), въ томъ числѣ 6 съ правами правительственныхъ школъ; кромѣ того, Союзъ содержалъ двѣ учительскія семинаріи—женскую въ Коломыѣ и мужскую во Львовѣ—и нѣсколько начальныхъ школъ высшаго типа. Школы этого послѣдняго рода содержало и просвѣтительное общество „Просвіта“.

Давней мечтой галицкихъ украинцевъ была организація народнаго университета. Съ 1899 г. дѣйствовали въ отдѣльныхъ пунктахъ курсы, устраиваемые мѣстной интел-

лигенціей (лучше всего дѣло это было поставлено въ Коломыѣ). Въ 1906 учрежденъ планомѣрно организованный народный университетъ — „Товариство українських наукових викладів імени Петра Могили“. Организація эта имѣла 13 отдѣленій и раскинула свою дѣятельность, помимо Львова, на цѣлый рядъ провинціальныхъ городовъ и даже селъ. Параллельно съ обществомъ Петра Могилы устраивало высшіе народные курсы и общество „Просвіта“.

Общественныя учрежденія.

Въ условіяхъ русской жизни общественное единеніе въ національныхъ украинскихъ формахъ вообще осуществлялось не легко. Особенно мало можно отмѣтить такихъ единеній въ теченіе XIX в., въ періодъ роста украинскаго національнаго самосознанія. Если не считать „Кирилло-Меѳодіевскаго братства“, какъ организаціи нелегальной, то проявленія украинской общественной жизни наблюдались только въ рамкахъ общерусскихъ учрежденій научнаго и общественнаго характера. Такимъ учрежденіемъ для украинцевъ былъ, напр., Юго-западный отдѣлъ Русскаго Географическаго общества. Въ концѣ 90-хъ годовъ появилось два украинскихъ общества въ Петроградѣ: „Общество имени Т. Г. Шевченко для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга“, и „Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“. Задачи перваго общества видны изъ его названія, второе же поставило своею цѣлью развитіе популярной украинской литературы и въ этой области продолжаетъ работать до настоящаго времени; временами работало въ сферѣ издательства и „Общество имени Шевченка“. Оживленіе организованной общественной работы на украинской національной почвѣ началось вмѣстѣ съ измѣненіемъ общихъ условій политической жизни Россіи, послѣ 1905 г. Напряженіе національнаго чувства въ украинскомъ обществѣ проявилось въ многочисленности народившихся организацій и большомъ разнообразіи ихъ формъ и содержанія дѣятельности. На первомъ мѣстѣ

стояли учрежденія съ просвѣтительными задачами, подъ общимъ наименованіемъ „Просвіт". Объ ихъ дѣятельности въ крупныхъ и мелкихъ городахъ и селахъ Украины мы уже подробно говорили выше, въ главѣ, посвященной украинскому движенію въ области школы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи нами была также указана и послѣдующая судьба этихъ организацій, въ связи съ наступленіемъ новаго періода политической реакціи.

Не менѣе распространенною формою общественнаго единенія среди украинцевъ были клубы разнаго типа. Въ этой области заслуживаетъ упоминанія „Український політичний клуб", организовавшійся явочнымъ порядкомъ въ 1905 г. въ Петербургѣ и поставившій своею задачею выработку общей политической программы украинства; просуществовалъ этотъ клубъ, однако, весьма недолго. Всѣ другія клубныя организаціи, около которыхъ группировалось украинское общество, культивировали національную идею устройствомъ концертовъ, вечеринокъ, спектаклей, рефератовъ и другихъ общественныхъ развлеченій. Въ 1913 г. на Украинѣ и въ крупныхъ центрахъ, съ значительными колоніями украинцевъ, насчитывалось 10 украинскихъ клубовъ: въ Кіевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Одессѣ, Петроградѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Благовѣщенскѣ и Харбинѣ. Наиболѣе выдѣлялся изъ нихъ широтою и разнообразіемъ дѣятельности кіевскій клубъ „Родина". Кромѣ него, заслуживаютъ вниманія организаціи и кружки съ преобладаніемъ музыкальнаго элемента въ дѣятельности,—каковы украинскія общества „Кобзарь" въ Москвѣ, „Боян" въ Полтавѣ и др.

Единеніе на почвѣ научной работы въ національныхъ украинскихъ формахъ представлено только однимъ кіевскимъ „Українським науковим товариством", свѣдѣнія о которомъ уже приведены выше, въ главѣ о научной литературѣ. Дополненіемъ къ нему являются спеціальныя украинскія секціи въ общерусскихъ организаціяхъ, разрабатывающихъ вопросы науки и культуры, каково, напр., „Общество славянской культуры" въ Москвѣ.

Крупное развитіе получила организованная общественная работа въ области книжнаго издательства на украин-

скомъ языкѣ. На этомъ поприщѣ большая культурная заслуга принадлежитъ кіевскому издательству „Вік", выпустившему на рынокъ рядъ цѣнныхъ произведеній украинской беллетристики и большое количество популярныхъ брошюръ. Далѣе, выдѣляется своими изданіями кіевская фирма „Український учитель", посвятившая свою дѣятельность школьной и педагогической литературѣ; издательство „Дзвін" работало преимущественно въ области соціальной литературы; спеціальныя задачи по обслуживанію кооперативнаго движенія ставило себѣ издательство „Наша Кооперація"; заслуживаютъ упоминанія кіевскія же издательства „Ранок" „Криниця", „День"; немало имѣется издательскихъ организацій и въ другихъ городахъ Украины. Послѣ революціи 1917 г. число украинскихъ издательствъ выросло чрезвычайно.

Область экономической жизни также не осталась безъ вліянія украинской національной идеи. Постепенно возникаютъ правильно организованныя коммерческія товарищества на паяхъ, съ украинской національной окраской. Такова кіевская фирма „Крамниця Час", широко поставившая торговлю украинскою литературой и издѣліями украинскихъ кустарей. Для посреднической дѣятельности въ области сельскаго хозяйства организовалось товарищество „Добробут". Нельзя не упомянуть также и о многочисленныхъ кооперативахъ, развившихся за послѣдніе годы въ средѣ украинскаго крестьянства; не нося національной окраски по внѣшности, они все же могутъ считаться украинскими предпріятіями, такъ какъ сельская интеллигенція, входящая въ ихъ составъ, въ значительной своей части проникнута національными симпатіями и настроеніями. Наконецъ, характеръ профессіональныхъ единеній на національной почвѣ имѣютъ такія товарищества спеціалистовъ, какъ „Український агроном", „Український техник".

Несомнѣнно, при иныхъ условіяхъ общественной работы, объединительная сила національной украинской идеи проявилась бы въ большемъ обиліи и разнообразіи учрежденій съ національными задачами и формами дѣятельности, но въ конечномъ итогѣ полезныхъ и въ общегосударственномъ

смыслѣ. Такъ, тѣ же украинскіе клубы проявили себя въ тяжелое для Россіи время организацией лазаретовъ и другими способами помощи раненымъ и пострадавшимъ отъ войны,—но эта помощь, конечно, не выразилась бы въ такихъ слабыхъ размѣрахъ, если бы сами украинскіе клубы и другія общественныя организаціи, уцѣлѣвшія отъ воздѣйствія административныхъ мѣропріятій, не чувствовали себя подъ Дамокловымъ мечомъ, ежеминутно угрожающимъ прекратить ихъ существованіе.

Въ другихъ условіяхъ находилась національная украинская жизнь и общественная дѣятельность въ Галичинѣ, и результаты ея поэтому тамъ были гораздо болѣе ярки и плодотворны. Благодаря свободѣ публичнаго употребленія украинскаго языка—въ школѣ, въ судебныхъ учрежденіяхъ, въ церкви, въ собраніяхъ—всѣ общія учрежденія Галичины въ извѣстной мѣрѣ пріобрѣли украинскую окраску, и это, въ свою очередь, было крупнымъ факторомъ, способствовавшимъ подъему мѣстной національной культуры и усиливавшимъ роль украинскаго элемента въ мѣстной политической и общественной жизни.

Изъ чисто національныхъ учрежденій Галичины на первомъ мѣстѣ отмѣтимъ львовское „Наукове товариство імени Шевченка“, подробныя свѣдѣнія о которомъ помѣщены въ главѣ о научной литературѣ. Рядомъ съ нимъ по своему значенію въ общемъ итогѣ культурной работы галицкихъ украинцевъ стоитъ львовская „Просвіта“ со своими многочисленными отдѣленіями, библіотеками, читальнями, кассами и т. п. О ея дѣятельности могутъ дать приблизительное представленіе слѣдующія цифры: членовъ общества въ 1912 г. было 35.000, отдѣленій 74, читаленъ 2.611; популярныхъ брошюръ издано 450, въ количествѣ свыше 3 милл. экземпляровъ; при читальняхъ учреждено 540 потребительныхъ лавокъ, 339 кредитныхъ кассъ, 121 зернохранилище; кромѣ того, „Просвіта“ выпустила рядъ цѣнныхъ изданій по украинской литературѣ, устраивала сценическіе кружки, хоры, оркестры, концерты, спектакли, рефераты, лекціи, курсы и пр. Въ экономической области „Просвітою“ организована работа разъѣздныхъ инструкторовъ-агрономовъ, устроены опытныя

поля при крестьянскихъ хозяйствахъ, заведены молочные кооперативы, посредническія операціи и другіе виды агрономической помощи населенію, основано нѣсколько спеціальныхъ школъ. Вообще экономическая жизнь привлекла къ себѣ пристальное вниманіе галицкой украинской интеллигенціи, которая значительную долю своей энергіи направила именно въ эту сторону. Экономическія организаціи разнаго типа въ послѣднее время играли видную роль въ народной жизни русинъ и обѣщали въ будущемъ значительный подъемъ экономическаго уровня галицкаго крестьянства. Мы перечислимъ лишь главнѣйшія изъ этихъ организацій, преимущественно кооперативнаго характера. Такъ, спеціальныя задачи агрономической помощи имѣетъ въ виду кооперативный союзъ подъ фирмою „Сільський Господарь", съ сотнею отдѣленій, 1151 кружкомъ въ селахъ, 30,000 членовъ. Посредническими операціями для потребностей сельскаго хозяйства занимается „Союз господарсько-торговельних спілок", съ общимъ оборотомъ до 2 милл. кронъ. Молочные кооперативы Галичины объединены въ „Союз молочарський", съ оборотомъ свыше 1 милл. кронъ. Въ средѣ торгово-потребительной коопераціи выдѣляются: „Союзний базар" во Львовѣ и „Народній базар" въ Перемышлѣ. Центромъ торговой коопераціи является крупное общество „Народна торговля", съ оборотомъ около 2½ милл. кронъ. Производительная кооперація представлена товариществами „Труд", „Достава", „Народна гостиниця" во Львовѣ, „Жіночий Труд" въ Перемышлѣ.

Еще болѣе значительное развитіе въ Галичинѣ получили кредитные кооперативы. Крупнѣйшею кредитною коопераціею является львовское общество взаимнаго кредита „Дністер", за нимъ слѣдуетъ такое же общество „Віра" въ Перемышлѣ. Для контроля надъ работою кредитныхъ кооперативовъ существуетъ „Краєвий союз ревізійний", а для ихъ финансированія—„Краєвий союз кредитовий", оба во Львовѣ. Для операцій съ ипотечнымъ кредитомъ служитъ „Земельний банк гипотечний" во Львовѣ и „Українська Щадниця" въ Перемышлѣ.

Въ общей сложности, галицкими украинцами создано

около 7000 различныхъ общественныхъ организацій, преимущественно кооперативнаго типа, объединяющихъ не менѣе 500.000 лицъ, главнымъ образомъ крестьянъ. Эти цифры говорятъ о крупномъ ростѣ и большомъ общественномъ значеніи кооперативнаго движенія въ Галичинѣ.

Профессіональныя организаціи больше всего распространены въ школьно-педагогическихъ кругахъ Галичины. Таковы многочисленныя (около 60) „бурсы", т.-е. интернаты для школьниковъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ „Руська бурса реміснича і промислова" во Львовѣ. Далѣе, отмѣтимъ „Руське товариство педагогичне" и „Руслан" во Львовѣ, изъ которыхъ первое содержитъ нѣсколько школъ и интернатовъ, издаетъ спеціальные журналы. Профессіональное единеніе въ рабочей средѣ представлено львовскимъ обществомъ „Товариство руських ремісників—Зоря" во Львовѣ и многочисленными рабочими союзами подъ именемъ „Воля". Развитіе національнаго искусства ставятъ своею задачею пѣвческія и музыкальныя общества, объединенныя въ одинъ общій союзъ, на средства котораго въ Львовѣ содержится частная консерваторія.

Изъ организацій клубнаго характера отмѣтимъ рядъ обществъ подъ фирмою „Руська бесіда", изъ которыхъ особенною популярностью пользуется львовская. Имѣются спеціальные клубы и кружки для женщинъ: „Клюб русинок", „Кружок українських дівчат" во Львовѣ.

Область народнаго здравія культивируетъ общество „Народна Лічниця" во Львовѣ, содержащая превосходно оборудованную лечебницу.

Объединеніе учащейся молодежи достигается спеціальными организаціями, старѣйшею изъ которыхъ являются „Академична громада" при львовскомъ университетѣ, „Основа"—при львовскомъ политехникумѣ и „Січ"—для объединенія молодежи обоего пола.

Отмѣтимъ, наконецъ, многочисленныя спортивныя организаціи, самою обширной изъ которыхъ является общество „Сокіл" во Львовѣ, организованное по типу чешскихъ и польскихъ сокольскихъ обществъ; тѣми же задачами—воспитанія физическихъ и моральныхъ силъ населенія—заняты

„Січи“,—общества, близкія „Соколамъ“ и мало отъ нихъ отличающіяся по организаціи.

Въ томъ же направленіи и съ такою же интенсивностью развивалась общественная жизнь буковинскихъ украинцевъ. Здѣсь также имѣется своя „Просвіта“,—носящая фирму „Руська Бесіда“ (въ Черновцахъ), есть „Народний дом“, сосредоточивающій нѣсколько культурныхъ учрежденій — читальню, типографію, театральный залъ и др. Изъ экономическихъ организацій отмѣтимъ „Буковинську торговлю“, играющую крупную роль въ кооперативномъ движеніи; ссудо-сберегательное товарищество („Руска каса для ощадности і позичок“); мелкія сельскія сберегательныя кассы, объединенныя въ союзъ. Профессіональный характеръ имѣютъ общества „Поміч“ (для поддержки ремесленниковъ), „Українська школа“. Имѣются, наконецъ, свои артистическія общества („Буковинський Боян“), спортивныя („Січи“) и рядъ обществъ клубнаго характера и иныхъ типовъ.

Театръ.

Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ пріобрѣтеній національной культуры и вмѣстѣ наиболѣе жизненнымъ средствомъ самовыраженія націи обычно является театръ. Этотъ культурный факторъ имѣетъ за собою на Украинѣ весьма почтенную давность: украинскій театръ исторически началъ существовать даже раньше русскаго и былъ прямымъ родоначальникомъ этого послѣдняго. Онъ вышелъ изъ религіозной драмы, получившей начало еще въ первой половинѣ XVII в., и вполнѣ народную окраску принялъ въ тѣхъ интермедіяхъ и интерлюдіяхъ, гдѣ получили право гражданства и народный языкъ, и народные типы (запорожецъ, священникъ, панъ, еврей), и даже живые интересы современности. Эта послѣдняя сторона была причиной преслѣдованія вертепныхъ драмъ со стороны администраціи, такъ какъ злободневныя разсужденія драматическихъ персонажей наводили слушателей на нѣкоторыя мысли, не совпадавшія съ видами правительства. Тѣмъ не менѣе народная драма держалась еще въ первой половинѣ XIX вѣка, возбуждая

интересъ не только въ народныхъ, но и въ интеллигентныхъ украинскихъ кругахъ.

Въ началѣ XIX в. украинскій театръ переживаетъ эпоху національнаго возрожденія. Отецъ новой украинской литературы И. П. Котляревскій былъ родоначальникомъ и художественной украинской драмы; ему принадлежатъ „Наталка-Полтавка" и „Москаль-Чарівник", — двѣ пьесы, которыя не сходятъ со сцены въ теченіе ста лѣтъ, тогда какъ ровесницы ихъ—русскія пьесы, носившія на себѣ не въ меньшей мѣрѣ печать талантливости, давнымъ давно сошли со сцены, сдѣлавшись достояніемъ лишь исторіи литературы. Причина этого—глубоко національный характеръ названныхъ украинскихъ пьесъ, дающихъ типическія черты характера и духовнаго склада народа и тѣмъ обезпечивающія себѣ живучесть и неувядаемость.

Очень выразительна и дальнѣйшая исторія украинскаго театра, свидѣтельствующая о томъ, что онъ—глубоко естественное явленіе, вызванное не искусственными мѣрами, а потребностями самой жизни. Украинскій театръ не только не зналъ того ухода и искусственнаго взращиванія, какое является необходимымъ условіемъ развитія всякаго драматическаго искусства, не только не имѣлъ никакой внѣшней поддержки и никакой школы, кромѣ практической, но существовалъ и развивался вопреки спеціально и постоянно создававшимся для него препятствіямъ.

Въ первой половинѣ XIX в. украинскіе спектакли ставятся или исключительно труппами меценатовъ-любителей (Трощинскаго, Репнина, Ширяя), или входятъ въ составъ репертуара гастролирующихъ русскихъ и польскихъ труппъ, при чемъ среди исполнителей украинскихъ ролей особенно выдѣлялись Щепкинъ, Соленикъ, Рыкановскій. Украинскій репертуаръ въ это время былъ довольно ограниченъ и состоялъ, главнымъ образомъ, изъ пьесъ Котляревскаго, Квитки, Гоголя-отца, Кухаренка, Костомарова, Стороженка, Шевченка.

Но уже и въ этомъ скромномъ видѣ украинскій театръ вызвалъ подозрительность со стороны администрацій—мѣстной и центральной, а особенно съ начала 60-хъ гг. Такъ, отказъ въ разрѣшеніи поставить „Наталку-Полтавку" въ

Полтавѣ мотивируется низкими цѣнами на мѣста, и на жалобу организатора спектакля министръ внутреннихъ дѣлъ поручаетъ губернатору убѣдить участниковъ спектакля отказаться отъ этого несвоевременнаго предпріятія на томъ основаніи, что народныхъ спектаклей нѣтъ еще и въ Англіи. Но потребность въ украинскомъ театрѣ была слишкомъ жизненна и, гдѣ только мѣстная администрація не примѣняла къ нему столь суровыхъ мѣропріятій, тамъ онъ возникаетъ классически просто и естественно. Гдѣ-нибудь въ Александріи, Елисаветградѣ, Херсонѣ устраиваются любительскіе спектакли, увлекающіе исполнителей изъ мѣстной интеллигенціи. Не хватаетъ у нихъ репертуара—нѣкоторые изъ тѣхъ же исполнителей пополняютъ его собственными силами. Такъ, какъ будто случайно, но на самомъ дѣлѣ глубоко естественно, открываются такія первоклассныя силы украинскаго театра, получившія впослѣдствіи всероссійскую извѣстность, какъ Кропивницкій, Заньковецкая, три брата Тобилевичи — Карпенко-Карый, Садовскій и Саксаганскій,— Затыркевичъ-Карпинская, Максимовичъ и др. Въ началѣ 70-хъ гг. въ Кіевѣ образовался частный драматическій кружокъ, при участіи извѣстныхъ впослѣдствіи драматурга М. П. Старицкаго и композитора Н. В. Лисенко, значительно обогатившихъ украинскій репертуаръ драматическими и музыкальными произведеніями (такъ, въ это время написаны были опера „Різдвяна ніч" и оперетта „Чорноморці"). Но затѣмъ запретительные циркуляры 1876 г. вызвали антрактъ въ исторіи украинскаго театра до 1881 г. „На сезонъ 1881 г.,— пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ветеранъ украинской сцены Кропивницкій,—поступилъ я въ труппу Ашкаренка, въ Кременчугѣ. Отсутствіе сборовъ вынудило насъ ходатайствовать предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликовымъ о разрѣшеніи сыграть хотя нѣсколько украинскихъ пьесъ, чтобы спастись отъ неминуемой голодовки. Графъ внялъ просьбѣ, и въ томъ самомъ декабрѣ, въ которомъ не далѣе, какъ 6-го числа, въ годовой праздникъ русская пьеса дала намъ сборъ около 50 рублей, почти столѣтняя старушка „Наталка-Полтавка", въ среднихъ числахъ декабря, въ предпраздничное время, дала переполнен-

ный театръ". Всего два года затѣмъ украинскій театръ пользовался относительною свободой, и въ это время онъ получилъ хорошую школу и прочную организацію въ труппѣ, составленной подъ руководствомъ М. П. Старицкаго изъ тогдашнихъ корифеевъ украинской сцены. Труппа пользовалась громаднымъ успѣхомъ, пока въ 1883 г. на украинскій театръ не посыпались новые удары: украинскіе спектакли запрещены были въ предѣлахъ юго-западнаго генералъ-губернаторства, въ составъ котораго входили губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Полтавская и Черниговская, т. е. большая часть Украины; кромѣ украинскихъ пьесъ, антрепренеры обязывались ставить и русскія и притомъ съ такимъ же числомъ актовъ, и т. п. Съ такимъ перемѣннымъ счастьемъ временныхъ послабленій, смѣняемыхъ усиленіемъ репрессій, украинскій театръ существовалъ до послѣдняго времени, при чемъ никогда онъ не пользовался и теперь фактически не пользуется правами русскаго театра: традиція стѣсненій по отношенію къ нему оставалась неизмѣнной, давая себя особенно больно чувствовать въ драматической цензурѣ, запрещавшей на украинскомъ языкѣ то, что свободно разрѣшалось на русскомъ.

Несмотря на всѣ эти стѣсненія, украинскій театръ продолжалъ нести свою культурную миссію и развивался даже въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ настоящее время, кромѣ мелкихъ украинскихъ труппъ, которыхъ насчитывается около 40, есть нѣсколько труппъ поставленныхъ очень серьезно. Среди нихъ выдѣляется труппа заслуженнаго дѣятеля украинской сцены Н. К. Садовскаго, являющаяся истинной школой національнаго драматическаго искуства и разсадникомъ молодыхъ драматическихъ силъ. Въ послѣдніе годы возникла и спеціальная украинская театральная школа, учрежденная Н. В. Лисенкомъ.

Все болѣе прогрессируетъ и драматическая литература. Начавъ съ примитивнаго изображенія любовныхъ и бытовыхъ сюжетовъ, драматическіе писатели постепенно внесли въ свои произведенія широкую жизненную струю, различныя стороны общественныхъ отношеній, разнообразныя движенія человѣческой психики, сложныя переживанія совре-

менной культурной и общественной жизни. Украинскіе классики драматической литературы—М. Старицкій („Не судилось“, „В темряві“), М. Кропивницкій („Глитай“, „Поки сонце зійде“, „Дві сімьї“), И. Тобилевичъ („Бурлака“, „Хазяїн“, „Суета“, „Житейське море“) дали украинскому національному театру богатый и содержательный репертуаръ и отвоевали ему права гражданства передъ художественной критикой. Продолжателями ихъ дѣла явились: П. Мирный, Б. Гринченко, В. Самійленко, В. Винниченко, Л. Украинка, Л. Старицкая-Черняховская, Л. Яновская, О. Олесь, С. Черкасенко, Л. Пахаревскій, С. Васильченко и другіе.

Начало театра въ Галичинѣ относится къ первой половинѣ минувшаго столѣтія. Въ 30-е годы устраивались любительскіе спектакли въ духовной семинаріи по инициативѣ семинарскаго ректора Яхимовича; между прочимъ, большимъ успѣхомъ пользовалась постановка этнографической картины—украинской свадьбы съ пѣснями и обрядами. Участники этихъ представленій, по выходѣ изъ семинаріи, и явились піонерами театральнаго дѣла, устраивая любительскіе спектакли, на которыхъ исполнялись пьесы украинскихъ авторовъ изъ Россіи (Котляревскаго, Квитки и др.). Особенный успѣхъ имѣла любительская труппа въ Коломыѣ, организованная священникомъ Озаркевичемъ. Въ 1862 г. учреждено въ Львовѣ общество „Руська Бесіда“, поставившее себѣ цѣлью между прочимъ и развитіе національнаго театра, а въ мартѣ 1864 г. начала функціонировать первая профессіональная украинская труппа въ Галичинѣ. Съ тѣхъ поръ украинскій театръ здѣсь постепенно становится на ноги. Не малую роль въ его развитіи сыграли корифеи украинской сцены изъ Россіи—Кропивницкій, Садовскій, Заньковецкая, совершавшіе артистическія поѣздки по Галичинѣ и своей образцовой игрой, а также практическими указаніями много содѣйствовавшіе здѣсь возвышенію уровня сценическаго искусства. Въ последнее время украинскій театръ въ Галичинѣ представлялъ серьезную культурную силу, и галицкое общество горячо стремилось упрочить его постройкой національнаго театра во Львовѣ (на эту цѣль собрано около 750 тыс. кронъ). Галицкая

сцена обслуживается, кромѣ классическихъ европейскихъ пьесъ, главнымъ образомъ, общеукраинскимъ репертуаромъ; но имѣется также и свой, мѣстный репертуаръ, отвѣчающій мѣстнымъ условіямъ и злобамъ мѣстной жизни; изъ Галицкихъ драматическихъ писателей прежняго времени можно указать на Якимовича, Мора, И. Воробкевича, К. Устіановича, Заревича, Федьковича, Огоновскаго, О. Левицкаго и изъ современныхъ на Франка, Лопатинскаго, Цеглинскаго, Бажанскаго, Ярычевскаго, Бобыкевича, Крушельницкаго, Пачовскаго.

Наиболѣе виднымъ дѣятелемъ украинскаго театра въ Галичинѣ является I. Стадникъ. Труппа его состоитъ изъ 60 артистовъ, и въ средѣ ея имѣются талантливыя сценическія силы (г-жи Осиповичъ, Рубчакъ, Стадникъ, Лопатинская, гг. Юрчакъ, Шевченко, Островскій и др.).

Въ Буковинѣ дѣйствуетъ театральное предпріятіе „Буковинський народний театр“ (руководитель—И. Захарко) и, кромѣ того, болѣе или менѣе регулярно ставятъ спектакли студенческія общества „Січ“ и „Союзъ“, а также общество „Міщанський хор“.

Характерная особенность украинскаго театра въ Галичинѣ и Буковинѣ—та, что онъ не прикрѣпленъ къ городскимъ центрамъ, а въ одинаковой мѣрѣ посѣщаетъ мѣстечки и значительные деревенскіе поселки. Галицкій театръ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ тому общему принципу демократизаціи, какимъ проникнута дѣятельность всѣхъ національныхъ силъ въ Галичинѣ.

Въ Галичинѣ свободно ставились пьесы, неразрѣшенныя русской цензурой, но за то здѣсь чувствовалось большое стѣсненіе въ другомъ отношеніи: польская администрація края очень придирчива къ пьесамъ историческаго характера, въ которыхъ воспроизводятся былыя польско-украинскія отношенія, обращающія мысль къ современнымъ обостреннымъ отношеніямъ.

Музыка.

Украинское искусство въ музыкальной области имѣетъ въ народной пѣснѣ такую же богатую почву для своего развитія, какъ украинская литература—въ народной поэзіи. Музыкальныя достоинства украинской пѣсни достаточно извѣстны. Народная пѣсня малоруссовъ, какъ опредѣляетъ ее С. Миропольскій въ своемъ изслѣдованіи „О музыкальномъ образованіи народа",—представляетъ нѣжныя и задушевныя мелодіи, проникающія все существо наше. Онѣ блещутъ красками теплаго очаровательнаго юга, онѣ всѣ дышатъ нѣгой и роскошной прелестью благодатной страны, гдѣ человѣкъ обвѣянъ чарами природы. Съ другой стороны, это героическая эпопея о минувшихъ дѣлахъ, гдѣ сказываются идеалы народа; это его поэтическая исторія, живая, яркая, исполненная красоты, истины и силы. Еще выразительнѣе опредѣляетъ украинскую пѣсню Н. В. Гоголь въ своей статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ". „Пѣсня для Малороссіи,—говоритъ онъ,—все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила... Трудно опредѣлить ея характеръ однимъ словомъ: она необыкновенно разнообразна. Во многихъ пѣсняхъ она легка, граціозна, едва только касается земли, и кажется, шалитъ, рѣзвится звуками. Иногда звуки ея принимаютъ мужественную физіогномію; становятся сильны, могучи, крѣпки; стопы тяжело ударяютъ въ землю, и, кажется, какъ-будто подъ нихъ можно плясать только одного гопака. Иногда же звуки ея становятся чрезвычайно вольны, широки; взмахи гигантскіе, силящіеся обхватить пространство, вслушиваясь въ которые танцующій чувствуетъ себя исполиномъ: душа его и все существо раздвигается, расширяется до безпредѣльности... Что же касается музыки грусти, то она нигдѣ не слышна такъ, какъ у нихъ; звуки ея живутъ, жгутъ, раздираютъ души... По нимъ, по этимъ звукамъ, можно догадаться о ея минувшихъ страданіяхъ, такъ точно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по брилліантовымъ слезамъ, унизывающимъ снизу до вершины освѣженныя деревья"...

Музыкальныя записи украинскихъ пѣсенъ начались еще въ концѣ XVII вѣка, къ каковому времени акад. В. Перетцъ относитъ хранящійся въ Имп. Публ. Библіотекѣ въ Петроградѣ рукописный сборникъ Рудницкаго и Гинтовта. Въ „Собраніи Народныхъ Русскихъ Пѣсенъ“ Ивана Прача (Пет., 1790 года), находимъ отдѣлъ украинскихъ пѣсенъ съ мелодіями. Въ 1833 году во Львовѣ появился сборникъ мелодій польскаго и украинскаго населенія Галиціи, составленный знаменитымъ въ свое время скрипачомъ-виртузомъ К. Липинскимъ, а въ слѣдующемъ, 1834 году, М. Максимовичемъ въ Москвѣ былъ изданъ первый сборникъ, посвященный спеціально украинскимъ народнымъ мелодіямъ,—съ фортепіаннымъ аккомпаниментомъ, написаннымъ извѣстнымъ русскимъ композиторомъ Алябьевымъ. Впрочемъ почти всѣ мелодіи, содержащіяся въ названныхъ сборникахъ, а равно въ пользующихся громадною популярностью сборникахъ Едлички (1861) и Коципинскаго (1862 г.), принадлежатъ къ эпохѣ сильнаго вліянія итальянской и нѣмецкой искусственной музыки и, притомъ, представляютъ собою далеко не лучшіе образцы въ этомъ родѣ; формы той же музыки всецѣло господствуютъ и въ убогой гармонизаціи Прача и названныхъ вслѣдъ за нимъ авторовъ. Пониманіе оригинальныхъ красотъ мелодическаго и ритмическаго уклада украинской народной пѣсни развивалось медленно и постепенно. Въ 1857 году одновременно появились два сборника, обнаруживающихъ больше вкуса у собирателей—Андрея Марковича (въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша) и Галагана. Во второмъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ первый опытъ записи оригинальнѣйшей формы произведеній украинскаго музыкальнаго генія—думъ (въ узкомъ, принятомъ въ наукѣ, значеніи этого термина). Шестидесятые годы дали отличные сборники Балиной, О. Гулакъ-Артемовскаго и Марка Вовчка. Въ послѣднемъ изъ нихъ фортепіанныя сопровожденія написаны извѣстнымъ піанистомъ и композиторомъ Эдуардомъ Мертке (проф. Кельнской консерваторіи). Въ 1869 году появился первый сборникъ Н. В. Лисенко, продолжительная и плодотворная дѣятельность котораго составляетъ эпоху въ дѣлѣ изслѣдованія украинской народной музыки. Оставленные

Лисенкомъ сборники пѣсенъ для сольнаго пѣнія съ сопровожденіемъ фортепіано и для хорового пѣнія составляютъ неоцѣнимое сокровище по прекрасному выбору и художественной обработкѣ. Въ его записи имѣются 7 сборниковъ народныхъ пѣсенъ по 40 №№ въ каждомъ, 12 хоровыхъ сборниковъ по 10 №№ въ каждомъ, сборникъ игръ „Молодощі", два сборника обрядовыхъ пѣсенъ „Перший Вінок" и „Другий Вінок", „Веснянки", „Колядки і Щедрівки", „Купальска справа", „Весілля".

Интересную, но не столь выдержанную въ національномъ стилѣ гармонизацію находимъ также въ сборникахъ проф. Петроградской консерваторіи Рубца и, въ особенности, П. Сокальскаго (посмертное изд. Бесселя, 1903 г., къ сожалѣнію, весьма мало извѣстное). Изслѣдованіе народной мелодіи непрерывно расширяется и углубляется, и въ послѣднее время наиболѣе выдающимися дѣятелями въ этой области явились Конощенко, обнаружившій тонкое пониманіе строенія украинской народной мелодіи, и галичане Иванъ Колесса (замѣчательное собраніе пѣсенъ с. Ходовичъ), С. Людкевичъ (болѣе 1500 галицкихъ мелодій въ старательныхъ записяхъ, научно классифицированныхъ по ритмическимъ схемамъ) и Филаретъ Колесса. Послѣдній далъ намъ „Гаївки" (родъ обрядовыхъ весеннихъ пѣсенъ) и двухтомное изданіе мелодій кобзарскихъ думъ, для изслѣдованія которыхъ онъ совершилъ экскурсію въ Полтавскую губ. Записи этого рода произведеній представляютъ необыкновенныя трудности, предолѣніе которыхъ слѣдуетъ поставить Ф. Колессѣ въ особую заслугу. Сборники И. Колессы, Людкевича и Ф. Коллесы изданы Научнымъ Обществомъ имени Шевченка во Львовѣ.—Ф. Колесса является также авторомъ серьезнаго трактата „Рітмика українських народних пісень" (Львовъ, 1907 г.).

Такимъ образомъ съ 50-хъ годовъ XIX столѣтія дѣло собиранія и изученія памятниковъ украинскаго музыкальнаго творчества перешло въ руки самихъ украинцевъ, которые и дали, какъ вполнѣ естественно, наиболѣе старательные и вдумчивые труды въ этой области. Однако и послѣ этого украинская пѣсня привлекала къ себѣ вниманіе ино-

племенныхъ изслѣдователей, которымъ украинскій народъ обязанъ благодарностью за сохраненіе части своихъ памятниковъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть о необыкновенно трудолюбивомъ польскомъ этнографѣ Оскарѣ Кольбергѣ, четвертую часть литературнаго наслѣдства котораго составляютъ матеріалы, собранные въ украинскихъ областяхъ: Pokucie въ 4 томахъ, Chełmskie въ 2 томахъ, Wołyń i Pieśni ludu z Podola rosyjskiego; всѣ эти собранія изданы въ Краковѣ (послѣднее—въ Zbiór wiadomosci do antropologji krajowey, wyd. Akademii Umiejętnosci) и содержатъ громадное количество мелодій. Слѣдуетъ отмѣтить также немногочисленныя (18) напечатанныя записи Линевой (урожденной Паприцъ), которая, какъ и Людкевичъ и Ф. Колесса, пользовалась фонографомъ и дала научно-точный матеріалъ для ознакомленія съ народной полифоніей лѣвобережной Украины (въ I томѣ трудовъ музыкально-этнографической комиссіи Московскаго о-ва любителей естествознанія, географіи и антропологіи).

Пѣсеннымъ творчествомъ не исчерпывается проявленіе музыкальности украинскаго народа; эта національная его черта выразилась въ высокомъ значеніи, которое пріобрѣла на Украинѣ церковная музыка,—сперва въ формѣ культивированія церковныхъ хоровъ, а затѣмъ и въ развитіи спеціальной композиціи. Въ развитіи церковнаго пѣнія Украина всегда шла впереди Великороссіи и служила для нея источникомъ усовершенствованія и готовой школой. По свидѣтельству Іоакимовской лѣтописи еще Владиміръ Святой послѣ своего крещенія въ Корсунѣ привелъ съ собою въ Кіевъ церковныхъ пѣвцовъ, присланныхъ ему царемъ и патріархомъ изъ Константинополя, и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, по словамъ ученаго пѣвца XVII вѣка Мезенца, „сіе пѣніе нѣкіими люборачители перенесеся до великаго Новагорода". Первое духовно-музыкальное сочиненіе—стихира св. кн. Борису и Глѣбу—было составлено пѣснотворцами-кіевлянами въ 1072 году. Есть свидѣтельства о томъ, что на Украинѣ во второй половинѣ XVI вѣка велось обученіе пѣнію въ школахъ при церквахъ и монастыряхъ, а въ XVII вѣкѣ каждое православное братство имѣло свою шко-

лу и свой пѣвческій хоръ. „Прирожденная пѣвучесть и музыкальность южно-русскаго народа, красота и изящество старинныхъ мелодій, преемственно издревле сохранившихся, не подвергавшихся искаженію и порчѣ ни въ музыкѣ, ни въ текстѣ, усиленныя заботы братствъ, легкость и доступность нотно-линейной системы,—всѣ эти условія въ своей совокупности создали то, что церковное пѣніе въ юго-западномъ краѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣка достигло цвѣтущаго состоянія, такъ что возбуждало удивленіе и вполнѣ заслуженныя похвалы даже иностранцевъ"—говоритъ проф. Металловъ въ „Очеркѣ исторіи православнаго церковнаго пѣнія", имѣя въ виду восторженный отзывъ Гербинія о пѣніи въ Кіевѣ.—Линейная нотація была усвоена на Украинѣ еще въ началѣ XVII вѣка и отсюда, подъ названіемъ „кіевскаго знамени", распространилась по Великой Руси, благодаря усиліямъ патріарха Никона. Первый нотнолинейный ирмологъ, напечатанный во Львовѣ въ 1700 году, послужилъ примѣромъ для ирмолога, изданнаго въ Москвѣ лишь въ 1772 году. Многоголосное пѣніе также ранѣе развилось на Украинѣ. Въ библіотекѣ луцкаго братства уже въ 1627 году хранились партесныя ноты „*старыя*"—5, 6 и 8-голосныя, и лишь въ 1652 году были вызваны въ Москву по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича изъ Кіева пѣвчіе для установленія партеснаго пѣнія. Съ теоріей музыки великоруссы познакомились по объемистой книгѣ кіевлянина Дилецкаго „Грамматика пѣнія мусикійскаго". Лучшими духовными композиторами Россіи въ XVIII вѣкѣ были кіевлянинъ Ведель и уроженецъ города Глухова, Черниговской губерніи, воспитанникъ Кіевской духовной академіи Березовскій; украинцемъ же былъ знаменитѣйшій духовный композиторъ Бортнянскій (1752—1825), и украинцу-протоіерею Д. Разумовскому принадлежитъ капитальный историко-теоретическій трудъ „Церковное пѣніе въ Россіи"—„наиболѣе полный и добросовѣстный трудъ, составляющій фундаментъ всякаго послѣдующаго изслѣдованія и изученія этой области" (Металловъ).

Итакъ, въ тѣ вѣка, когда во всей восточной Европѣ музыка существовала лишь въ видѣ народной и церковной

Украина занимала почетное мѣсто среди сосѣдей. Развитіе искусственной свѣтской музыки въ восточной Европѣ началось, собственно говоря, лишь въ XIX вѣкѣ, когда Украина была окончательно низведена на положеніе ассимилированной и заброшенной провинціи, и въ области искусства, какъ и въ умственной жизни, доминировали всероссійскіе центры—Петербургъ и Москва. Неудивительно поэтому, что при измѣнившихся условіяхъ Украина не могла въ развитіи новой искусственной музыки достичь степени, соотвѣтствующей музыкальнымъ дарованіямъ народа. Но и въ это время появляется украинскій композиторъ, который, оставшись вѣрнымъ своей родинѣ, посвятилъ свои силы культивированію національной музыки. Это—упомянутый выше Николай Лисенко (1842—1912), заслужившій имя „Кобзаря Украины" въ сферѣ музыки, подобно тому, какъ Шевченко называется кобзаремъ въ области слова. Лисенко въ значительной части своихъ произведеній (напр., фортепіанныя Suite in G, Chanson populaire ukraïnienne, composée en forme d'une gavotte) пользовался народными мелодіями, въ другихъ (напр. рапсодіи, дума „У неділю вранці рано") даетъ высокіе образцы свободнаго творчества въ народномъ духѣ, въ третьихъ обнаруживаетъ яркую индивидуальность, вмѣстѣ съ тѣмъ органически сливающуюся съ столь хорошо изученнымъ имъ украинскимъ народнымъ творчествомъ (многочисленныя вокальныя произведенія на слова Шевченка), въ четвертыхъ даетъ превосходные образцы иноземныхъ стилей (напр., рядъ романсовъ на слова Гейне, Capriccio для скрипки). Фортепіанныя произведенія его отличаются разнообразіемъ и изяществомъ (соната, полонезы, Chants sans paroles, Barcarolle, Fragment épique и т. д.). Онъ создалъ рядъ превосходныхъ романсовъ на слова Франка, Леси Украинки, Олеся и другихъ украинскихъ поэтовъ. Часть этихъ романсовъ остается, къ сожалѣнію, неизданной, какъ равно замѣчательный духовный квартетъ и оркестровая Шумка-Думка. Изъ нынѣ живущихъ украинскихъ композиторовъ укажемъ, какъ на наиболѣе выдающихся и плодовитыхъ, на Сеницу, Стеценка, Кошица, Степового, а въ Галиціи—на Людкевича.

Украинская оперная музыка появляется еще въ первой половинѣ XIX в.,—когда была написана С. Артемовскимъ оперетта „Запорожецъ за Дунаемъ“. Лучшія оперы и оперетты написаны тѣмъ же незабвеннымъ Лисенкомъ („Різдвяна ніч“, „Утоплена“, „Тарас Бульба„, „Nocturno“, оперетты „Наталка Полтавка“, „Чорноморці“, „Енеіда“, дѣтскія оперетки: „Коза-Дереза“, „Зіма“, „Весна“, „Пан Коцький“). Отмѣтимъ еще въ высшей степени талантливыя, хотя и вышедшія изъ-подъ пера дилэтанта, „Вечерниці“ Нищинскаго, оперы „Катерина“ Аркаса, „Бранка Роксолана“ галицкаго композитора Сичинскаго и отличающуюся хорошей фактурой „Купальска Искра“ Подгорецкаго.

Музыкальная жизнь Украины, въ зависимости отъ общихъ условій ея жизни, не могла развиваться съ надлежащей полнотой. Музыка въ современныхъ ея формахъ требуетъ наличности у народа большихъ матеріальныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи народныхъ организацій. Особенно это относится къ музыкѣ оперной и симфонической, а также къ учебно-музыкальному дѣлу; развитіе оперы даже у народовъ, не знающихъ такихъ стѣсненій въ общественной самодѣятельности, какія выпали на долю украинскому, находилось въ зависимости отъ правительственныхъ субсидій или субсидій органовъ мѣстнаго самоуправленія, и нынѣ прямо или косвенно находится въ этой зависимости. Такъ, напримѣръ, если теперь и существуютъ частные оперные театры въ Россіи, то не надо забывать, что самая привычка къ русской оперѣ создана въ русскомъ обществѣ казенными театрами, и, когда появились частные театры, то они имѣли уже подготовленную публику, готовые образцы постановки, готовыя либретто, пользовались традиціями и прецедентами казенныхъ театровъ. Украина еще не имѣетъ своего опернаго театра, но всѣ данныя для этого имѣются. О наличности національнаго опернаго репертуара уже говорилось выше, что же касается исполнителей, то Украина даетъ много замѣчательныхъ пѣвцовъ для петроградскихъ и московскихъ казенныхъ театровъ (Дейша-Сіоницкая, Стравинскій, Морской, Алчевскій и др.) Изъ оперныхъ пѣвцовъ—уроженцевъ Галиціи Саломея Крушельницкая получила всемірную извѣстность.

Мышуга (Филиппи) пользуется громаднымъ успѣхомъ на итальянской, русской и польской сценахъ, а Менцинскій (выдающійся оперный теноръ сначала въ Стокгольмѣ, а нынѣ въ Кельнѣ) считается однимъ изъ лучшихъ въ Германіи исполнителей Вагнеровскаго репертуара.—При отсутствіи спеціальнаго опернаго театра получаетъ особое значеніе дѣятельность директора украинскаго драматическаго театра въ Кіевѣ Садовскаго, который въ этомъ театрѣ дѣлаетъ постоянныя попытки къ постановкѣ оперъ. Кромѣ произведеній украинскихъ композиторовъ, имъ были поставлены въ украинскомъ переводѣ оперы „Галька" Монюшко, „Янко" Желенскаго, „Продана Наречена" Сметаны, „Пан Сотник" Козаченка и др.

Очагами музыкальнаго образованія являются: въ Кіевѣ музыкальное училище, основанное Лисенкомъ и нынѣ находящееся подъ управленіемъ его дочери, а во Львовѣ—„Вищий музичный інститут ім. Лисенка", имѣвшій несравненно большее національное значеніе, благодаря украинскому языку преподаванія. Директоромъ института состоялъ упомянутый фольклористъ и композиторъ Людкевичъ.

Организація хоровъ и концертовъ на россійской Украинѣ была связана, главнымъ образомъ, съ личной инициативой Лисенко, который неоднократно устраивалъ концерты и внѣ Кіева, совершая съ обученными имъ любительскими хорами поѣздки по городамъ Украины,—а также съ многосторонней и полезной дѣятельностью закрытаго администраціею въ 1905 году Литературно-Артистическаго Общества въ Кіевѣ. Послѣ названнаго Общества украинская музыкальная жизнь сосредоточивалась въ кіевскомъ филармоническомъ обществѣ „Боян", которое, однако, въ своей дѣятельности было обставлено рядомъ стѣснительныхъ условій (напр., при разрѣшеніи дѣйствія общества администрація включила въ его уставъ оговорку о томъ, что женщины не могутъ быть членами правленія). Концерты устраивались также систематически возникшими послѣ 1905 года въ Кіевѣ и многихъ другихъ городахъ (и даже селахъ) Украины обществами подъ названіемъ „Просвіта" и кіевскимъ украинскимъ клубомъ. Съ закрытіемъ этихъ обществъ украинская музыкаль-

ная жизнь въ Россіи была поставлена въ исключительно неблагопріятныя условія. Однако украинская музыка отвоевываетъ себѣ все больше и больше мѣста въ концертахъ, устраиваемыхъ помимо инициативы украинскихъ организацій. Въ особенности нужно отмѣтить публичныя выступленія хоровъ слушателей и слушательницъ высшихъ учебныхъ заведеній Кіева; эти хоры, достигшіе высокой степени совершенства подъ управленіемъ Кошица, всегда удѣляютъ украинской музыкѣ главное мѣсто, а иногда и исключительное (напр., пользующіеся громаднымъ успѣхомъ вечера колядокъ и веснянокъ).

Музыкальная жизнь въ Галиціи, благодаря инымъ политическимъ условіямъ, была очень оживленной; страна была покрыта сѣтью пѣвческихъ обществъ; во Львовѣ существовали союзы музыкальныхъ обществъ и много музыкальныхъ издательствъ; концерты устраивались въ самыхъ глухихъ и незначительныхъ мѣстечкахъ какъ мѣстными силами, такъ и группами львовскихъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Лѣтописью галицкой музыкальной жизни является музыкальный альманахъ, издаваемый ежегодно во Львовѣ Зарицкимъ и содержащій, кромѣ текущаго матеріала, также статьи по исторіи музыки, курсы элементарной теоріи музыки и гармоніи на украинскомъ языкѣ.

Искусство.

Богатство и роскошь природныхъ условій края не могли не отразиться на художественномъ творчествѣ народа, должны были развить въ немъ художественное чувство и содѣйствовать проявленію этого чувства во всѣхъ сторонахъ его жизни и его жизненной обстановки. Какъ украинская письменность имѣетъ за собой старую литературную традицію и опирается на живой неисчерпаемый источникъ народной поэзіи,—точно такъ же украинское искусство коренится въ художественныхъ созданіяхъ прошлой жизни украинскаго народа и въ современномъ его разнообразномъ художественномъ творчествѣ.

Искусство на Украинѣ, возникшее изъ сочетанія восточныхъ и византійскихъ вліяній въ великокняжескомъ Кіевѣ позже въ XIII—XVI вв. подверглось вліяніямъ западнымъ

и окончательно сформировалось въ XVI—XVII стол. Несмотря на свой, въ общемъ, религіозный характеръ, оно было свободно отъ сухого аскетизма, было тѣсно связано съ той настоящей жизнью, которою жила культурная Европа, и даже удовлетворяло вкусамъ иностранцевъ, о чемъ свидѣтельствуютъ неоднократные вызовы украинскихъ мастеровъ ко двору польскихъ королей (росписи дворца на Вавелѣ въ Краковѣ, Ягеллонская капелла тамъ же, Вислицкая коллегія, Люблинскій костелъ и мн. др.), спросъ на украинскія художественныя издѣлія въ Молдавіи (въ XVII в. въ Яссахъ продавались украинскія картины), на Аѳонѣ (въ тамошнихъ монастыряхъ и нынѣ еще находится большое количество разныхъ украинскихъ художественныхъ работъ—облаченій, плащаницъ), въ Палестинѣ (кованная плащаница гетмана Мазепы на Гробѣ Господнемъ) и въ Москвѣ (въ Москву неоднократно вызывались украинскіе мастера для придворныхъ работъ, туда же занесены были и черты украинской архитектуры); о томъ же говорятъ отзывы путешественниковъ (Павелъ Алеппскій, Лукьяновъ, Гордонъ, Юстъ Юлій, Лерхе, Гербиній, Гуннъ, Левшинъ, Шаликовъ Измайловъ, Долгоруковъ и мн. др.).

Болѣе всего расцвѣли на Украинѣ живопись и архитектура и нѣкоторыя прикладныя искусства, каковы—гравировальное и ювелирное дѣло и художественное тканье и шитье. Развитію этихъ видовъ искусства благопріятствовалъ высокій уровень художественныхъ вкусовъ тогдашняго общества (козацкая старшина одѣвалась въ парчу, въ домахъ имѣла много художественныхъ вещей—ковровъ, мебели, стекла, оружія, картинъ, прекрасно орнаментованной живописною рѣзьбою и инкрустаціями утвари), и, въ частности, покровительство мѣстныхъ меценатовъ (Вишневецкіе, Загоровскіе, Острожскіе, Могила, Сагайдачный, Мазепа, Мокіевскій, Разумовскій, Миклашевскій и мн. др.)

Старое украинское зодчество имѣло, главнымъ образомъ, церковный характеръ и проявилось ярче всего въ деревянныхъ и каменныхъ церквахъ. Достоинства этого зодчества составляютъ: величавая простота, логичность конструкціи, чутье мѣры, симметричность частей, высокая идейность

(стремленіе къ небу). Памятники этой архитектуры нигдѣ не имѣютъ для себя аналогій и являются произведеніемъ творчества украинскаго народа, который, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ создалъ настоящіе шедевры: церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ, Под. губ., запорожскій Самарскій соборъ, соборъ въ Ромнахъ Полт. губ., Покровскій соборъ въ Харьковѣ, церковь Юра въ Дорогобычѣ, сооруженія Мазепы въ Кіевѣ и другихъ городахъ, башенныя многоярусныя церковки въ Карпатскихъ горахъ, напоминающія эти же горы, съ окружающими ихъ высокими соснами, тополями, и бѣлыя сельскія церкви о трехъ главахъ, раскиданныя по всей Украинѣ и уже исчезающія, такъ какъ повторенія ихъ типа воспрещено Св. Синодомъ (въ 1803 г.). Понятно, что нынѣшніе украинскіе архитекторы имѣютъ для своего творчества достаточно матеріала, какъ въ этихъ церквахъ, такъ и въ свѣтскихъ зданіяхъ стиля барокко и др. типовъ (митрополичій домъ въ Кіевѣ, типографія Кіево-Печерской лавры, замокъ въ Острогѣ и многіе другіе замки, воспроизведенные въ альбомѣ Орды), дошедшихъ до насъ отъ XVI—XVIII ст., и даже въ сельскихъ сооруженіяхъ нашего времени (оригинальная архитектура современныхъ „вітряковъ"—мельницъ, коморъ, воротъ и самихъ хатъ), дающихъ иногда вещи удивительныя по красотѣ и оригинальности замысла (тріумфальныя ворота, построенныя крестьянами у села Копылова на Житомірскомъ шоссе, при проѣздѣ государя въ 1911 г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украины, гдѣ внѣшнія стѣснительныя обстоятельства отсутствовали, церковное зодчество не переставало развиваться и въ XIX ст. и понынѣ живо и дорого народу (Галлиція, Буковина и отчасти Угорская Украина). Послѣ вышеупомянутаго воспрещенія украинскаго церковно-архитектурнаго стиля и со введеніемъ пагубной казенщины въ архитектуру храмовъ, почва для такого развитія была значительно ослаблена, и сравнительно нормально развивается только гражданская архитектура. Новыхъ построекъ церквей въ украинскомъ стилѣ до сихъ поръ въ русской Украинѣ было совсѣмъ немного; среди нихъ выдѣляется очень красивая девяти-башенная церковь въ с. Плишивцѣ Гадячскаго у., построенная архіепископомъ Парѳе-

ніемъ. Сюда же можно еще отнести крипту надъ козацкими могилами на Берестецкомъ полѣ, сооруженную Почаевскимъ архимандритомъ Виталіемъ, и часовню на мѣстѣ Полтавской битвы, открытую въ 1909 г., по случаю юбилея этой битвы. Заманчивыми формами украинскаго зодчества неоднократно соблазнялась казенная архитектура, благодаря чему въ нелѣпыхъ по существу сооруженіяхъ этого рода не рѣдкость встрѣтить нѣкоторыя знакомыя детали, взятыя изъ старыхъ украинскихъ церквей.

Украинскіе гражданскіе зодчіе имѣютъ достаточно матеріала какъ въ памятникахъ стариннаго архитектурнаго искусства, такъ и въ сельскихъ постройкахъ, также отличающихся самобытностью архитектурныхъ формъ. Лучшими образцами новыхъ украинскихъ архитектурныхъ сооруженій являются дома Полтавскаго губернскаго земства, Харьковской художественной школы, Кіевской гимназіи товарищества преподавателей, школы имени С. Грушевскаго въ Кіевѣ, гимназіи „Товариства педагогичного" во Львовѣ и мн. др., построенные по проектамъ Кричевскаго, Шумова, Сердюка, Тимошенка, Лушпинскаго, Литвиненка и др. Въ томъ же стилѣ строятся теперь низшія школы (въ Полтавской губ., въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губ.), музеи (Каменецъ-Подольскъ), высшія училища (Харьковъ, Кіевъ, Львовъ), кооперативы (Яланецъ Под. губ.).

Оживленіе въ области украинскаго зодчества вызвало оживленіе и въ другихъ областяхъ искусства—въ декоративной и станковой живописи и въ техническихъ производствахъ. Появилась потребность создать церковную роспись въ украинскомъ стилѣ, роспись свѣтскаго украинскаго дома, а также украсить обычную обстановку картинами и утварью.

Что касается церковныхъ росписей, то таковыя существовали еще въ старину и состояли изъ иконъ съ этнографическимъ колоритомъ. Такія росписи извѣстны и въ XIX в., напр., роспись церкви въ 60-хъ гг. въ с. Липовицѣ Калушскаго повѣта, въ Галиціи. Конецъ XIX и начало XX вв. дали новую роспись—исключительно орнаментальную, въ которой выборъ орнаментовъ, имѣющихъ христіанскій характеръ (писанки) и общая ихъ компоновка на стѣнахъ храмовъ

понятная чувству молящихся, съ такими же иконами, изображающими святыхъ въ родной украинской обстановкѣ (образъ Покрова Б. М. въ каменецъ-подольской Русско-фольварковской церкви или „Благословеніе дѣтей“ въ Бѣлоусовкѣ, Под. губ.), производятъ неотразимое впечатлѣніе; таковы росписи въ трехъ каменецъ-подольскихъ церквахъ, въ трапезной Кіево-Печерской лавры, въ церкви Бориса и Глѣба тамъ же.

Изъ стѣнныхъ свѣтскихъ декорацій можно упомянуть декорацію Полтавскаго земскаго дома. Темами для такихъ декорацій послужили темы украинской новой живописи вообще—историческія, пейзажныя, жанры.

Въ области живописи также замѣтны успѣхи національнаго развитія. Подъ вліяніемъ Шевченка, который былъ незауряднымъ художникомъ (издано нѣсколько сборниковъ его рисунковъ) посвятили себя изображенію „Русской Италіи“ художники И. Соколовъ, Штернбергъ, Трутовскій и цѣлый рядъ другихъ лицъ.

Среди современныхъ украинскихъ художниковъ видимъ рядъ уже извѣстныхъ именъ—Васильковскаго, Ижакевича, Красицкаго, Труша, Бурячка, Бойчука, Ивасюка, Монастырскаго, Панкевича, братьевъ Кричевскихъ; по художественному образованію они принадлежатъ къ разнымъ школамъ: мюнхенской, краковской, петербургской,—но ихъ объединяютъ общія идеи, среда и этнографическая масса, среди которой они работаютъ и постепенно создаютъ свою національную школу.

Для этого уже имѣется въ настоящее время богатая почва, такъ какъ надъ созданіемъ украинской школы живописи, разумѣется, безъ такой опредѣленной цѣли, работаютъ многіе художники, украинцы по происхожденію, начиная съ лучшихъ живописцевъ XVIII в.—Лосенка, Антропова, Левицкаго и Боровиковскаго и кончая русскими знаменитостями нашихъ дней—Рѣпинымъ, Маковскими, Крыжицкимъ, Пимоненкомъ и мн. др.

Слѣдуетъ упомянуть, что на Украинѣ существуетъ цѣлый классъ малярныхъ мастеровъ, которые служатъ народному искусству, создавая и повторяя традиціонные типы

украинскихъ иконъ (Коронація Б. М., Христосъ, выжимающій сокъ изъ виноградной лозы, птица Пеликанъ, Покровъ Б. М., въ его идейномъ представленіи и мн. др.) и народныхъ картинъ бытового и сатирическаго характера („Козакъ Мамай“ „Московка и чумакъ“, „Городская панна“, „Бурлаки“, семейныя сцены, забавы и игры). Въ старину искусство этого рода стояло высоко, вслѣдствіе подъема національной жизни и западно-европейскихъ вліяній, приходившихъ сюда вмѣстѣ съ привозными образцами искусства, пріѣзжими художниками, купцами и уніей. Тогда художники соединялись въ братства или цехи и представляли прочныя организаціи, посылавшія своихъ членовъ за границу для усовершенствованія и вырабатывавшія сообща темы своихъ произведеній.

Цеховыя братства объединяли какъ живописцевъ, такъ и скульпторовъ. Отдѣльно существовали братства строителей, рѣзчиковъ, позолотчиковъ. Цехи выработали и свою художественную терминологію, которая нынѣ забыта, но которая снова оживаетъ въ устахъ современныхъ мастеровъ. Высоко стояло въ старину гравировальное искусство. Досками старыхъ украинскихъ мастеровъ Кіево-Печерская и Почаевская типографіи, за неимѣніемъ новыхъ мастеровъ, пользуются для своихъ изданій понынѣ. Въ XVII—XVIII вв. украинская гравюра шла впереди другихъ искусствъ; она выдвинула цѣлый рядъ славныхъ именъ, произведенія которыхъ и теперь еще обращаютъ на себя вниманіе чистотой рисунка, разнохарактерностью гравировальныхъ темъ (портретъ, жанръ, икона, ландшафтъ) и необычайнымъ ихъ обиліемъ. Лучшіе мастера—Тарасевичъ, Щирскій, Самойловичъ, Зубрицкій, Мигура, Григорій Левицкій. Большой художественностью отличались въ старину рѣзные иконостасы; въ древнихъ храмахъ есть еще достаточно прекрасныхъ образцовъ для изученія и возобновленія этого рода искусства. Прекрасные иконостасы находятся въ Кіевѣ (Михайловскій монастырь, Софійскій соборъ, Никольскій соборъ, Успенская церковь въ Лаврѣ, Выдубицкій монастырь), въ Рогатинѣ, въ Козельцѣ, во Львовѣ, Брусиловѣ (Радомысл. у.). Иногда ихъ украшаютъ прелестныя статуи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ (Чоповичи Радомысл. у.) иконостасъ весь состоялъ изъ рядовъ статуй,

поставленныхъ въ пролетахъ деревянной стѣны. Народной потребности въ предметахъ искусства религіознаго характера удовлетворяютъ въ настоящее время, главнымъ образомъ, монастыри, изготовляющіе такіе предметы въ народномъ вкусѣ: любимыя иконы, вышивки (въ Мотронинскомъ монастырѣ), кіоты и иконостасы (иконостасъ праваго придѣла въ Михайловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ); за монастырями идутъ частныя фирмы, которыя стремятся пойти навстрѣчу вкусамъ покупателей (въ Кіевѣ на всероссійской выставкѣ были выставлены проекты и кіоты въ украинскомъ стилѣ, изготовляемые фирмою Невѣжиныхъ въ Кіевѣ на Подолѣ).

Ювелирное искусство въ старину стояло очень высоко (см. альбомъ выставки Харьковскаго археологическаго съѣзда, коллекціи Кіевскаго городского музея и музея Кіевской Академіи); нынѣ оно ютится въ монастыряхъ и въ рукахъ немногихъ позолотчиковъ, изготовляющихъ крестьянскія серьги, кольца, дукачи и натѣльные кресты, которые въ Слободской Украинѣ даже украшаются самодѣльной эмалью. Очень много ювелирныхъ издѣлій встрѣчается нынѣ въ быту галицкихъ горцевъ. Въ Галиціи процвѣтаетъ еще инкрустація по дереву (извѣстные мастера—братья Шкрибляки, Мегеденюкъ и др.) и по металлу на оружіи.

Изъ современныхъ искусствъ необходимо отмѣтить возрождающееся старое керамическое дѣло и художественное тканье и шитье. Существуетъ рядъ мастерскихъ и школъ, которыя изучаютъ старыя украинскія техническія искусства и поддерживаютъ ихъ. Къ услугамъ этихъ школъ громадныя собранія въ музеяхъ и необычайно богатая область оригинальнѣйшаго орнамента.

IV.

Русская государственность и общественность въ отношеніи къ украинству.

Исторія украинскаго движенія, какъ мы видѣли, даетъ достаточно осязательный отвѣтъ на сомнѣнія въ правѣ украинской народности развивать свою культуру: предъ нами въ лицѣ украинскаго народа—исторически опредѣлившійся, весьма значительный по своей численности и территоріальному распространенію, отдѣльный устойчивый этническій типъ, съ оригинальнымъ психофизическимъ обликомъ, съ яркими особенностями всего своего быта, съ глубокимъ національнымъ самосознаніемъ, выразившимся въ стойкой и упорной борьбѣ за свою національную стихію и въ выработкѣ такихъ прочныхъ факторовъ національной культуры, какъ языкъ, литература, пресса, средства научнаго развитія, разнообразные виды искусства. При наличности такихъ условій, національное развитіе данной народности не только вполнѣ естественно и законно, но является уже въ значительной степени и достигнутымъ.

Для объективнаго, непредубѣжденнаго взгляда ясно, что украинское движеніе представляетъ, по выраженію Пыпина, „естественное проявленіе народнаго самосознанія“ и что оно не составляетъ „никакого преступленія противъ господствующаго литературнаго языка, потому что подобныя движенія только вызываютъ на свѣтъ уже существующую внутреннюю потребность“ („Исторія славянскихъ литературъ“). Но у насъ, по словамъ того же автора, забываютъ, что „сила цѣлаго достигается развитіемъ частей, сила государства—развитіемъ силъ мѣстныхъ, что двѣ русскія народности составляютъ фактъ исторіи, котораго нельзя вычеркнуть ни журнальной бранью, ни мѣропріятіями“; забываютъ, что „благородная мысль о народѣ возникла у патріотовъ украинскихъ, какъ и у русскихъ, еще во времена крѣпостного гнета, не какъ политическая бредня, а какъ глубокое чувство къ народу и къ родинѣ, у многихъ какъ настоящее христіанское чувство, теплое и безкорыстное“.

Централизмъ въ національной политикѣ Россіи.

Въ условіяхъ русской государственной жизни національные вопросы разрѣшались вообще съ большими трудностями. Эволюція нашего государственнаго строя до послѣдняго времени проходила подъ знакомъ стараго московскаго централизма, охватывающаго не только сферу управленія, но и духовную жизнь управляемыхъ народовъ. Проявленія самобытности окраинъ, ихъ стремленія къ укрѣпленію и развитію своей, мѣстной культуры всегда вызывали ревниво-опасливое и недоброжелательное отношеніе со стороны государственнаго центра, усматривавшаго въ привязанности населенія окраинъ къ родному быту, языку, культурѣ признаки „сепаратизма" и въ тѣ времена, когда понятіе, выражаемое этимъ словомъ, еще не нашло своего современнаго термина.

Но такъ какъ историческій ходъ созиданія русскаго государства включилъ въ его обширные предѣлы цѣлый міръ національныхъ организмовъ, живущихъ своею внутреннею жизнью и не растворяемыхъ объединительнымъ процессомъ, то національные вопросы все сильнѣе тяготѣютъ надъ русской жизнью, запутывая внутреннія отношенія русскаго общества все болѣе осложняющимися узлами и все рѣзче подчеркивая необходимость найти, наконецъ, въ замѣну принциповъ механическаго единства, новые принципы государственной жизни, которые могли бы внести въ національныя отношенія желательную гармонію.

Не всѣ народности Россіи въ одинаковой мѣрѣ испытывали давленіе объединительнаго режима и не всегда этотъ режимъ дѣйствовалъ съ одинаковою силою и послѣдовательностью. Мы знаемъ довольно длительный періодъ существованія въ границахъ Россійской имперіи автономнаго Царства Польскаго; въ юго-западномъ краѣ до второй половины XIX вѣка безвозбранно господствовала польская культура; въ Остзейскихъ губерніяхъ нѣмецкая культура пользовалась даже покровительствомъ центральной власти; финляндская автономія насчитываетъ болѣе 100 лѣтъ жизни и только въ концѣ существованія стараго порядка начала чувствовать нажимы государственнаго централизма.

Зато украинцамъ, несмотря на ихъ родственную близость къ господствующей народности—или, вѣрнѣе, именно въ силу этой близости—пришлось испить полную чашу непріязненныхъ отношеній со стороны центральной власти.

Исходя изъ предположенія единства русскаго народа и русской культуры, правящіе круги имперіи никогда не умѣли и не желали разобраться въ значеніи историко-политическихъ, этнографическихъ и культурныхъ отличій Малой Руси отъ Великой. Съ одной стороны, эти отличія признавались ничтожными и всѣ русскія племена почти тождественными, а съ другой—для достиженія полнаго тождества въ области культуры приходилось примѣнять спеціальныя мѣры, при чемъ равненіе требовалось по господствующему великорусскому типу. Такимъ образомъ, идея „единой Руси“ и „общерусской культуры“ призывается прикрывать интересы только великорусской народности, вліяніе которой въ государствѣ и безъ того было и остается преобладающимъ.

Великорусская культура шла въ Украину вмѣстѣ съ государственностью, совершая доступныя ей мирныя завоеванія. Но когда ей навстрѣчу предъявляла свои права живая и дѣятельная мѣстная культура, государство относилось къ такимъ домогательствамъ враждебно и подозрительно. Въ отношеніи украинцевъ, при такихъ условіяхъ, понятіе „сепаратизма“ получило спеціальный оттѣнокъ. Всякій „инородецъ“ въ собственномъ смыслѣ слова—полякъ, армянинъ, грузинъ—встрѣчая въ своей національно-культурной работѣ административныя преграды, зналъ, что его право на національную культуру только ограничивается, но не вовсе отрицается властью; въ этомъ случаѣ рѣчь шла лишь о гегемоніи русской національности надъ „инородческими“, русской культуры надъ мѣстными, окраинными. Украинской же народности приходилось доказывать свое право на существованіе, бороться противъ полнаго отрицанія возможности украинской культуры рядомъ съ великорусскою. Проявленіе національнаго самосознанія польскаго, грузинскаго и т. п. не вело за собою обязательныхъ подозрѣній въ сепаратизмѣ, тогда какъ въ украинскомъ національномъ самосознаніи сепаратистическія тенденціи являлись въ глазахъ власти неотъ-

емлемою составною частью. Короче говоря, въ примѣненіи къ „инородцамъ“ вообще, понятіе сепаратизма разумѣлось, главнымъ образомъ, въ политическомъ смыслѣ, для украинцевъ же культурное обособленіе отъ великорусской народности признавалось въ такой же мѣрѣ предосудительнымъ и преступнымъ, какъ и политическій сепаратизмъ.

А между тѣмъ 250 лѣтъ совмѣстной жизни Украины съ Россіей, казалось бы вполнѣ гарантировали государство отъ опасностей со стороны украинской самобытности. За этотъ долгій періодъ Украина постепенно вошла въ организмъ Россійской имперіи, какъ существенная часть государственнаго цѣлаго, связанная съ нимъ тѣсными административными узами, политическими, правовыми и экономическими интересами. Украинскія научныя и общественныя силы приняли участіе въ общей работѣ государственнаго строительства, слишкомъ, быть можетъ, самоотверженно подчинивъ интересы своей родины новымъ государственнымъ началамъ. При такихъ условіяхъ, государство, въ сознаніи своей силы, могло бы усвоить терпимое и доброжелательное отношеніе къ особенностямъ мѣстнаго быта, къ духовнымъ запросамъ мѣстнаго населенія, къ мѣстной культурѣ, въ свободномъ развитіи которой заключалась основа народнаго благосостоянія.

На дѣлѣ украинское движеніе было встрѣчено, какъ мы видѣли, рядомъ предубѣжденій, прямою непріязнью и преслѣдованіями; это враждебное отношеніе къ украинской идеѣ объединяло правящіе круги, консервативные слои общества и даже отчасти прогрессивные его элементы, такъ что мѣры пресѣченія, принимаемыя противъ украинства правительственными органами, подкрѣплялись агитаціею правыхъ націоналистовъ и находили обоснованіе въ мнѣніяхъ идеологовъ государственнаго централизма на великорусской основѣ. Были и свѣтлые промежутки, періоды передышки, когда устанавливалось болѣе трезвое и объективное отношеніе къ украинству, но они были весьма непродолжительны и быстро смѣнялись новымъ обостреніемъ вражды и недовѣрія.

Ходячія обвиненія противъ украинства.

Для такого постоянства въ отрицательномъ отношеніи консервативныхъ круговъ русскаго общества къ украинскому движенію, очевидно, недостаточно было отмѣченныхъ выше сомнѣній въ законности и достижимости стремленій украинской интеллигенціи: нужно было выдвинуть и другіе мотивы, въ силу которыхъ украинское движеніе трактовалось, какъ враждебное русской государственности. Обвиненія, которыя съ этой точки зрѣнія предъявлялись и предъявляются украинству, заслуживаютъ подробнаго анализа.

Отношеніе общества къ украинскому движенію стало опредѣляться вскорѣ по нарожденіи русской общественности,—со второй половины XIX вѣка. Вначалѣ стремленія украинской интеллигенціи, какъ уже отмѣчалось, встрѣтили довольно терпимое отношеніе со стороны либеральнаго правительства Александра II, которое въ ту пору сумѣло оцѣнить культурное значеніе украинской національной школы, а въ развитіи національнаго самосознанія въ украинскомъ крестьянствѣ усматривало вѣрное средство борьбы съ вліяніемъ польской культуры въ юго-западномъ краѣ. Позднѣе сочувственно отнеслись къ украинскому движенію и общественные круги, преимущественно примыкавшіе къ народническимъ славянофильскимъ теченіямъ; кругозоръ отцовъ славянофильства, какъ Хомяковъ и Аксаковъ, тогда еще не былъ затемненъ великорусскимъ націонализмомъ, и украинское возрожденіе принималось ими, какъ естественное и положительное общественное явленіе, какъ частичное проявленіе основной идеи всеславянскаго братства.

Съ 1862—63 гг., вмѣстѣ съ обозначившимся въ русской общественной мысли шатаніемъ на почвѣ оцѣнки польско-русскихъ отношеній, измѣнилось и отношеніе общественныхъ круговъ къ украинскому вопросу. Патріотическая пресса нашла въ немъ признаки „нигилизма“, затѣмъ—„польскую интригу“ и, наконецъ, „сепаратистическія“ стремленія. „Любопытно,—говоритъ Пыпинъ, въ уже цитированномъ трудѣ,—что обвиненія противъ украинофильства шли прежде всего

именно изъ польскаго лагеря. Польскіе паны еще передъ возстаніемъ доносили на украинскія школы и книжки, какъ вредно волнующія народъ. Извѣстно теперь, что польскіе революціонеры-паны были обыкновенно плохіе либералы: видя польскую національность въ шляхетскомъ преданіи и католицизмѣ, они не могли выносить украинофильскихъ сочувствій къ народу, которыя должны были отзываться невыгодно на польскихъ притязаніяхъ на юго-западный край. Не понявши этого, русскіе охранители присоединили свой голосъ къ тѣмъ же обвиненіямъ и сами стали игрушкой именно той „польской интриги", противъ которой столь усердно работали... Отождествленіе украинофильства съ польскою интригой совсѣмъ спутало понятія о малорусской литературѣ даже у многихъ, кто прежде къ ней относился доброжелательно"... Появившійся въ это время „Вѣстникъ юго-западной Россіи" Говорскаго, вначалѣ самъ примыкавшій къ украинскимъ кружкамъ и доказывавшій, что украинская молодежь, при всѣхъ увлеченіяхъ, опаснѣе польскому панству, чѣмъ Россіи,—вскорѣ „сталъ объявлять украинофиловъ союзниками польскаго возстанія", „утверждалъ очень пріятную полякамъ мысль, что малорусскій языкъ есть испорченный польскій, и т. п.".

Эта путаница понятій надолго—даже до сего дня—осталась характернымъ свойствомъ сужденій по украинскому вопросу въ русской печати и общественныхъ кругахъ. Но далеко не всегда эта путаница была безсознательною; иногда за туманомъ явно неосновательныхъ или расплывчатыхъ обвиненій скрывалось опредѣленное чувство ненависти къ лежащему въ основѣ украинскаго движенія демократическому началу,—то самое чувство, которое было истиннымъ мотивомъ первоначальныхъ польскихъ выступленій противъ украинства и которое въ неменьшей мѣрѣ побуждало и русскихъ реакціонеровъ объявить войну этому прогрессивно-демократическому движенію. Истинную сущность выдвинутыхъ противъ украинства патріотическихъ лозунговъ вскорѣ раскрыла охранительная „Вѣсть", открыто выступившая въ качествѣ органа русскаго и польскаго крѣпостничества.

Въ 70-хъ годахъ открытый Юзефовичемъ новый походъ на украинское движеніе мало внесъ новаго въ мотивировку охранительной политики. Сближеніе украинства съ „нигилизмомъ“ замѣнилось указаніемъ на „признаки соціализма“, а ссылки на польскую интригу и опасность сепаратизма остались тѣ же, хотя и съ оговорками, что въ народныхъ массахъ это движеніе корней не имѣетъ. Мы видѣли, однако, что украинская интеллигенція дала для такихъ обвиненій не больше поводовъ, чѣмъ народныя массы. Вопросы національной культуры, соціальныхъ отношеній, государственнаго устройства трактовались дѣятелями украинскаго движенія всегда въ перспективѣ общегосударственныхъ интересовъ, которымъ интересы Украины не противополагались, а служили дополненіемъ и развитіемъ. Даже послѣ 1876 г., несмотря на суровые бичи и скорпіоны, принесенные украинскому движенію „закономъ Юзефовича“, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ украинскихъ публицистовъ Драгомановъ, лично пострадавшій отъ „новаго курса“ и, въ качествѣ эмигранта, имѣвшій возможность свободно развивать свою политическую программу, тѣмъ не менѣе въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ отрицалъ возможность и необходимость сепаратистическихъ стремленій въ украинскомъ движеніи; онъ отстаивалъ преимущества федералистическаго строя для Россіи, но стоялъ за общегосударственное единство [1]).

„Нигилизмъ“, „соціализмъ“, „сепаратизмъ“

Въ послѣдніе годы обвиненія украинцевъ въ сепаратизмѣ, до сихъ неопредѣленныя и безпредметныя, приняли, какъ уже указывалось, болѣе конкретный характеръ. Націоналисты стали уличать украинцевъ въ австрійскихъ симпатіяхъ, превративъ, такимъ образомъ, недавнихъ украинофиловъ въ австрофиловъ.

[1]) „Сколько-нибудь реальное пониманіе положенія и интересовъ украинскаго населенія должно привести къ убѣжденію, что не только въ настоящее время свобода и развитіе его тѣсно связаны съ свободою и развитіемъ другихъ населеній Россіи, но что и вообще отдѣленіе украинскаго населенія отъ другихъ областей Россіи въ особое государство (политическій сепаратизмъ) есть вещь не только во всякомъ случаѣ крайне трудная, если не невозможная, но, при извѣстныхъ условіяхъ, вовсе ненужная для какихъ бы то ни было интересовъ украинскаго народа“. Соч. Драгоманова (парижское изд.), т. I, стр. 301.

Само собою разумѣется, что и эти обвиненія, поскольку они касаются украинскаго движенія въ предѣлахъ Россіи, не имѣютъ подъ собою ни малѣйшихъ фактическихъ основаній. Ни въ одной изъ опубликованныхъ украинскими партіями политическихъ платформъ нельзя найти вообще никакихъ сепаратистическихъ постулатовъ, нѣтъ упоминанія и въ частности объ Австро-Венгріи. Проф. М. С. Грушевскій, украинскій историкъ и публицистъ, котораго націоналисты считаютъ отцомъ и вождемъ современнаго „мазепинства", опредѣленно заявляетъ въ своихъ статьяхъ по украинскому вопросу, что интересы украинской народности вовсе не требуютъ непремѣнно обособленія, но вполнѣ могутъ быть удовлетворены при сохраненіи государственнаго единства Россіи, если только централистическій строй государства уступитъ мѣсто широкой національно-территоріальной автономіи („Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ", стр. 55—67). Многочисленныя дѣла, возбужденныя администраціею противъ украинскихъ общественныхъ организацій, не дали никакого матеріала, которымъ можно было бы подтвердить наличность въ міровоззрѣніи украинской интеллигенціи политическаго сепаратизма вообще и сепаратизма въ пользу Австріи, въ частности.

„Австро-[...]ильство".

Иное дѣло—симпатіи: онѣ несомнѣнно украинскою интеллигенціею проявлялись—но не къ Австріи, а къ родной, населенной украинскимъ племенемъ Галиціи, которая своимъ культурнымъ подъемомъ, какъ мы видѣли, не мало обязана поддержкѣ и содѣйствію украинцевъ изъ Россіи. Украинское національное возрожденіе есть результатъ общей и, большею частью, совмѣстной работы обѣихъ частей Украины—россійской и австрійской, но въ послѣдней плоды той работы были ярче и выразительнѣе, въ виду болѣе свободныхъ условій общественно-политической жизни. Неудивительно, что украинская интеллигенція въ Россіи внимательно и сочувственно наблюдала жизнь своихъ закордонныхъ братьевъ, съ изумительной энергіей отстаивавшихъ права своего народа и работавшихъ надъ улучшеніемъ его экономическаго благосостоянія и повышеніемъ его культурнаго

уровня. Быстрые успѣхи галичанъ, естественно, давали россійскимъ украинцамъ поводъ къ параллелямъ, и выводъ изъ этихъ сравненій могъ быть только одинъ: для культурнаго и экономическаго подъема народныхъ массъ россійской Украины необходимымъ условіемъ является внесеніе въ рамки русскаго строя той свободы національнаго развитія, какою располагала украинская народность въ Галиціи. Эту задачу и ставитъ себѣ украинская интеллигенція,—но въ такихъ стремленіяхъ нельзя усматривать ни сепаратизма, ни австрофильства.

Основаніе для всякаго рода невыгодныхъ аналогій давала русская дѣйствительность, столь далекая отъ тѣхъ условій, которыя обезпечиваютъ національностямъ свободу культурнаго развитія. Мы видѣли, чьими руками въ 1876 г. было приготовлено передвиженіе центра культурной работы украинцевъ изъ Кіева во Львовъ: руками такихъ националистовъ, какъ Юзефовичъ, и единомышленныхъ ему представителей офиціальной Россіи; печальной памяти цензурный законъ 1876 г. былъ исходною точкою послѣдовавшихъ затѣмъ уклоненій украинскаго движенія отъ нормальнаго пути и причиною того раздраженія противъ офиціальной политики, которое съ этого времени легло въ душѣ самыхъ лояльныхъ элементовъ украинскаго общества въ Россіи; тридцатилѣтнему гнету надъ живымъ украинскимъ словомъ обязаны правящія сферы рѣзко враждебнымъ тономъ по отношенію къ Россіи въ галицкой радикальной прессѣ. Слѣды „интриги" здѣсь найти очень трудно, но ошибочная внутренняя политика несомнѣнна.

Не болѣе основательнымъ является указаніе на роль „австрійской интриги" въ созданіи и развитіи украинскаго движенія въ Галичинѣ. Прежде всего,—какъ показано выше, въ очеркѣ исторіи національнаго возрожденія галицкихъ русинъ, — исходныя точки этого возрожденія лежатъ въ общемъ движеніи западно-славянскихъ народностей къ національному самосознанію, а наиболѣе сильные импульсы духовному росту галичанъ дала россійская Украина, гдѣ національное движеніе началось еще въ XVIII в. и откуда оно въ 60—70-хъ годахъ прошлаго вѣка перешло въ Гали-

чину. Дальнѣйшіе осязательные результаты національнаго движенія въ Галичинѣ достигнуты, благодаря правильному пониманію мѣстною украинскою интеллигенціею интересовъ народныхъ массъ и энергичной общественной работѣ въ условіяхъ относительной политической свободы. Австрійское правительство въ галицкомъ возрожденіи играло чисто пассивную роль; сперва оно отнеслось къ украинскому движенію съ недовѣріемъ, а затѣмъ, по мѣрѣ достиженія русинами извѣстныхъ культурныхъ и политическихъ успѣховъ, позволяло общественнымъ дѣятелямъ галицкой Украины возлагать надежды на поддержку высшей власти въ борьбѣ съ польскимъ гнетомъ. Въ этихъ надеждахъ, быть можетъ, галичане оказались излишне легковѣрными и переоцѣнивали свое значеніе въ австрійской политикѣ, разсчитывая при помощи центральнаго правительства достичь преобладанія украинскаго національнаго элемента въ восточной Галичинѣ и обезпечить дальнѣйшее свободное культурное и экономическое развитіе украинской народности въ предѣлахъ Австріи. На дѣлѣ расположеніе австрійскаго правительства къ „вѣрному рутенскому народу“ носило преимущественно платоническій характеръ и никакихъ особыхъ благъ украинцамъ не приносило. Даже австрійская конституція, обезпечивающая свободу національной жизни всѣмъ народностямъ Австріи, не избавляла русинъ Галиціи, Буковины и Угорщины отъ національнаго гнета со стороны болѣе сильныхъ культурно народовъ (поляковъ, мадьяръ, румынъ) которымъ Австрія дала преобладаніе въ областномъ самоуправленіи. Въ 1848 г. Австрія оперлась на галицкихъ украинцевъ въ борьбѣ съ польскимъ возстаніемъ, но, по его усмиреніи, дала Галиціи областную автономію на началахъ преобладанія польскаго національнаго элемента и польской культуры, которой украинское населеніе было отдано въ подчиненіе, въ качествѣ сырого этнографическаго матеріала. Только въ послѣдніе годы, съ увеличеніемъ числа украинскихъ депутатовъ въ составѣ рейхсрата, когда обострившіяся польско-украинскія отношенія стали нарушать правильное теченіе парламентской жизни, австрійское правительство признало необходимымъ выступить въ качествѣ

мирнаго посредника между поляками и украинцами, убѣждая однихъ въ необходимости уступокъ, а другимъ обѣщая справедливое удовлетвореніе ихъ національныхъ требованій. Однако, это посредничество не приводило къ результатамъ, которые удовлетворяли бы ту и другую стороны, и уже тѣ крайнія мѣры, къ которымъ вынуждены были прибѣгать украинскіе депутаты, чтобы обратить вниманіе на вопіющія нужды своего народа, лучше всего доказывали, что со стороны австрійскаго правительства украинцы активной поддержкой не пользовались и что своими успѣхами украинцы Галиціи обязаны были не австрійскому правительству, а собственной энергіи и жизненности національной украинской идеи. При такихъ условіяхъ, инкриминируемая галицкимъ украинцамъ преданность австрійскому правительству являлась только естественною лояльностью по отношенію къ высшей власти, въ справедливости и благожелательности которой украинское населеніе Галиціи не изверилось.

„Польская интрига".

Что касается „польской интриги", то, при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ галицкими національными отношеніями, становится ясно, что украинское движеніе въ Галичинѣ, не только не совпадало съ интересами поляковъ, но рѣзко имъ противорѣчило. На нашихъ глазахъ упорными усиліями галичанъ былъ расшатанъ прочный, казалось, фундаментъ польскаго господства въ восточной Галиціи. Одну за другою отвоевывали украинцы позиціи, захваченныя польскимъ элементомъ, но не съ меньшимъ упорствомъ и поляки отстаивали свое положеніе въ краѣ, который они давно привыкли считать своею собственностью. Кровавыя схватки во время выборовъ, съ одной стороны, и убійство намѣстника Потоцкаго, съ другой—ярко характеризують то обостреніе, до котораго въ наше время дошла борьба галицкихъ украинцевъ съ поляками за культурное и политическое равноправіе въ краѣ.

Задача поляковъ въ Галиціи была совершенно аналогична съ стремленіями националистскихъ круговъ въ Россіи: подавить украинское движеніе или по крайней мѣрѣ, на

сколько возможно, затормозить его развитіе. Эта общность задачъ не такъ давно проявилась въ извѣстныхъ попыткахъ соглашенія русскихъ націоналистовъ съ польскими „реальными политиками", ради котораго былъ спеціально изобрѣтенъ „неославизмъ"; польско-русское братаніе въ этомъ случаѣ опредѣленнымъ образомъ преслѣдовало цѣль примирить русскую внутреннюю политику съ польскими интересами за счетъ интересовъ украинской народности, какъ въ Россіи, такъ и въ Галиціи. Если сопоставить эти факты съ обвиненіями, предъявленными къ украинскому движенію, то выраженіе „польская интрига" пріобрѣтаетъ вновь тотъ самый смыслъ, какой оно имѣло въ устахъ націоналистовъ 60-хъ годовъ: это объединенный нажимъ польско-россійскихъ націоналистовъ на украинское движеніе.

„Нѣмецкая интрига".

Кромѣ австрійской и польской интригъ, націоналисты указываютъ, какъ источникъ украинскаго движенія, еще „нѣмецкую интригу" или, иными словами, „прусскія марки". Это—версія о денежной поддержкѣ, оказываемой руководителямъ и органамъ украинскаго движенія со стороны Германіи или Пруссіи, все съ той же цѣлью ослабленія русскаго государственнаго и національнаго единства... Мутнымъ источникомъ этой легенды явился полякъ Раковскій, служившій прусскимъ шпіономъ и, по выходѣ въ отставку, опубликовавшій выдержки изъ своихъ мемуаровъ и документовъ. Свѣдѣнія, сообщенныя имъ, ни съ какой стороны не походили на офиціальный матеріалъ, такъ какъ заключали искаженныя, очевидно, по наслышкѣ, имена,—но польская пресса радостно ухватилась за возможность скомпрометировать выдающихся дѣятелей Украины и оживленно комментировала сообщенія Раковскаго, пока оклеветанныя имъ лица не возбудили нѣсколькихъ судебныхъ процессовъ. Послѣ этого инсинуаціи Раковскаго поляками больше не повторялись, но наши націоналисты продолжали оперировать ими для иллюстраціи своей навязчивой идеи объ участіи иноземной интриги въ украинскомъ движеніи.

А между тѣмъ „прусскія марки" дѣйствительно существовали и оказывали серьезную поддержку украинскому

крестьянству Галиціи въ экономической борьбѣ съ поляками. Это тѣ марки, которыя приносили галичанамъ отхожіе сельскохозяйственные заработки у прусскихъ помѣщиковъ. Вслѣдствіе крайне низкой заработной платы, какую установили въ Галиціи польскіе помѣщики, мѣстные украинскіе дѣятели стали направлять рабочихъ украинцевъ въ Пруссію, гдѣ они находили для себя гораздо болѣе выгодныя экономическія условія; вслѣдствіе этого повышалась заработная плата и въ самой Галиціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавалась конкуренція польскимъ мазурамъ изъ западной Галиціи. Это внушило полякамъ увѣренность въ существованіи тайнаго нѣмецко-украинскаго экономическаго соглашенія, въ подрывъ интересамъ польскихъ аграріевъ, а отсюда легко было перейти и къ легендѣ о субсидированіи украинскаго движенія прусскими марками. Но эта легенда имѣла подъ собою почву не въ большой степени, чѣмъ легенда о „польской интригѣ“ въ 60-е гг. Массовый отходъ сельскихъ рабочихъ на заработки въ Пруссію давно наблюдался и въ польской Галиціи и даже въ русской Польшѣ; если галицкимъ украинцамъ удалось организовать этотъ отходъ на началахъ, выгодныхъ для рабочихъ, то въ этомъ заслуга украинской интеллигенціи, обратившей вниманіе, въ числѣ другихъ дефектовъ мѣстной экономической жизни, и на этотъ, больной для крестьянства вопросъ.

Такъ, со стороны русскихъ націоналистовъ систематически исходили все новыя версіи тѣхъ же подозрѣній, и укоровъ по адресу украинцевъ, за лежащую, якобы, въ основѣ украинскаго движенія внѣшнюю интригу. Склонность къ подобнымъ гипотезамъ является обычнымъ свойствомъ всякой націоналистической точки зрѣнія, а нашей отечественной—по преимуществу. Съ этой точки зрѣнія „Святая Русь“ всегда была предметомъ недоброжелательства и подкоповъ со стороны иноземцевъ, стремившихся разрушить исконныя государственныя начала русскаго народа. Во всѣхъ крупныхъ общественныхъ движеніяхъ въ Россіи націоналисты находили слѣды иноземной или инородческой интриги, начиная отъ возстанія декабристовъ и кончая освободительнымъ движеніемъ 1904—1905 г. Было бы не въ порядкѣ вещей,

если бы украинское движенiе, въ националистическомъ истолкованiи, не явилось результатомъ интриги внѣшнихъ враговъ Россiи и агитацiи—внутреннихъ. Такое упрощенное толкованiе общественныхъ движенiй и историческихъ событiй, быть можетъ, имѣетъ за собою извѣстныя удобства, избавляя нацiоналистовъ отъ необходимости углубляться въ изученiе внутренней природы явленiй, но въ нашемъ случаѣ этотъ прiемъ особенно тягостенъ и опасенъ. Болѣзненная склонность въ естественныхъ и законныхъ явленiяхъ жизни заподозривать тайныя и преступныя пружины внѣшнихъ влiянiй лишь затемняетъ украинскiй вопросъ, къ ущербу для всѣхъ, заинтересованныхъ въ его справедливомъ и цѣлесообразномъ разрѣшенiи,—и прежде всего для государства.

Рѣшительно отрицая участiе иноземной интриги въ развитiи и направленiи украинскаго движенiя, мы не хотимъ, однако, сказать, что наши западные сосѣди вовсе игнорировали нацiональныя отношенiя въ Россiи вообще и, въ частности, украинскiй вопросъ. Несомнѣнно, политическiе круги враждебныхъ Россiи государствъ учитывали украинское движенiе въ своей оцѣнкѣ грядущихъ судебъ Европы, чтобы использовать его въ своихъ интересахъ, при благопрiятномъ стеченiи обстоятельствъ. Но не отъ нихъ это, въ концѣ концовъ, зависѣло. Каково бы ни было отношенiе къ украинскому вопросу со стороны сосѣднихъ государствъ, для непредубѣжденнаго взгляда должно быть ясно, что украинское движенiе всегда направлялось не внѣшними, а внутренними своими импульсами, соцiально-экономическими интересами населенiя и его культурными запросами, корни которыхъ глубоко заложены въ природѣ украинскаго народа и его историческомъ прошломъ. И будетъ ли украинское движенiе въ представленiи западно-еврепейскихъ политиковъ впредь играть роль положительнаго или отрицательнаго фактора, всецѣло зависитъ отъ того, останется ли оно у себя на родинѣ предметомъ административныхъ гоненiй или войдетъ въ общее русло государственной жизни, какъ вполнѣ нормальное, здоровое общественное явленiе.

Украинское движенiе, какъ факторъ прогрессивно-демократическiй.

Взглядъ на украинское движенiе, какъ на нѣчто искусственное, наносное—поддерживалъ въ правительственныхъ и извѣстныхъ общественныхъ кругахъ вѣру въ возможность не только задержать, остановить украинское движенiе, но и прекратить, устранить его. Объ украинскомъ движенiи, языкѣ, литературѣ, прессѣ, научной работѣ и т. п. говорилось, какъ о случайныхъ проявленiяхъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, которую можно допустить или не допустить и, въ зависимости отъ этого, украинскому движенiю быть или не быть. Такая постановка вопроса, какъ ясно изъ всего предыдущаго, грѣшила большою близорукостью, ибо украинское нацiональное движенiе всегда имѣло корни въ народной жизни, а его проявленiя давно уже слились въ широкое общественное теченiе, получившее дѣйствительную жизненную силу, которая превозмогла почти непреодолимыя препятствiя и обезпечиваетъ движенiю дальнѣйшее развитiе и распространенiе при всякихъ условiяхъ.

Такая увѣренность основана, прежде всего, на внутренней природѣ украинскаго движенiя, какъ фактора прогрессивно-демократическаго. Источникъ его—въ самой жизни, все болѣе выдвигающей интересы народныхъ массъ, все съ большею настойчивостью предъявляющей демократическiе запросы. Въ этомъ основа его внутренней силы и жизненнаго успѣха, независимо отъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ условiй, искусственно регулирующихъ его развитiе, такъ какъ всякое завоеванiе прогрессивно-демократическаго начала есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, завоеванiе новыхъ позицiй, укрѣпляющихъ украинское движенiе.

Нѣкоторая часть противниковъ украинскаго движенiя старается изобразить его явленiемъ реакцiоннымъ, противообщественнымъ, шовинистическимъ. Такихъ попытокъ, правда, пока не много, и, конечно, являются онѣ простыми голословными утвержденiями, въ лучшемъ случаѣ основанными на выхваченныхъ, безъ связи съ цѣлымъ, фразахъ украин-

скихъ дѣятелей, или же на словахъ отдѣльныхъ лицъ, отвѣтственность за которыя, по меньшей мѣрѣ, странно возлагать на основное направленіе украинскаго движенія, какъ было бы странно возлагать на то или иное направленіе русской общественной мысли отвѣтственность за всѣ крайности, допускаемыя отдѣльными представителями русскаго общества. Нужно при этомъ принять еще во вниманіе и то обстоятельство, что для такихъ крайностей въ украинскомъ движеніи имѣлась весьма благопріятная почва—не въ силу какихъ-либо внутреннихъ мотивовъ, а въ виду тяжелаго режима, сковывавшаго нормальное развитіе національной жизни и естественно вызывавшаго на такого рода эксцессы, которые были бы немыслимы хотя бы при относительной свободѣ національнаго самоопредѣленія.

Основная ошибка—добросовѣстна ли она, это другой вопросъ—указанной выше отрицательной квалификаціи украинскаго движенія заключается въ игнорированіи источниковъ его происхожденія и послѣдующаго затѣмъ идейнаго питанія его во всей его исторіи. Мы уже отчасти видѣли, что первоначальный источникъ украинскаго національнаго движенія—это протестъ народной массы противъ національнаго и соціально-экономическаго порабощенія ея привилегированными классами и правительствомъ Польши. Сочувствіе тяжелому положенію крестьянской массы было главнымъ стимуломъ идейнаго національнаго движенія и въ послѣдующее время. Украинское возрожденіе подвело идейный фундаментъ подъ народническое направленіе украинскаго движенія, въ практическія задачи котораго органически входятъ вопросы крѣпостного права, устройство хозяйственнаго и общественнаго быта крестьянъ, культурный подъемъ народной массы. Вопросы эти явились и главными мотивами творчества въ украинской литературѣ; такого, напр., яркаго протеста противъ крѣпостного права, какъ въ произведеніяхъ Шевченка, не видимъ ни въ одной литературѣ. Такимъ образомъ, основнымъ, исторически-традиціоннымъ принципомъ украинскаго движенія всегда былъ и остается принципъ демократическій—благо украинской народной массы. А такъ какъ полнота жизни послѣдней выражается въъ

интересахъ и потребностяхъ не только соціально-экономическихъ, но и національныхъ, то и національный элементъ также составляетъ органическую часть украинскаго движенія. „Мотивы соціальнаго характера совпадаютъ съ національными и тѣсно сплетаются съ ними, такъ какъ народныя массы представляютъ собою главный національный контингентъ, залогъ національнаго развитія и силы" (проф. М. Грушевскій).

Отсюда ясно, какъ вообще несообразны предпринимаемыя иногда противниками украинскаго движенія попытки изобразить это народно-демократическое теченіе, какъ явленіе реакціонное. Такія попытки могутъ исходить изъ стремленія очернить это движеніе во что бы то ни стало, совершенно не считаясь ни съ фактами современной дѣйствительности, ни со всей его исторіей. Въ тѣхъ же мотивахъ находятъ себѣ объясненіе и аналогичныя попытки представить украинство движеніемъ противообщественнымъ. На исторической канвѣ жизни украинскаго народа вытканы начала общественнаго строя—болѣе совершенныя, чѣмъ тѣ, какія встрѣтилъ украинскій народъ при своемъ вступленіи въ составъ русскаго государства. Конституціонный строй польскаго государства, хотя бы и съ рѣзкимъ сословнымъ характеромъ, корпоративность и выборная форма общественныхъ организацій—все это создало традиціи народоправства и общественнаго самоуправленія, и стремленіе къ осуществленію этихъ началъ являлось тѣмъ болѣе напряженнымъ, что они уже впитаны были во всѣ поры народной жизни и традиція ихъ упорно держалась и въ народномъ сознаніи, а тѣмъ болѣе—въ сознаніи идейныхъ представителей украинскаго народа. Начала народоправства и общественнаго самоуправленія, направленныя къ созданію благопріятныхъ условій для общественной самодѣятельности, не вызываютъ сомнѣній въ своемъ идейномъ качествѣ и являются весьма цѣнными въ общественномъ смыслѣ, отрицательная же оцѣнка ихъ можетъ имѣть мѣсто лишь съ точки зрѣнія ультра-реакціонной, враждебно настроенной ко всякому общественном развитію.

Отношеніе прогрессивныхъ круговъ къ украинскому движенію.

Въ самые послѣдніе годы къ голосу правыхъ націоналистовъ, въ выступленіяхъ противъ украинскаго движенія, присоединились, къ сожалѣнію, и нѣкоторые представители прогрессивныхъ группъ русскаго общества. Отношеніе русской интеллигенціи къ украинскому вопросу всегда было нѣсколько двойственнымъ. Еще раньше, когда украинство впервые выступило на арену общественно-политической жизни, видимъ, съ одной стороны, что радикальная пресса, въ лицѣ Добролюбова и Чернышевскаго, вполнѣ сочувственно относилась къ украинской литературѣ, какъ орудію культурнаго подъема украинскаго населенія, а съ другой— у литераторовъ-западниковъ явственно звучала нотка пренебрежительнаго недовѣрія къ украинскимъ стремленіямъ, которыя трактовались, какъ проявленіе узкаго провинціализма или какъ предпринятое съ негодными средствами покушеніе пріостановить историческій процессъ развитія русскаго національнаго организма (напримѣръ, А. П. Милюковъ въ „Эпохѣ“ 1864 г.).

Однимъ изъ мотивовъ тогдашняго недовѣрчиваго отношенія прогрессивныхъ круговъ къ украинскому движенію былъ пестрый составъ его участниковъ. Въ этомъ періодѣ, когда пути украинскаго движенія только еще выяснялись, въ средѣ украинскихъ дѣятелей встрѣчалось не мало людей консервативнаго образа мыслей. Таковъ, напримѣръ, Морачевскій, инспекторъ нѣжинскаго лицея,—переводчикъ евангелія на украинскій языкъ и авторъ патріотической поэмы о Крымской войнѣ; таковые примыкавшіе къ украинскому движенію представители духовенства—Гречулевичъ, Опатовичъ, Лебединцевъ—и чиновники, проводившіе правительственную политику,—какъ, напр., одинъ изъ выдающихся украинскихъ беллетристовъ Стороженко.

Послѣ указа 1876 г., когда украинское движеніе было стѣснено въ своемъ нормальномъ развитіи въ Россіи и въ значительной степени было перенесено за границу, русское

общество вообще мало соприкасалось съ его сущностью и потому отношенiе къ нему не было вполнѣ опредѣленнымъ. Положенiе дѣла существенно мѣняется съ 1905 г., когда украинцы получили возможность въ опредѣленныхъ постулатахъ формулировать свое мiровоззрѣнiе, послѣдовательно развившееся и окрѣпшее на прогрессивно-демократической почвѣ. Въ общей волнѣ освободительнаго движенiя украинское теченiе не только не потѣрялось, но даже получаетъ болѣе ясное и опредѣленное выраженiе для широкихъ круговъ русскаго общества и встрѣчаетъ съ его стороны сочувствiе своимъ нацiонально-общественнымъ постулатамъ. Въ первой же общественной организацiи, широко поставившей и разрѣшившей общiя проблемы русской жизни,—на московскомъ земскомъ съѣздѣ,—былъ разрѣшенъ положительно вопросъ о правѣ украинскаго народа на нацiональное самоопредѣленiе, и съ тѣхъ поръ и въ русскихъ прогрессивныхъ общественныхъ организацiяхъ, и въ русской прогрессивной прессѣ звучитъ голосъ сочувствiя украинскому нацiональному движенiю, какъ прогрессивно-демократическому факту общественной жизни. Но въ самые послѣднiе годы, когда широко разлившееся въ русскомъ обществѣ нацiоналистическое теченiе не осталось безъ влiянiя и на нѣкоторые прогрессивные элементы, стало проявляться со стороны этихъ именно элементовъ и враждебное отношенiе къ украинству.

Выразителемъ этого новаго теченiя прогрессивной мысли явился извѣстный публицистъ и политическiй дѣятель Струве. Послѣ того какъ сживившаяся съ 1905 г. дѣятельность украинской интеллигенцiи обратила на себя пристальное вниманiе правящихъ сферъ и нацiоналистической прессы, Струве съ 1911 г., съ своей стороны, выступилъ съ опредѣленнымъ и рѣзкимъ осужденiемъ украинскаго движенiя. Обвиняя украинскую интеллигенцiю въ стремленiи нарушить этнографическую цѣлость русской народности и раздвоить русскую культуру, Струве высказался противъ культивированiя украинскаго языка для потребностей школы и общественной жизни и призывалъ русское общество энергично и „безъ поблажекъ“ борется „съ украинскимъ партикуляризмомъ“. Выступленiя Струве, естественно, встрѣтили го-

рячій пріемъ и сочувственные отзывы въ лагерѣ правыхъ и націоналистовъ. Въ исходящихъ изъ этихъ круговъ статьяхъ и „изслѣдованіяхъ" по украинскому вопросу мнѣніями Струве мотивируется уже не только необходимость общественной борьбы съ украинствомъ, но и потребность административныхъ мѣропріятій противъ „мазепинцевъ" и „мазепинства".

Въ прогрессивныхъ кругахъ взгляды Струве, повидимому, сочувствія не встрѣчали. Отмѣченныя выше выступленія прогрессивныхъ партій по украинскому вопросу въ четвертой Государственной Думѣ указывали на преобладающее правильное пониманіе украинскихъ постулатовъ и на тогдашнюю готовность русскаго прогрессивнаго общества содѣйствовать ихъ осуществленію.

Офиціальная идеологія великорусскаго централизма.

Если правые и националистскіе круги русскаго общества, въ силу упрощенности своего міровоззрѣнія, не усваивали органической связи украинскаго движенія въ назрѣвшими реформами внутренняго строя и съ легкимъ сердцемъ пришпиливали ему ярлыки сепаратизма и отщепенства, то правительство стараго режима занимало по отношенію къ украинству нѣсколько иную позицію, болѣе близкую къ позиціи Струве. Достаточно зная фактическую сторону украинскаго движенія, правящіе круги не находили, повидимому, удобнымъ говорить о наличности въ немъ сепаратизма, „мазепинства" и тому подобныхъ противогосударственныхъ теченій, упоминаемыхъ въ инсинуаціяхъ націоналистовъ. Исходною точкою правительственной политики въ украинскомъ вопросѣ, настолько можно было судить по офиціальнымъ документамъ послѣдняго времени, являлись исключительно грядущія опасности, которыми украинское движеніе якобы угрожаетъ русской государственности и общероссійской культурѣ въ будущемъ. Суть дѣла отъ этого, впрочемъ, не мѣнялась, ибо принимаемыя противъ украинцевъ мѣры были столь же суровы, какъ если бы онѣ были вызваны не опа-

сеніями, а самыми реальными фактами государственнаго распаденія.

Выше уже былъ цитированъ одинъ изъ документовъ этого рода—циркуляръ покойнаго Столыпина отъ 20 января 1910 года объ инородческихъ обществахъ,—при чемъ къ числу инородцевъ были вполнѣ опредѣленно отнесены и украинцы,—объявившій всякое объединеніе на почвѣ національныхъ интересовъ несоотвѣтствующимъ русскимъ государственнымъ задачамъ. Спеціально украинскому вопросу посвящено другое произведеніе того же автора,—рапортъ сенату въ началѣ 1911 г., по поводу отказа въ утвержденіи устава одного украинскаго общества. Приводимые въ рапортѣ мотивы отказа крайне характерны. Усматривая изъ устава общества, что основою его дѣятельности являются культурныя цѣли, министръ высказывалъ, что „такая цѣль для украинскаго общества, съ точки зрѣнія русской государственной власти, представляется крайне нежелательной и противорѣчитъ всѣмъ начинаніямъ, которыя правительство проводитъ по отношенію къ бывшей Украйнѣ. Исходя изъ того положенія, что три главныхъ отрасли восточнаго славянства, и по происхожденію и по языку, не могутъ не составлять одного цѣлаго, наше правительство, начиная съ XVII столѣтія, постоянно боролось противъ движенія, извѣстнаго въ наше время подъ наименованіемъ украинскаго и олицетворяющаго собою идеи возрожденія прежней Украйны и устройство малорусскаго края на автономныхъ національно-территоріальныхъ началахъ". По этимъ соображеніямъ, правительство считаетъ необходимымъ бороться съ украинскими обществами, такъ какъ они, „подъ видомъ культурно-просвѣтительныхъ цѣлей, можетъ быть, сами того не сознавая, содѣйствуютъ возрожденію украинскаго сепаратистическаго движенія".

Въ этомъ освѣщеніи политика репрессій являлась средствомъ предупрежденія грозящаго государству раскола, лѣкарствомъ противъ болѣзни, якобы разъѣдающей государственный организмъ. Не отрицая за правительствомъ права прибѣгать къ мѣрамъ, диктуемымъ чувствомъ государственнаго самосохраненія, нельзя, однако, признать сколько-ни-

будь основательными приведенныя соображенія и логичными—вытекающіе изъ нихъ выводы. Соображенія столыцинскаго рапорта убѣждали только въ одномъ: что правительственная политика въ украинскомъ вопросѣ продолжала руководиться предвзятыми идеями, не согласованными съ требованіями реальной жизни. Всѣ мѣропріятія правительства въ этой области основывались на положеніи, что „три главныхъ отрасли восточнаго славянства и по происхожденію и по языку *не могутъ не составлять одного цѣлаго*". А между тѣмъ изъ данныхъ науки вытекаетъ, какъ мы видѣли, что эти „три отрасли восточнаго славянства" на памяти исторіи никогда не составляли и до сихъ поръ не составляютъ одного цѣлаго, ни по происхожденію, ни по языку. Ясно, что предпосылка была взята правительствомъ ошибочная и что съ какою бы настойчивостью ни повторялась свыше министерская директива: „не могутъ не составлять! должны составлять одно цѣлое!"—а онѣ, эти отрасли, и впредь будутъ жить каждая своею національною жизнью. И не онѣ своимъ упорствомъ „противорѣчили начинаніямъ правительства", а правительство своими начинаніями шло вразрѣзъ съ требованіями жизни. Ибо эта злосчастная борьба правительства съ призракомъ „бывшей", „прежней" Украйны на дѣлѣ сводилась къ борьбѣ съ культурными стремленіями и духовными запросами Украины живой, нынѣшней. Столыпинскими документами было объявлено офиціально и открыто, что культурно-просвѣтительная работа украинской интеллигенціи несовмѣстима съ видами правительства. Въ прямолинейности этого лозунга заключалось достоинство столыпинской политики, но въ ней же лежало и осужденіе этой политики по существу: борьба съ культурой, хотя бы во имя государственныхъ задачъ, есть крупная государственная ошибка, всегда ведущая за собою деморализацію, застой общественной жизни, обостреніе отношеній между властью и обществомъ. А когда къ вопросамъ культуры примѣшивается моментъ національный, то подавленіе духовной жизни „инородцевъ" въ интересахъ господствующей народности можетъ вызвать, въ видѣ реакціи, вовсе нежелательныя въ государственномъ и общественномъ смыслѣ настроенія и создать

благопріятную почву для тѣхъ самыхъ опасностей, которыми националистическая политика оправдываетъ свои дѣйствія; шовинизмъ притѣсняющихъ даетъ обильную пищу шовинизму притѣсняемыхъ: обычная трагедія администраторовъ, силящихся преградить или отвести теченіе рѣки отъ его естественнаго направленія.

Ростъ оппозиціонныхъ настроеній въ украинствѣ.

Не было гарантировано отъ подобныхъ осложненій и украинское движеніе. Можно сказать съ полною увѣренностью, что официальная политика въ украинскомъ вопросѣ была однимъ изъ вѣскихъ факторовъ роста оппозиціонныхъ настроеній въ украинскомъ обществѣ. Мы видѣли выше, что въ первой половинѣ минувшаго столѣтія среди дѣятелей украинской литературы и общественной жизни насчитывалось немало людей, правыхъ по политическимъ взглядамъ и вполнѣ патріотически настроенныхъ по отношенію къ общему отечеству—Россіи. Но, по мѣрѣ того какъ неудовлетворенность условіями національной жизни на Украинѣ ощущалась все острѣе и болѣзненнѣе, украинская интеллигенція становилась въ массѣ все болѣе оппозиціонною. Самые мирные и спокойные элементы украинскаго общества не могли не испытывать раздраженія противъ централистической политики, руководители которой ставили культурныя стремленія и просвѣтительную работу украинцевъ на одну доску съ революціонною агитаціей. И если въ украинской публицистикѣ, особенно закордонной, встрѣчались проявленія враждебныхъ чувствъ къ официальной Россіи, если въ отдѣльныхъ случаяхъ настроенія украинской интеллигенціи давали нашимъ націоналистамъ поводъ заподозривать сепаратистическія тенденціи, то въ этомъ приходится винить то огромное государственное недоразумѣніе, которое представлялъ собою проводимый политикою стараго режима принципъ борьбы съ украинскимъ движеніемъ. Чувство протеста противъ несправедливостей господствующаго строя въ единичныхъ проявленіяхъ вообще можетъ принимать острыя формы. Мы знаемъ, напр., до какого напряженія дошла у

Шевченка ненависть къ режиму крѣпостного права; кроткій по натурѣ, чистой и нѣжной души человѣкъ, Шевченко въ своихъ политическихъ произведеніяхъ доходитъ до крайнихъ рѣзкостей противъ носителей власти, которыхъ онъ считалъ виновниками переживаемыхъ народомъ мукъ рабства. Въ сферѣ національныхъ интересовъ украинская интеллигенція, какъ мы видѣли, имѣла немало матеріала для подобныхъ болѣзненныхъ вспышекъ, и можно только удивляться ихъ немногочисленности. Очевидно, украинцамъ была чужда мысль о политическомъ сепаратизмѣ, если изъ проявленій недовольства націоналистическою политикою не создалось сколько-нибудь вліятельнаго теченія въ этомъ направленіи. Но тѣмъ болѣе была неумѣстна и вредна та атмосфера навѣтовъ и заподозриванія, которою офиціальная политика окружала украинское движеніе.

Неудача ассимиляціи.

Какіе же, въ концѣ концовъ, результаты дала политика, основанная на великорусскомъ націонализмѣ? Долгій періодъ, въ теченіе котораго, по выраженію цитированнаго выше офиціальнаго документа, правительство боролось противъ украинскаго движенія, можно считать достаточнымъ для выясненія того, насколько были цѣлесообразны стремленія офиціальной политики и производительны усилія, затрачиваемыя на ея проведеніе. Отвѣтъ на поставленный выше вопросъ ясенъ уже изъ того факта, что, несмотря на принимаемыя мѣры къ сліянію „трехъ отраслей восточнаго славянства“ въ одно цѣлое, украинское движеніе, какъ мы видѣли, продолжало неуклонно расти и развиваться. Но такъ какъ и объединительные лозунги до сихъ поръ еще не теряютъ своего значенія во внутренней политикѣ, то не мѣшаетъ подробнѣе остановиться на сопоставленіи положительныхъ задачъ, которыя себѣ ставилъ великорусскій націонализмъ, съ полученными результатами.

Основная задача—ассимиляція украинскаго населенія съ великорусскимъ, если не говорить о городахъ, подвигается весьма туго. Мы уже приводили отзывъ такого ан-

тагониста украинскаго движенія, какъ академикъ Соболевскій,—который вынужденъ былъ заявить, что „малоруссы держатся за свой языкъ и свои бытовыя особенности“ и что „столѣтіе близкаго сосѣдства малороссовъ съ великороссами не превратило ихъ въ великороссовъ“. Этотъ выводъ будетъ еще знаменательнѣе, если принять во вниманіе, что вліяніе великорусскаго начала не исчерпывалось однимъ „близкимъ сосѣдствомъ“, хотя бы и въ теченіе столѣтій. Необходимо учесть всю силу натиска государственнаго строя, насыщеннаго великорусскимъ національнымъ элементомъ, все объединительное значеніе такихъ установленій, какъ школа, церковь, судъ, мѣстная администрація во всѣхъ ея мельчайшихъ развѣтленіяхъ—наконецъ, всеобщая воинская повинность, съ тенденціей къ передвиженію новобранцевъ подальше отъ родины, нужно взвѣсить воздѣйствіе всѣхъ иныхъ слагаемыхъ русской культуры, каковы—литература, искусство, пресса, торговля, промышленность, желѣзныя дороги,—чтобы оцѣнить, въ концѣ концовъ, всю огромную важность удостовѣряемой академикомъ Соболевскимъ безуспѣшности всѣхъ этихъ вліяній.

Конечно, великорусская культура оставляетъ извѣстный осадокъ на украинскомъ населеніи, но денаціонализируетъ она лишь тонкій поверхностный слой національнаго украинскаго тѣла, не проникая въ его глубину. Средніе слои украинскаго дворянства и внѣсословной интеллигенціи, несмотря на тѣсное соприкасаніе съ соотвѣтствующими кругами великорусскаго общества, сохраняютъ тяготѣніе къ голосамъ и вздохамъ родной земли и родного народа. Процессъ ассимиляціи въ этихъ слояхъ проходитъ не безъ внутренней борьбы и сомнѣній, лучше всего охарактеризованныхъ Гоголемъ, который, какъ извѣстно, не могъ распознать, какая у него, въ сущности, душа: „хохлацкая“ или „русская“. На самомъ дѣлѣ, у него въ русской оболочкѣ продолжала жить украинская душа, проявлявшая себя темпераментомъ, духомъ и строемъ языка, національными симпатіями. То же самое можно сказать о большинствѣ украинской интеллигенціи, усвоившей русскую культуру. Даже въ рядахъ наиболѣе консервативныхъ элементовъ украинскаго общества

можно иногда наблюдать своеобразное національное самосознаніе,—правда, примитивное.—въ формѣ влеченія къ украинскому этнографизму и ретроспективныхъ симпатій къ историческому прошлому Украины. Таковы нынѣшніе Савенки, Скоропадскіе, Шульгины, Капнисты,—таковъ почаевскій монахъ Виталій съ его культомъ козацкихъ украинскихъ могилъ...

Значительная часть украинскаго общества не только въ полной мѣрѣ сохранила свою „хохлацкую" душу, но и сознаетъ логическую необходимость воплощенія этой народной души въ украинскія, а не „русскія" національныя формы. Наблюденія надъ народною жизнью даютъ этой части украинской интеллигенціи обильный матеріалъ для отрицательнаго отношенія къ политикѣ руссификаціи и для глубокаго убѣжденія въ томъ, что кратчайшій путь къ просвѣщенію и культурѣ украинскихъ народныхъ массъ лежитъ къ національизаціи средствъ просвѣщенія и формъ культурной жизни. Кадры сознательной украинской интеллигенціи состоятъ изъ людей близкихъ къ землѣ,—выросшихъ среди народа: здѣсь и помѣщики, свободные отъ классовыхъ предразсудковъ, и педагоги, въ ежедневной практикѣ ощущающіе болѣзненную ненормальность нынѣшней постановки народной школы,—и земскіе работники, изучившіе народную жизнь и народную душу; здѣсь и люди свободныхъ профессій, воспринявшіе сознаніе своего національнаго „я" изъ изученія родного края и родного народа, его исторіи, языка и творчества. Къ этимъ же кадрамъ, наконецъ, примыкаетъ и сельская интеллигенція, въ томъ числѣ и духовенство, часто не проявляющее своихъ національныхъ симпатій только изъ боязни разойтись съ доминирующею въ данный моментъ офиціальною точкою зрѣнія. Украинское національное самосознаніе охватываетъ, такимъ образомъ, самые разнообразные слои среднихъ классовъ общества, съ различными оттѣнками политическихъ взглядовъ. Культура, усвоенная украинскимъ обществомъ въ великорусскихъ формахъ, не ослабляетъ его національнаго самосознанія, которое находитъ себѣ пищу и въ русской наукѣ и литературѣ.

Чѣмъ ближе къ народнымъ низамъ, къ корнямъ народ-

наго организма, тѣмъ слабѣе лежащій на украинцахъ налетъ великорусской культуры и тѣмъ сильнѣе бьетъ родникъ живыхъ силъ національнаго украинскаго духа. Въ населеніи украинской деревни денаціонализованные элементы составляютъ незначительную часть,—остальная крестьянская масса является цѣльнымъ, нетронутымъ національнымъ тѣломъ, сохранившимъ свой обликъ, свою сущность, свою рѣчь, чистоты которой не могутъ нарушить отдѣльные элементы великорусскаго языка, вторгающіеся въ украинскую стихію, въ видѣ искалѣченныхъ словечекъ, какими щеголяютъ единичные представители „цивилизованной" сельской полуинтеллигенціи. Національное самосознаніе сельскаго населенія, правда, развито слабѣе, но это въ силу той самой причины, которая обусловливаетъ и его низкій культурный уровень: въ чужихъ, великорусскихъ формахъ культура украинскими народными массами воспринималась трудно,—а въ формахъ родной рѣчи ее къ нимъ не допускали. Съ ростомъ образованія и культуры, неизбѣжно, будетъ усиливаться и національный украинскій моментъ въ міросозерцаніи народныхъ массъ на Украинѣ.

Такимъ образомъ, двухсотлѣтняя борьба съ украинскимъ движеніемъ не уничтожила этнографической обособленности украинскаго народа и не достигла слiянія „вѣтвей восточнаго славянства" въ одно національное цѣлое. Господствующая народность не нашла въ себѣ достаточно силъ, чтобы въ своей культурѣ растворить украинцевъ и фактически отождествить два понятія: „русскій" и „великорусскій". А направленныя къ этой цѣли внѣшнія воздѣйствія только отдалили ея достиженіе, обостривъ національныя отношенія въ странѣ и создавъ, въ концѣ концовъ, благопріятную почву для шовинистическихъ настроеній въ украинствѣ. Съ этой точки зрѣнія истинными сепаратистами въ Россіи, по справедливости, можно назвать идейныхъ вдохновителей борьбы противъ украинскаго движенія и тѣхъ близорукихъ администраторовъ, которые съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, осуществляли эту борьбу на практикѣ.

Отрицательное вліяніе репрессій на общественную жизнь.

Но вредныя послѣдствія политики репрессій не исчерпывались ненормальными эксцессами здороваго въ корнѣ національнаго движенія. Подъ давленіемъ этой политики, общественная жизнь украинскихъ губерній вообще проходила въ нездоровой атмосферѣ: недовѣріе вызываетъ недовѣріе, притѣсненія вызываютъ отпоръ и раздраженіе. Общественная работа, при такихъ условіяхъ, являлась мало продуктивною, ибо значительную часть своей энергіи украинская интеллигенція вынуждена была затрачивать на преодолѣніе ненужныхъ треній, внѣшнихъ препятствій; естественныя точки приложенія энергіи становились для интеллигенціи недоступными. Съ другой стороны, болѣе слабые элементы украинскаго общества просто атрофировались, теряли связь съ народомъ, дѣлались вялыми, анемичными, въ одинаковой степени чуждыми какъ мѣстнымъ, такъ и общегосударственнымъ интересамъ.

Особенно вредное вліяніе въ данномъ отношеніи оказываетъ та обстановка, въ которой происходитъ подготовка будущихъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Высшая и средняя школа на территоріи Украины совершенно оторваны отъ той жизненной среды, въ какой предстоитъ дѣйствовать ихъ питомцамъ. Ни условія правовой и экономической жизни, ни языкъ, ни литература, ни исторія украинскаго народа не изучаются и не преподаются. Ни однимъ изъ университетовъ, расположенныхъ на украинской территоріи, не включены въ програму преподаванія важнѣйшія по своему практическому значенію дисциплины—экономика и статистика края, столь необходимыя въ экономическихъ интересахъ мѣстнаго населенія. Различныя отрасли украиновѣдѣнія входятъ въ университетскіе курсы—въ лучшемъ случаѣ— лишь въ видѣ частныхъ отдѣловъ, въ большей или меньшей мѣрѣ неполныхъ и отрывочныхъ. Когда не изучаются родной край и народъ, когда не изслѣдуются разнообразныя условія, въ которыхъ живутъ отдѣльныя мѣстности нашего громаднаго, не укладывающагося въ одну общую мѣрку, государства,

когда нѣтъ людей съ научными интересами, обращенными на ближайшія реальныя условія жизни, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ быть мѣста и для условій, какія содѣйствовали бы укрѣпленію связи интеллигентныхъ силъ съ тою жизненною средой, къ которой онѣ принадлежатъ по рожденію или по условіямъ дѣятельности и которая нуждается въ культурномъ ихъ воздѣйствіи.

Въ конечномъ результатѣ отъ этого страдали, помимо интересовъ научныхъ, насущнѣйшіе культурные и экономическіе интересы края. Упадокъ его слишкомъ великъ—и даже весьма благопріятныя природныя условія не могли восполнить той громадной потери, какая происходила вслѣдствіе разобщенности между мѣстной интеллигенціей и объектомъ приложенія ея культурныхъ силъ. Какъ только что было указано, главная причина этой разобщенности заключалась въ той атмосферѣ подозрительнаго недовѣрія ко всякой мѣстной дѣятельности и ко всякому удовлетворенію мѣстныхъ интересовъ, какое обычно проявлялась сверху въ такихъ случаяхъ и какое характернѣе всего выражалось въ неправильной постановкѣ мѣстныхъ образовательныхъ средствъ. Вотъ почему украинскія губерніи, по признанію даже націоналистической прессы („Кіевлянинъ"), страдаютъ недостаткомъ интеллигентныхъ работниковъ, способныхъ посвятить свои силы изученію родного края, использованію его природныхъ богатствъ, культурному подъему его населенія; и богатая Украина,—„житница" Россіи, „край, гдѣ все обильемъ дышетъ",—до сихъ поръ остается на несоотвѣтственно низкомъ культурномъ и экономическомъ уровнѣ.

Вредныя послѣдствія репрессій для народнаго просвѣщенія.

Особенно страдали отъ такого положенія, естественно, украинскія народныя массы, просвѣщеніе и культурный подъемъ которыхъ искусственно тормозился мѣрами противъ украинскаго языка. Общегосударственная постановка народнаго образованія не удовлетворяла потребностямъ народа, для котораго усвоеніе курса начальной школы является часто

непосильнымъ, въ виду затрудненій, представляемыхъ великорусскимъ языкомъ преподаванія.

Статистика грамотности.

Положеніе это становится совершенно очевиднымъ, какъ только обратимся къ сравнительнымъ статистическимъ даннымъ о положеніи грамотности въ украинскихъ и великорусскихъ губерніяхъ. По даннымъ всероссійской переписи 1897 г., средній процентъ грамотности среди всего населенія Россіи составляетъ 23,3%, при чемъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ процентъ этотъ повышается до 36,1%. Грамотность же украинскаго населенія не поднимается выше 16,4% (Черниговская губ.), понижаясь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ до 10,5% (Подольская губ.), до 9,4% (Волынская губ.) и даже до 6,3% (Овручскій уѣздъ). Равнымъ образомъ, въ великорусскихъ губерніяхъ (по даннымъ VII вып. „Статистич. свѣдѣній по народному образованію въ Европ. Россіи", изд. М. Н. П.) грамотные новобранцы составляютъ 81% или свыше $^4/_5$ всего числа принятыхъ въ военную службу изъ этихъ губерній, при чемъ по отдѣльнымъ великорусскимъ губерніямъ принятые новобранцы почти поголовно грамотны (напр., по Ярославской губ.—94%), въ украинскихъ же губерніяхъ число грамотныхъ новобранцевъ—55%—лишь немногимъ болѣе половины всего числа ихъ, при чемъ ни въ одной изъ этихъ послѣднихъ губерній число грамотныхъ не поднимается выше 66%, не достигая такимъ образомъ средней нормы грамотности новобранцевъ въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, но зато понижаясь по отдѣльнымъ украинскимъ губерніямъ до 46% (Подольская губернія) и даже 39% (Волынская). Къ совершенно аналогичнымъ выводамъ приходимъ при разсмотрѣніи данныхъ о количествѣ грамотныхъ новобранцевъ, имѣющихъ свидѣтельства на льготу 3-го разряда. Въ среднемъ по Россіи, такихъ новобранцевъ—24,6%, при чемъ эта средняя норма варіируется по отношенію къ великорусскимъ и малорусскимъ губерніямъ слѣдующимъ образомъ: въ 9 центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ она повышается, въ среднемъ, до 42,4%, и, наоборотъ, въ 8 украинскихъ понижается до средней нормы въ 20,9%, т.-е. втрое меньшей.

Такъ какъ разница въ числѣ учащихся дѣтей школьнаго возраста въ великорусскихъ и малорусскихъ районахъ не столь значительна (около 5% всего населенія), то указанная разница въ грамотности взрослаго великорусскаго и малорусскаго населенія можетъ быть объяснена только рецидивомъ безграмотства среди этого послѣдняго. Это печальное явленіе среди украинскаго населенія—слишкомъ обычно и наблюдается уже спустя 3—4 года по выходѣ изъ школъ. „При посѣщеніи школъ въ качествѣ члена училищнаго совѣта", — говоритъ предсѣдатель Черниговской земской управы В. Хижняковъ,—„я встрѣчалъ въ селахъ примѣры, что черезъ 3—4 года по окончаніи школы совсѣмъ забыли читать" („Педагогическіе курсы для учителей Черниговской губерніи").

Позднѣйшія статистическія данныя указываютъ на извѣстный ростъ грамотности, но соотношеніе между украинскими губерніями и другими районами Россіи остается все также неблагопріятнымъ. Предпринятое министерствомъ народнаго просвѣщенія изслѣдованіе положенія начальнаго образованія по учебнымъ округамъ даетъ въ этомъ смыслѣ весьма любопытныя цифры. Оказывается, что въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, охватывающемъ 5 украинскихъ губерній, несмотря на жгучую потребность въ образованіи, значительная часть учащихся въ начальныхъ школахъ (19%) выбываетъ изъ нихъ до окончанія курса,—въ то время, какъ въ Московскомъ учебномъ округѣ этотъ процентъ понижается до 17,7%, а въ С.-Петербургскомъ—до 16,8%. Еще рѣзче сказывается различіе условій обученія въ количествѣ оканчивающихъ начальную школу: изъ 100 поступившихъ въ нее въ С.-Петербургскомъ округѣ окончили въ 1910 году 12,3%, въ Московскомъ 10,3%, а въ Кіевскомъ—всего 9,1%.

Родной языкъ—осно[ва] просвѣщенія.

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, существуютъ по отношенію къ украинскому населенію какія-то особыя условія, искусственно понижающія его грамотность,—препятствующія вполнѣ успѣшному усвоенію имъ школьнаго образованія и затѣмъ вытравляющія изъ него уже пріобрѣтенную грамоту, возвращая его въ состояніе безграмотства. И это послѣднее

состояніе представляется особенно поразительнымъ на фонѣ старой культуры,—на отдѣльные элементы которой указывалось выше, на фонѣ богатой духовной жизни украинскаго народа, на фонѣ историческихъ данныхъ о состояніи его просвѣщенія [1]). Причину настоящаго культурнаго упадка украинскаго народа слѣдуетъ искать въ игнорированіи такого могучаго средства народной культуры, какимъ является родной языкъ обученія. Пренебреженіе живымъ народнымъ языкомъ въ школѣ создаетъ неодолимыя преграды правильному и естественному развитію учащихся и крайне отрицательно отражается на самыхъ результатахъ обученія. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ существенно различныхъ условіяхъ первоначальнаго обученія находятся великорусскія и украинскія дѣти, вслѣдствіе различія между языкомъ школьнаго обученія и живымъ разговорнымъ языкомъ населенія! Великорусскій ребенокъ, приходя въ школу, слышитъ изъ устъ учителя и находитъ въ книгѣ вполнѣ родную рѣчь, знакомую ему во всѣхъ оттѣнкахъ; образы, которые занимаютъ его воображеніе, близки ему; матеріалъ для чтенія приноравливается къ его пониманію и ко всей обстановкѣ его жизни; вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій, съ первыхъ же шаговъ грамотности, школьникъ извлекаетъ здѣсь изъ читаемаго всю сумму знаній безъ всякихъ внѣшнихъ затрудненій. Совсѣмъ въ другомъ положеніи оказывается украинскій ребенокъ, не обладающій знаніемъ русскаго языка,—во всякомъ случаѣ на столько, чтобы этотъ языкъ сталъ для него не только одною изъ цѣлей обученія, но и средствомъ,—при томъ единственнымъ — пріобрѣтенія знаній. И вотъ, вмѣсто того, чтобы всецѣло сосредоточивать свое вниманіе

---

[1]) Архидіаконъ Павелъ Алеппскій, проѣзжавшій вмѣстѣ съ патріархомъ Макаріемъ антіохійскомъ чрезъ Украину въ 1652 г., пишетъ въ своихъ запискахъ: „начиная съ города Рашкова (въ нынѣшней Подоліи) и по всей землѣ козаковъ мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать... Кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами... Дѣти многочисленнѣе травы, и всѣ умѣютъ читать, даже сироты“. По переписямъ 1740—1748 гг. въ семи полкахъ Гетманщины было 866 школъ на общее число 1094 поселеній. По Румянцевской описи въ Черниговскомъ полку было 143 школы на 142 села.

на трудномъ механизмѣ чтенія и письма, на усвоеніи содержанія изучаемаго, украинскій школьникъ главную долю своего вниманія удѣляетъ на изученіе неизвѣстныхъ словъ. Съ теченіемъ времени непонятный словесный матеріалъ все болѣе возрастаетъ; это тѣмъ болѣе затрудняетъ и подавляетъ украинскаго ребенка, что всѣ учебныя руководства предполагаютъ роднымъ языкомъ русскій и, слѣдовательно, вводятъ новый словесный матеріалъ безъ какой-либо постепенности и послѣдовательности. Все время, такимъ образомъ, умственныя силы школьника разбиваются въ двухъ направленіяхъ—въ сторону изученія непонятныхъ словъ и въ сторону усвоенія формулируемыхъ ими понятій и знаній, при чемъ на практикѣ усвоеніе познаній отодвигается на второй планъ и почти все время тратится на усвоеніе русскаго языка, являющееся главною, если даже не единственною, цѣлью обученія.

Вслѣдствіе этого, у украинскаго школьника движеніе впередъ совершается медленно, пассивно и не даетъ вполнѣ устойчивыхъ результатовъ. Прежній запасъ мысли развивается слабо. Новыя знанія, пріобрѣтенныя на языкѣ малопонятномъ и потому усвоенныя механически, со слабымъ участіемъ ума, разсужденія, логики и безъ всякаго участія воображенія, ассоціаціи идей,—не прочны. Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Мысль и языкъ" проф. А. Потебня показалъ, что человѣкъ не можетъ правильно мыслить на неродномъ для него языкѣ, такъ какъ ясность мысли обусловливается степенью соотвѣтствія возникающихъ въ представленіи образовъ ихъ словесной формѣ. Отсюда ясно, какія трудности приходится преодолѣвать неокрѣпшему дѣтскому уму при обученіи на языкѣ не материнскомъ. „Очевидно, что воспитанники такой школы (не пользующейся роднымъ языкомъ учениковъ, какъ главнымъ образовательнымъ средствомъ), при равенствѣ прочихъ условій, будутъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тѣхъ, которымъ при поступленіи въ нее нужно было бы не забывать, а лишь учиться, прилагая школьныя крохи къ огромному дошкольному запасу мысли" (А. Потебня „Языкъ и народность"). Отсюда понятны неизбѣжныя печальныя слѣдствія пренебреженія роднымъ язы-

комъ въ украинской школѣ: слабое развитіе грамотности, отсутствіе интереса къ знаніямъ, рецидивизмъ безграмотства,—всѣ признаки глубокаго культурнаго упадка, захватывающаго всѣ стороны духовной жизни украинской массы.

Прививая своимъ украинскимъ питомцамъ тотъ взглядъ, что русскій языкъ—это „настоящій“, культурный языкъ, а родной ихъ языкъ—испорченный жаргонъ, недостойный вниманія просвѣщенныхъ людей, внушая, такимъ образомъ, дѣтямъ пренебреженіе къ родному языку, школа создаетъ, по выраженію одного педагога (Вессель) „извращеніе духовной природы народа“. Когда родная рѣчь систематически ассоціируется съ представленіемъ о чемъ-то постыдномъ, грубомъ, невѣжественномъ, то невольно долженъ наступить при этомъ въ душѣ школьника внутренній разладъ, который приводитъ его къ разрыву съ родной ему средою, къ псевдокультурному превозношенію надъ нею со всѣми, неизбѣжно связанными съ этимъ отрицательными практическими и нравственными послѣдствіями или, при большей устойчивости душевнаго склада,—поселяетъ въ дѣтяхъ чувства вражды и протеста противъ всей системы офиціальной педагогіи и ея представителей [1]).

---

[1]) Ничего подобнаго, къ ихъ счастью, не испытываютъ школьники великорусскихъ губерній, но въ историческомъ прошломъ было время, когда украинскому элементу пришлось играть въ народной школѣ Россіи доминирующую роль и когда моральный гнетъ чужихъ для великорусскаго народа вліяній въ школѣ оказался такъ невыносимъ, что вызывалъ общественные протесты. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ въ одной изъ своихъ статей г. П. Струве.

„Черкасы“, сосредоточившіе на себѣ столько ненависти со стороны своихъ великорусскихъ учениковъ и выучениковъ, ставшихъ ихъ соперниками, были для великорусской школы „люди въ собственномъ смыслѣ чужіе, наѣзжіе изъ какой-то чужой стороны, какой тогда представлялась Малороссія, съ своеобразными привычками, понятіями и самой наукой, съ своей малопонятной, странной для великорусскаго уха рѣчью“. Они „не только не хотѣли приноровиться къ просвѣщаемому ими юношеству и призвавшей ихъ странѣ, но даже явно презирали великоруссовъ, какъ дикарей, надъ всѣмъ смѣялись и все порицали, что было не похоже на ихъ малороссійское, а свое выставляли и навязывали, какъ единственно хорошее. Сдѣлавшись преподавателями въ великорусскихъ школахъ, они не оставили даже своего провинціальнаго нарѣчія, вслѣдствіе чего... ни учителя учениковъ, ни ученики учителей не понимали. Преданность ихъ своему

Очевидно, что только съ помощью природнаго языка первоначальное обученіе можетъ итти легко, свободно, усвоеніе знаній будетъ прочно, умственное развитіе дѣтей пойдетъ нормально и будутъ устранены преграды для правильнаго духовнаго развитія украинскаго населенія.

Отзывы авторитетовъ.

Многіе педагогическіе авторитеты, которымъ приходилось теоретически или практически разрѣшать вопросъ о введеніи родного языка въ украинскую школу, съ замѣчательнымъ единодушіемъ рѣшали этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Такъ, упомянутый выше Н. Х. Вессель, членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, писалъ, что „общее образованіе безъ опоры на мѣстный элементъ невозможно", и находилъ необходимымъ, чтобы была „составлена книга для чтенія и на малороссійскомъ языкѣ, которой, хотя бы нѣсколько сносной, до сихъ поръ у насъ не существуетъ, такъ что въ Малороссіи въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ не по чему и учить дѣтей родному языку. А не обучать народъ родному языку— значитъ не дозволять развиваться мысли народной, всѣмъ духовнымъ силамъ народа, значитъ оставлять народъ въ постоянномъ младенчествѣ. Если же мы начнемъ обучать народъ не его языку, то сдѣлаемъ еще хуже: мы извратимъ всю духовную природу его" („Учитель", 1861 г.). То же самое высказывали и другіе извѣстные педагоги—бар. Н. Корфъ (въ своемъ руководствѣ для земскихъ гласныхъ и народныхъ учителей „Русская начальная школа"), В. И. Водовозовъ, К. Д. Ушинскій. Послѣдній нарисовалъ особенно яркую картину отрицательныхъ послѣдствій пренебреженія роднымъ языкомъ учащихся. „Мало успѣха будетъ имѣть та школа, въ которую дитя переходитъ изъ дома, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ

нарѣчію доходила до такой степени, что они даже въ классѣ осмѣивали формы великорусскаго нарѣчія и принуждали учениковъ объясняться такъ, какъ они сами говорили: напр., запрещали говорить: „въ Кіевѣ" и требовали, чтобъ говорили: „у Киеві" („Міръ Божій", 1901 г. VII).

Mutatis mutandis эту яркую характеристику національныхъ отношеній можно примѣнить и къ современной украинской народной школѣ.

темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо, непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу, а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя-малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавши дома ни одного великорусскаго слова, начинаетъ въ школѣ, съ перваго же дня, ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго малоросса при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ перваго же дня, и весьма неласково, напомнитъ ребенку, что онъ не дома, и безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значитъ она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтія; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже, чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчіи написать какую-нибудь ябеду: душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а

портитъ... Великорусская... грамота непремѣнно погибнетъ безъ всякаго добраго слѣда въ малороссійскомъ селѣ“.

Общественное мнѣніе частная иниціатива въ вопросѣ объ украинской школѣ.

Мысль о необходимости родного языка въ украинской школѣ, въ виду не только педагогическаго, но и болѣе широкаго культурно-общественнаго ея значенія, являлась, какъ уже указывалось выше, предметомъ неоднократнаго обсужденія ея въ печати, въ различнаго рода общественныхъ организаціяхъ (земства, городскія управленія, комитеты, просвѣтительныя общества, съѣзды, законодательныя учрежденія) и глубоко вошла въ общественное сознаніе. Вопросъ этотъ, такимъ образомъ, имѣлъ продолжительную и не лишенную убѣдительности исторію. Не былъ онъ новымъ и въ отношеніи практическаго осуществленія его.

Учебный матеріалъ имѣлся въ изобиліи и, конечно, не за нимъ была остановка, а только за формальнымъ юридическимъ правомъ его фактическаго примѣненія не только въ частномъ, семейномъ обученіи, но и въ школѣ. Какъ мы видѣли, частныя попытки введенія преподаванія въ народныхъ школахъ на украинскомъ языкѣ предпринимались; широко примѣнялась и общественная иниціатива въ дѣлѣ внѣшкольнаго просвѣщенія украинской массы на родномъ языкѣ, но всѣ эти попытки прекращались внѣшними мѣрами. Такимъ образомъ, и въ отношеніи начальной школы получалось то же самое положеніе, въ какомъ находились средняя и высшая школа на Украинѣ: примѣненіе всѣхъ типовъ школы къ потребностямъ украинскаго населенія являлось дѣломъ жизненной необходимости; необходимость эта была ясно сознана, были сдѣланы уже прочные практическіе шаги къ удовлетворенію назрѣвшей потребности, и все дѣло было лишь за тѣмъ, чтобы только не чинились внѣшнія препятствія къ осуществленію величайшей задачи школы—приближенія школы къ населенію. Но этого-то послѣдняго условія и не хватало, къ непоправимому ущербу для украинскаго населенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для всей страны вообще, насколько интересы цѣлаго связаны въ государствѣ съ интересами части.

Экономическія послѣдствія репрессій.

Задержка духовнаго развитія украинскаго населенія, какъ результатъ ненадлежащей постановки народнаго образованія, самымъ неблагопріятнымъ образомъ отражалась и на экономической сторонѣ жизни народа. Нынѣшнее жалкое экономическое положеніе украинскаго населенія, занимающаго богатѣйшія области Россіи и терпящаго хроническую нужду на своей землѣ, въ значительной мѣрѣ имѣетъ въ своемъ основаніи тѣ духовныя путы, которыми связано развитіе даровитаго народа, вслѣдствіе прискорбнаго пренебреженія наиболѣе естественными и правильными путями этого развитія.

Нельзя, конечно, упускать изъ виду вліянія всѣхъ иныхъ факторовъ, обусловливающихъ данный уровень экономическаго благосостоянія народа: экономическая политика государства, строй внутренняго управленія, соціальныя отношенія—всѣ эти условія имѣютъ свое, болѣе или менѣе крупное, значеніе въ общемъ комплексѣ причинъ экономическаго упадка украинскихъ губерній. Но изъ того, какъ трудно дается украинскимъ народнымъ массамъ борьба съ этими условіями, ясно, что существуетъ, кромѣ нихъ, еще причина, парализующая усилія украинскаго народа въ этой борьбѣ,— и эта причина — низкій уровень культуры и просвѣщенія, какъ результатъ нераціональной школы. „Крестьянинъ-украинецъ читаетъ гораздо меньше, чѣмъ великороссъ, и даже, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ отказывается отъ книгъ по сельскому хозяйству и медицинѣ, совершенно ихъ не понимая, и, слѣдовательно, лишается могучаго средства для поднятія своей сельско-хозяйственной культуры и для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Неудивительно, что книжки, издаваемыя для народа, хотя и украинскими просвѣтительными обществами, но на русскомъ языкѣ (кіевское и харьковское), имѣютъ сбытъ главнымъ образомъ не въ украинскихъ селахъ, а въ отдаленныхъ сѣверныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ

слабаго культурнаго роста малоросса, а, въ связи съ этимъ стоитъ и низкое развитіе его сельско-хозяйственной и промышленной культуры" (Доклады Лохвицкой комиссіи).

Оффиціальныя данныя обрисовываютъ экономическое положеніе украинскихъ губерній, по сравненію съ другими районами имперіи, въ весьма мрачномъ свѣтѣ. Крестьянство уже при уничтоженіи крѣпостного права на Украинѣ было обезпечено землею гораздо слабѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ государства; съ теченіемъ времени эта необезпеченность сильно возросла, при чемъ украинское крестьянство лишь въ небольшой сравнительно мѣрѣ компенсировало недостатокъ надѣльной земли арендою и покупкою. При такихъ условіяхъ, для сколько-нибудь споснаго существованія требуется наибольшее развитіе духовныхъ силъ населенія, проявленіе наивысшей творческой его энергіи. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, преобладающимъ выходомъ изъ тяжелаго положенія для него является самый радикальный, но вмѣстѣ и самый примитивный: уходъ съ родной земли въ далекія неизвѣстныя мѣста за лучшей долей. За 20 лѣтъ, съ 1885 по 1904 гг., четвертую часть всего переселенія въ Азіатскую Россію дали три губерніи—Полтавская, Черниговская, Харьковская, — потерявшія около 5 человѣкъ на каждую 1000 душъ сельскаго населенія, при общемъ процентѣ по 50 губерніямъ—въ 1,4 на 1000. („Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ Европейской Россіи".)

Промышленность въ украинскихъ губерніяхъ развита слабо и также не даетъ коренному ихъ населенію опоры для экономическаго подъема. Цѣлый рядъ промышленныхъ отраслей въ краѣ отсутствуетъ. Въ существующихъ производствахъ процентъ мѣстныхъ рабочихъ на Украинѣ значительно ниже средняго процента по всей Россіи, за исключеніемъ горнозаводскаго промысла и неквалифицированнаго труда (прислуга, поденщики, чернорабочіе). Мало этого: въ большей части производствъ рабочій-украинецъ вытѣсняется, въ силу низкаго культурнаго уровня, пришлымъ, болѣе культурнымъ, элементомъ. Приведенныя выше данныя по статистикѣ грамотности дѣлаютъ этотъ фактъ вполнѣ понятнымъ.

Чрезвычайно показательно сопоставленіе итоговъ сбора

продовольственныхъ хлѣбовъ въ украинскихъ губерніяхъ, по сравненію съ другими районами. Житель плодоносной, черноземной Украины, въ конечномъ результатѣ, гораздо менѣе обезпеченъ пропитаніемъ, чѣмъ житель центральныхъ губерній или Поволжья. Въ то время, какъ во всей черноземной полосѣ средній чистый остатокъ хлѣбовъ на 1 душу, за вычетомъ обсѣмененія, равенъ для сельскаго населенія 25,6 пуд., въ юго-западномъ районѣ онъ не превышаетъ 19,6 пуд., а въ малороссійскомъ районѣ—21,5 пуд. („Сводъ статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка", вып. 1). Эти цифры наглядно указываютъ, что роль житницы Россіи, во взякомъ случаѣ, выполняется Украиною весьма плохо и что виною этому—низкій уровень сельскохозяйственной культуры въ краѣ.

При такихъ условіяхъ и земельная политика послѣднихъ лѣтъ, по отношенію къ Украинѣ, была обречена на неудачу. По свѣдѣніямъ изслѣдователей, украинскіе хуторяне и отрубники живутъ нисколько не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ дворы, оставшіеся съ надѣльными или общинными землями.

V.

Украинскій вопросъ на фонѣ міровыхъ событій послѣдняго времени.

Роль украинскаго движенія во внѣшней политикѣ Россіи.

Идеологія русскаго славянофильства, въ ея примѣненіи къ украинской народности, нашла почву въ тѣхъ кругахъ галицко-украинскаго общества, которые, стоя по своему міровоззрѣнію далеко отъ демократическихъ лозунговъ, мыслили національное возрожденіе Галиціи въ видѣ культурнаго объединенія съ Россіей. Практическаго значенія идеи этихъ круговъ—старорусинскихъ или москвофильскихъ, какъ ихъ называли политическіе противники,—пріобрѣсти не могли, такъ какъ народнымъ массамъ Галиціи былъ чуждъ русскій языкъ, а слѣдовательно недоступно воздѣйствіе русской ли-

тературы. Сами москвофилы въ личномъ быту и своей политической работѣ пользовались формами и средствами галицко-украинской культуры, т.-е. прежде всего украинскимъ языкомъ. Но для русскихъ націоналистовъ, какъ и для офиціальныхъ русскихъ круговъ, москвофильское теченіе представлялось реальною политическою величиною, наличность которой поддерживала въ нихъ враждебное отношеніе къ украинской національной идеѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, духовное сродство галицкихъ москвофиловъ съ русскими націоналистами обязывало послѣднихъ не только къ моральной, но и къ матеріальной поддержкѣ москвофильскаго теченія, вошедшаго такимъ образомъ въ „сферу вліянія" Россіи, наравнѣ съ національными движеніями другихъ славянскихъ народностей Западной Европы. Въ польскихъ кругахъ Галиціи и въ австрійскихъ офиціальныхъ сферахъ связи москвофиловъ съ русскимъ панславизмомъ, естественно, не вызывали сочувствія, а это, въ свою очередь, придало москвофиламъ, въ глазахъ русскаго общества, ореолъ угнетаемыхъ братьевъ, взывающихъ объ освобожденіи „подъяремной Руси" отъ чужеземнаго ига.

Къ украинскому движенію австрійское правительство относилось сперва равнодушно и даже съ нѣкоторой опаской, но затѣмъ нарастающая культурная и политическая сила украинской народности побудила вѣнскія сферы пойти ея интересамъ навстрѣчу и даже оказывать украинцамъ нѣкоторую поддержку въ ихъ борьбѣ противъ польскаго засилія въ восточной Галиціи. Далеко въ этой поддержкѣ офиціальная Австрія не заходила, въ виду своихъ связей съ вліятельными польскими кругами, но все же относилась къ украинству благожелательно, въ особенности со времени обостренія противо-украинской политики въ Россіи: отвергаемое Россіею украинство становилось, въ глазахъ Австріи, возможною въ будущемъ опорою противъ панславистской опасности. Такимъ образомъ, позиція, занятая русскими офиціальными кругами въ украинскомъ вопросѣ, приводила къ постепенному усиленію русско-австрійскаго антагонизма, и безъ того уже вошедшаго въ традиціи русской внѣшней политики, на почвѣ балканскихъ отношеній. Аггрессивный

характеръ, усвоенный русскимъ націонализмомъ въ періодъ столыпинскаго режима, нашелъ свое отраженіе въ такой же аггрессивности австрійской администраціи, предпринявшей преслѣдованіе православнаго прозелитизма среди галицкихъ русинъ. Было инсценировано нѣсколько политическихъ процессовъ противъ дѣятелей москвофильства и адептовъ православія, которымъ предъявлялись обвиненія въ государственной измѣнѣ. Возбужденіе русскихъ націоналистовъ противъ австрійскаго гнета въ Галиціи настолько въ это время обострилось, что уже въ 1911 г. Россія едва не была вовлечена въ войну съ Австріей.

Событія на Балканахъ временно ослабили вниманіе Россіи къ „подъяремной Руси", но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осложнили общее политическое положеніе. Задачи русской политики на Ближнемъ Востокѣ встрѣтились съ новыми препятствіями—во взаимной борьбѣ балканскихъ народностей и въ оживленіи имперіалистическихъ тенденцій Германіи. Политическое и экономическое господство на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи издавна было завѣтною цѣлью стремленій германскихъ имперіалистовъ, въ ихъ поискахъ новыхъ пространствъ для эмиграціи и новыхъ точекъ приложенія для промышленной энергіи германцевъ. Русскій панславизмъ съ его традиціоннымъ тяготѣніемъ къ Царьграду стоялъ на германской дорогѣ серьезною угрозой, и потому въ перспективахъ, рисовавшихся теоретикамъ германскаго имперіализма, опредѣленно учитывалась неизбѣжность борьбы со славянствомъ и Россіей, учитывались и тѣ внутреннія осложненія въ жизни славянства, которыя могли облегчить эту борьбу нѣмцамъ. Не могло пройти мимо вниманія германскихъ политиковъ и ненормальное положеніе украинскаго вопроса въ Россіи. На этомъ вопросѣ, какъ и на развитіи балканскихъ междоусобій, несомнѣнно, строились опредѣленные разсчеты, раскрывавшіеся въ нѣмецкой прессѣ и спеціальной литературѣ. Объ опасностяхъ, угрожающихъ Россіи со стороны германскаго имперіализма, еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія писалъ Драгомановъ, предупреждая русское общество, что политика гоненій на украинство полезна только германскимъ интересамъ...

Хотя украинское движеніе не имѣло съ разсчетами германцевъ ничего общаго и не могло быть за нихъ отвѣтственно, но встревоженные ими русскіе націоналистическіе круги открыли цѣлый крестовый походъ противъ украинской идеи. Кромѣ нѣмецкихъ откровеній о грядущихъ перспективахъ, матеріаломъ для бросавшихся по адресу украинства упрековъ и обвиненій служили преимущественно факты галицкой политической жизни. Острыя формы, которыя приняла въ Галиціи борьба украинцевъ за право національнаго самоопредѣленія, вообще явились одною изъ причинъ оживленія интереса къ украинской народности въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ Западной Европы. Въ самой Австріи прежнее равнодушіе вѣнскаго правительства къ судьбѣ „рутеновъ" смѣнилось болѣе внимательнымъ отношеніемъ къ требованіямъ маленькаго народа, энергично отстаивавшаго свою самобытность. Стремленія галичанъ къ расширенію своихъ правъ въ области школы, къ выборной реформѣ, къ вліятельному участію въ областномъ самоуправленіи—мало-по-малу близились къ осуществленію. Но эта борьба создала въ Галиціи тяжелую политическую атмосферу, въ которой противъ украинскихъ дѣятелей выдвигались съ противной стороны разнообразныя обвиненія и инсинуаціи, въ томъ числѣ и старая версія о связи украинскаго движенія съ германскою политикой. Для распространенія этихъ обвиненій на все украинство въ цѣломъ, русскимъ націоналистамъ было достаточно того горячаго сочувствія, съ которымъ украинская интеллигенція въ Россіи слѣдила за культурными и политическими успѣхами своихъ австрійскихъ братьевъ. Устарѣлый терминъ „сепаратизмъ" смѣнился въ націоналистическихъ филиппикахъ противъ украинскаго движенія новою кличкою—„мазепинство". Дѣятели украинскаго національнаго возрожденія—галицкіе и россійскіе—обвинялись въ измѣнѣ славянской идеѣ, въ служеніи интересамъ германизма. Создалась новая версія о цѣляхъ „мазепинскаго" движенія, которому якобы предназначено было служить почвою для созданія изъ украинскихъ губерній, вмѣстѣ съ Галиціей, „Кіевскаго княжества" подъ властью Габсбурговъ. Руководителями этого движенія, по странной

путаницѣ понятій, считались и германскіе, и австрійскіе, и даже польскіе политики, не взирая на общеизвѣстный фактъ польско-украинскаго антагонизма и на далеко не дружелюбный характеръ польско-германскихъ отношеній. Эта новая точка зрѣнія на природу и задачи украинскаго движенія выразилась въ томъ ожесточеніи, съ какимъ выступили противъ него русскіе націоналисты, руководимые органами бюрократическаго централизма,—„Кіевляниномъ“ и „Новымъ Временемъ“. Такіе крайніе выразители націоналистическихъ настроеній, какъ „Русское Знамя“, въ совершенно опредѣленной формѣ требовали отъ правительства суровыхъ репрессій противъ украинскихъ дѣятелей, вплоть до казней. Страстная агитація націоналистовъ не осталась, конечно, безъ послѣдствій. Остатки украинской прессы и еще не ликвидированныя украинскія общественныя организаціи подверглись новымъ преслѣдованіямъ. Украинское движеніе вновь было привлечено къ отвѣту за старые грѣхи русской централистической политики и сдѣлалось жертвою международныхъ осложненій еще до начала міровой войны.

Міровая война и украинство.

Разразилась, наконецъ, и давно назрѣвавшая военная гроза. Украинской Галиціи суждено было сдѣлаться ареною первыхъ успѣховъ русскаго наступленія. Для украинцевъ война оказалась въ буквальномъ смыслѣ братоубійственною, такъ какъ на галиційскихъ поляхъ уроженцы русской Украины сражались противъ единокровныхъ племенъ зарубежной Руси. Каждая сторона была лояльна по отношенію къ своему государству, но несла кровь, смерть и разореніе родичамъ, подъ знаменемъ болѣе широкихъ общихъ задачъ. Съ обѣихъ сторонъ на этихъ знаменахъ былъ начертанъ лозунгъ «освобожденія». Галичане трактовали войну съ Россіей,какъ войну противъ русскаго деспотизма, уничтоженіе котораго должно было принести свободу и миръ человѣчеству. Для Россіи освободительныя цѣли войны заключались въ разрушеніи «лоскутной имперіи», послѣ котораго народности Австро-Венгріи, естественно, оказались бы на свободѣ. Каждой изъ этихъ

народностей былъ адресованъ русскимъ верховнымъ командованіемъ особый призывъ—на ея языкѣ,—за однимъ лишь исключеніемъ—украинцевъ. Этотъ симптоматическій пробѣлъ указалъ, что освобожденіе украинской народности, если и входило въ русскіе планы, то лишь въ томъ специфическомъ смыслѣ, какой придавали этой задачѣ націоналистическіе круги.

Украинское общество въ цѣломъ проявило, съ началомъ войны, не только полную лояльность, но и активное отношеніе къ нахлынувшимъ на страну событіямъ. При желаніи, русскіе націоналисты могли бы убѣдиться въ отсутствіи всякихъ основаній къ обвиненію украинцевъ въ австрофильствѣ. Еще до войны, въ первой стадіи австро-сербскаго конфликта, въ украинскомъ ежемѣсячникѣ «Літературно-Науковий Вістник», появилась статья проф. М. Грушевскаго «Сараєвська трагедія», въ которой авторъ высказалъ рѣшительное осужденіе оппортунизму галицко-украинскихъ политиковъ и ихъ склонности спекулировать на украинофильство высокихъ сферъ Вѣны; въ Австріи за эту статью книжка журнала была конфискована. Вслѣдъ за объявленіемъ Германіей войны Россіи, кіевскій ежедневный органъ украинской прессы «Рада», возлагая моральную отвѣтственность за войну на начинающаго, призывалъ украинцевъ, какъ подданныхъ Россіи, исполнить свой гражданскій долгъ въ отношеніи государства и своей ближайшей родины, которая могла сдѣлаться ареною военныхъ дѣйствій. Другой органъ украинской печати, московскій журналъ «Украинская Жизнь», выражая надежду, что наступившіе дни испытаній укажутъ русскому обществу и правящимъ кругамъ необходимость терпимаго отношенія къ украинцамъ Австріи и общаго благопріятнаго поворота во взглядахъ на украинскій вопросъ,—такъ характеризовалъ украинскую позицію въ надвинувшейся военной грозѣ: «Противники Россіи при переходѣ границы будутъ, конечно, стараться привлечь украинское населеніе на свою сторону и всякими обѣщаніями, политическими и національными посулами посѣять смуту среди него. Украинцы не поддадутся провокаціоннымъ воздѣйствіямъ и выполнятъ свой долгъ гражданъ Россіи въ это тяжелое время до конца,

и не только на полѣ брани, въ рядахъ братской рати, сражающейся противъ нарушителей мірового мира и права, но и какъ граждане-обыватели, обязанные въ мѣру своихъ силъ и возможностей содѣйствовать успѣшному выполненію русской арміей исключительно отвѣтственной задачи, выпавшей на ея долю».

И дѣйствительно, въ рядахъ русской арміи пошли на оборону государства не только сѣрыя массы украинскаго крестьянства,—тамъ несла общее бремя и лила свою кровь украинская интеллигенція; тамъ, на австрійскомъ фронтѣ, нерѣдко, быть можетъ, скрѣпя сердце, сталкивались въ защитѣ своей земли и своего отечества,—различнаго для каждаго,—родные братья по народности, по духу и языку, по глубокой любви къ обездоленному украинскому народу, разорванному на двѣ части кордономъ и, ни по ту, ни по другую его сторону, не нашедшему себѣ полноты національныхъ правъ. А въ то же самое время, въ тылу арміи представителями украинскаго общества организовывалась помощь раненымъ, устраивались національные украинскіе лазареты (въ Кіевѣ, Полтавѣ, Москвѣ, Петроградѣ) и оказывалась дѣятельная поддержка аналогичнымъ учрежденіямъ другихъ общественныхъ группъ.

Всѣ эти факты, достаточно убѣдительные для объективнаго взгляда, ничего не измѣнили въ отношеніяхъ русскихъ націоналистовъ къ украинской идеѣ. Старыя инсинуаціи о «прусскихъ маркахъ» и «австрійскихъ кронахъ» ожили въ новыхъ версіяхъ, почву для которыхъ давали выступленія проживавшихъ въ Австріи украинцевъ — эмигрантовъ и слухи объ организованномъ ими «союзѣ освобожденія Украины» отъ русскаго ига. Не считаясь съ тѣмъ, что увлеченія отдѣльныхъ и притомъ неотвѣтственныхъ лицъ не могутъ ставиться на счетъ всему украинскому движенію въ цѣломъ и что, при иномъ отношеніи къ украинскому вопросу въ Россіи, не было бы мѣста возникновенію подобныхъ крайностей шовинизма съ украинской стороны, націоналисты еще болѣе усилили агитацію противъ украинства, доходя въ своемъ изступленіи до геркулесовыхъ столбовъ обскурантизма и человѣконенавистничества: въ лицѣ авторитетныхъ

русскихъ ученыхъ, высказавшихся сочувственно по вопросамъ украинскаго языка и литературы, усматривалось орудіе «мазепинской интриги»; обвиненіе въ украинскомъ сепаратизмѣ предъявлялось высшимъ государственнымъ установленіямъ, какъ напр. Академіи наукъ за ея записку «объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго слова» и Святѣйшему Синоду за изданіе украинскаго перевода евангелія. Даже устройство украинскихъ лазаретовъ для раненыхъ воиновъ ставилось подъ подозрѣніе и трактовалось въ націоналистической прессѣ въ качествѣ «лазаретнаго сепаратизма».

Полный просторъ для примѣненія своихъ взглядовъ на украинскій вопросъ націоналисты получили въ Галиціи, которая, въ первые мѣсяцы войны, почти вся оказалась въ предѣлахъ русской оккупаціи. Дѣйствія русскихъ властей— военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ — носили вполнѣ согласованный характеръ и свидѣтельствовали о поставленной имъ задачѣ уничтоженія «мазепинскаго гнѣзда», какимъ восточная Галиція представлялась руководящимъ кругамъ Россіи. Задача эта выполнялась самымъ добросовѣстнымъ образомъ: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Галиція испытывала ужасы управленія, основаннаго на «истинно-русскихъ» началахъ; не осталась неразрушенною ни одна сфера украинской культурной и общественной жизни: были закрыты всѣ учебныя и просвѣтительныя учрежденія, запрещена пресса, подвергнута уничтоженію литература, разорены экономическія организаціи; вся оставшаяся на мѣстахъ интеллигенція—священники, учителя, кооператоры, наиболѣе сознательные элементы народныхъ массъ—тысячами эвакуировались въ Россію, гдѣ терпѣли тяжелыя лишенія въ полицейскихъ участкахъ, тюрьмахъ, на этапахъ и въ ссылкѣ; надъ оставшимся населеніемъ производились деморализующіе опыты «добровольнаго» присоединенія къ православію и внѣдренія идеаловъ русскаго единства. А такъ какъ въ то же время къ польскому элементу и польской культурѣ въ Галиціи отношеніе завоевателей было вполнѣ благожелательнымъ,—въ соотвѣтствіе съ общею политикой русскаго правительства, провозгласившаго, съ началомъ войны, лозунгъ объединенной автономной Польши,—то спеціальныя задачи

русскаго наступленія на австрійскомъ фронтѣ обрисовывались еще болѣе ярко...

Но тѣ же «истинно-русскія начала» вскорѣ внесли рѣзкое измѣненіе въ ходъ міровой войны. Русской арміи пришлось начать отходъ изъ Галиціи, закончившійся потерею Львова и общимъ отступленіемъ по всему фронту. Тяжелыя потери и открывшіяся язвы управленія отрезвили, наконецъ, увлекшихся націоналистовъ. Въ оставшейся еще подъ русскою оккупаціею части Галиціи правительственный режимъ былъ значительно смягченъ. Общее отношеніе офиціальныхъ круговъ къ украинскому движенію, однако, не измѣнилось; было ясно, что руководители русской политики не отказываются отъ своихъ надеждъ на подавленіе украинской національной идеи. Всякое улучшеніе положенія на фронтѣ оживляло эти надежды и вдохновляло администрацію на новыя мѣропріятія противъ украинства. Для общественной работы на Украинѣ создавались явно безнадежныя условія: по ликвидаціи войны, украинскому обществу угрожалъ возвратъ къ доконституціонному режиму, съ пріостановкою всѣхъ проявленій національной жизни. Что касается Галиціи, то ея присоединеніе къ Россіи при данныхъ условіяхъ, очевидно, было равносильно окончательной гибели украинской культуры.

Потрясающія впечатлѣнія галицкихъ событій произвели крутой переломъ въ украинскихъ настроеніяхъ. Перспективы грядущаго торжества реакціи обусловили развитіе пораженческихъ теченій, а въ крайнихъ группировкахъ украинскаго общества стала вновь замѣтна утрата вѣры въ лучшее будущее украинской народности въ рамкахъ русскаго строя. Широкіе круги украинства не стали, однако, на эту точку зрѣнія, признавая пораженчество, а тѣмъ болѣе сочувствіе враждебнымъ Россіи силамъ нелояльнымъ; отъ выступленій неотвѣтственныхъ группъ эмиграціи, открыто проводившихъ противорусскую политику, украинцы опредѣленно отмежевались; но и содѣйствіе правительству въ тѣхъ или иныхъ активныхъ формахъ уже не могло быть пріемлемо для украинскаго національнаго чувства.

Послѣдовавшій затѣмъ періодъ войны, съ безплодными

кровавыми жертвами, съ огромными потерями въ культурныхъ силахъ и матеріальныхъ средствахъ государства, поселилъ въ украинскомъ обществѣ убѣжденіе въ безцѣльности дальнѣйшихъ усилій неорганизованной, некультурной и придавленной полицейскимъ строемъ Россіи достичь положительнаго результата въ міровой войнѣ. Въ украинскихъ политическихъ заявленіяхъ начала 1917 г. высказывается жажда скорѣйшаго мира, какъ единственнаго средства уберечь страну отъ полнаго духовнаго и матеріальнаго разгрома. Прогрессивнымъ кругамъ русскаго общества украинцы слали горькія укоризны за оказанную правительственной политикѣ поддержку и за равнодушіе, проявленное ими къ судьбѣ украинской народности, которая служила одною изъ ставокъ Россіи въ кровавой игрѣ народовъ.

Революція и новыя формы украинскаго движенія.

Великое потрясеніе, освободившее Россію отъ цѣпей абсолютизма, вновь укрѣпило ослабнувшія связи украинцевъ съ русскимъ обществомъ. Коренное измѣненіе государственнаго строя открывало широкія возможности и радужныя перспективы для всѣхъ національныхъ вопросовъ страны, въ томъ числѣ и для украинскаго. Казалось, что послѣ заявленнаго революціоннымъ правительствомъ утвержденія принципа независимости Польши, послѣ возврата Финляндіи прежняго объема автономныхъ правъ,—на ближайшую очередь долженъ быть поставленъ вопросъ объ установленіи для Россіи строя, который отвѣчалъ бы чаяніямъ населяющихъ ее народностей, обезпечивая имъ свободу національнаго развитія. Казалось, что при общемъ переустройствѣ государства на началахъ цѣлесообразности, права и справедливости, не могутъ быть пренебрежены идеалы украинскаго народа, выработанные его исторіей и сохраненные имъ до настоящаго времени въ теченіе сотенъ лѣтъ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ политическаго существованія. Ожившая надежда на грядущее возрожденіе Украины въ границахъ свободной Россіи развѣяла въ украинцахъ недавній пессимизмъ, а въ украинскомъ элементѣ войсковыхъ частей ук-

рѣшила стремленіе къ активной защитѣ добытой всѣмъ россійскимъ народомъ свободы. Даже въ настроеніяхъ галицко-украинскаго общества опредѣлился замѣтный поворотъ въ сторону „россійской оріентаціи": разъ въ Россіи воцарилась свобода, тяготѣніе къ ней закордонной Руси становилось органическимъ и естественнымъ.

Когда народныя массы, стряхнувъ гнетъ стараго режима, очутились въ открытомъ морѣ политической жизни, передъ безконечною вереницей требующихъ разрѣшенія вопросовъ и, прежде всего, передъ вопросомъ объ основаніяхъ новаго государственнаго строя, украинскій народъ во всѣхъ его слояхъ и организованныхъ группахъ слился въ общемъ порывѣ къ національному самоопредѣленію. Старыя общественныя организаціи занялись формулировкою своихъ политическихъ программъ и пожеланій, обращенныхъ къ революціонному правительству. Для согласованныхъ дѣйствій въ защиту національныхъ интересовъ, по городамъ Украины и внѣ ея образовались особые національные коллективы— «рады», т.-е. совѣты изъ представителей существующихъ украинскихъ организацій. Въ Кіевѣ возникъ центральный совѣтъ изъ выборныхъ отъ всего организованнаго украинства—„центральна українська рада", во главѣ которой сталъ проф. М. С. Грушевскій. Состоялся рядъ украинскихъ съѣздовъ—партійныхъ, классовыхъ и профессіональныхъ. Наконецъ, былъ созванъ въ Кіевѣ многолюдный національный украинскій съѣздъ, своими постановленіями отвѣтившій всѣмъ запросамъ момента и формулировавшій основные постулаты политической украинской программы. На этихъ постулатахъ объединились главныя украинскія партіи, расхожденіе которыхъ въ сферѣ экономической и соціальной и въ вопросахъ тактики не помѣшало обнаружить полное единодушіе въ пониманіи общенаціональныхъ интесовъ украинскаго народа.

На ближайшей очереди, въ своихъ постановленіяхъ, широкіе круги сознательнаго украинства ставятъ задачи, связанныя съ свободою національной культуры въ краѣ: признаніе за украинскимъ языкомъ права на свободное примѣненіе въ общественныхъ и административныхъ учрежде-

ніяхъ; преподаваніе на украинскомъ языкѣ въ народной школѣ; постепенный переходъ къ украинскому языку въ средней и высшей школѣ украинскихъ губерній; подготовку преподавательскаго персонала путемъ организаціи спеціальныхъ курсовъ; включеніе въ програмы среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній предметовъ украиновѣдѣнія. Ради соотвѣтствія общаго хода управленія въ украинскихъ губерніяхъ интересамъ коренного населенія, требуется назначеніе должностныхъ лицъ на руководящіе посты изъ людей, близко знакомыхъ съ краемъ, его бытовыми условіями, украинскимъ языкомъ; указывается необходимость объединенія всей украинской территоріи подъ управленіемъ особаго выборнаго областного совѣта, съ областнымъ правительственнымъ комиссаромъ, въ качествѣ контрольнаго органа.

Но центральнымъ пунктомъ украинской платформы, въ которомъ украинское общество видитъ завершеніе своихъ національныхъ идеаловъ, является постулатъ національно-территоріальной автономіи Украины. Считая, что общее переустройство государства должно пойти въ направленіи федеральныхъ началъ, въ виду выяснившейся непригодности централистическаго строя, украинцы представляютъ себѣ будущую Россію федеративною демократическою республикою, объединяющею въ своихъ государственныхъ границахъ рядъ областныхъ автономій, построенныхъ на національно-территоріальномъ принципѣ, съ обезпеченіемъ правъ національнаго меньшинства. Предоставляя окончательное разрѣшеніе вопроса объ автономіи Украины Всероссійскому Учредительному Собранію, украинцы, однако, считаютъ для своего народа этотъ вопросъ настолько основнымъ и жизненнымъ, настолько тѣсно связаннымъ со всѣми другими коренными вопросами мѣстной жизни—экономическими и соціальными, что пренебреженіе со стороны правительства и государства этою настоятельною потребностью 30-милліоннаго народа представляется для сознательнаго украинства недопустимымъ.

Требованіе національно-территоріальной автономіи Украины ставилось во главѣ резолюцій не только общенаціональнаго съѣзда, но и другихъ съѣздовъ на украинской территоріи,—собиравшихся по партійному или профессіо-

нальному признаку: съѣзды соціалъ-демократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ, кооперативныхъ организацій, студентовъ и солдатъ украинскаго происхожденія, словомъ, всѣ организованные и сознательные въ національномъ смыслѣ элементы украинской народности объединились на одномъ лозунгѣ. Для даннаго момента,—при данной политической обстановкѣ,—въ стремленіи къ автономіи сосредоточилось, какъ въ фокусѣ, все украинское движеніе, съ каждымъ днемъ охватывавшее все болѣе широкіе круги населенія.

Насколько стихійный характеръ принимали въ этомъ періодѣ проявленія украинскаго національнаго чувства, указываетъ тотъ фактъ, что общественныя организаціи, вовсе не имѣвшія въ своихъ программахъ національнаго начала, объявляли себя украинскими и принимались за практическую работу на національной украинской почвѣ. Примѣромъ можетъ служить кіевскій епархіальный съѣздъ, собиравшійся въ апрѣлѣ 1917 г., который призналъ себя по составу и національному самосознанію украинскимъ и посылалъ на украинскомъ языкѣ телеграммы и, въ томъ числѣ, одну съ укоромъ архіепископу харьковскому Антонію за проявленное имъ оскорбительное пренебреженіе къ украинскому языку.

Неожиданные для самого украинскаго общества размѣры приняло украинское національное движеніе въ арміи. Образованіе нѣсколькихъ польскихъ полковъ, размѣстившихся притомъ на украинской территоріи, послужило толчкомъ къ аналогичному требованію со стороны солдатъ-украинцевъ. Сперва группы отпускныхъ солдатъ, собравшись въ большомъ количествѣ въ Кіевѣ, требовали отъ воинскаго начальства организаціи изъ нихъ особаго украинскаго полка и не соглашались отправиться на фронтъ иначе, какъ подъ украинскимъ знаменемъ. Когда въ строевыхъ частяхъ тыла образовались естественныя группировки по землячеству и получили распространеніе національные лозунги, украинцы также стали настойчиво требовать выдѣленія ихъ въ особыя части. Движеніе это нашло въ извѣстной мѣрѣ поддержку со стороны тѣхъ представителей высшаго командованія, которые по опыту высоко оцѣнивали боевыя качества украинскаго солдата и видѣли въ выдѣленіи укра-

инскихъ частей средство къ подъему общаго боевого духа арміи, къ этому времени успѣвшаго уже сильно понизиться. Хотя созданіе особой національной арміи никогда не выставлялось украинскими политическими платформами и вовсе не входило въ планы украинскихъ руководящихъ круговъ, но острая постановка вопроса въ войсковыхъ частяхъ вынудила центральную раду взять это движеніе въ свои руки, чтобы сдержать его въ опредѣленныхъ рамкахъ. На воинскихъ съѣздахъ требованіе украинизаціи арміи занимало слѣдующее послѣ автономіи Украины мѣсто въ резолюціяхъ. Закончилось войсковое движеніе организаціею, съ разрѣшенія правительства, украинскаго войскового генеральнаго комитета и сформированіемъ нѣсколькихъ спеціальныхъ украинскихъ полковъ.

Такъ выразились главнѣйшія стремленія, съ которыми украинскій народъ вступилъ въ открывшійся для Россіи періодъ государственнаго строительства на новыхъ началахъ. Полное осуществленіе этихъ стремленій послужило бы эрою новой исторіи Украины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ликвидировало бы, наконецъ, почти триста лѣтъ тяготѣвшій надъ Россіею украинскій вопросъ...

Русско-украинскія отношенія послѣ-революціоннаго періода.

Къ сожалѣнію, отношеніе официальныхъ сферъ и широкихъ общественныхъ круговъ къ новымъ формамъ украинскаго движенія оставляло желать много лучшаго. Правда, свобода національной украинской культуры была уже обезпечена новымъ строемъ, вмѣстѣ со всѣми иными видами политической свободы, которые были узаконены революціоннымъ Временнымъ Правительствомъ въ первые же дни осуществленія новой власти. Въ области народной школы правительство, сверхъ того, издало спеціальный актъ, утверждающій права украинскаго языка въ принципѣ, и проявило готовность итти навстрѣчу дальнѣйшему развитію этого принципа въ примѣненіи къ средней и высшей школѣ. Но въ тоже время правительствомъ не было предпринято никакихъ опредѣленныхъ шаговъ, которые свидѣтельство-

вали бы о признаніи за украинскою народностью ея національныхъ правъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, о пониманіи необходимости открыть украинцамъ путь къ тѣмъ формамъ національнаго самоопредѣленія, которыя никогда не переставали быть народнымъ идеаломъ, и естественно, были поставлены украинцами на очередь, въ качествѣ одной изъ задачъ новаго государственнаго строя. Въ основѣ отношенія правительственныхъ сферъ къ украинству продолжала чувствоваться,—какъ наслѣдіе стараго режима,—боязнь національныхъ движеній, по прежнему соединяемыхъ въ представленіи носителей власти съ жупеломъ „сепаратизма" и государственнаго расчлененія.

При болѣе широкой постановкѣ украинскаго вопроса, при ясномъ пониманіи сущности украинской національной идеи, не оставалось бы мѣста недовѣрію власти къ стремленіямъ украинцевъ и можно было бы ожидать не только принципіальнаго къ нимъ сочувствія со стороны революціоннаго правительства, но и активнаго содѣйствія осуществленію предъявленныхъ украинскимъ народомъ пожеланій, которое могло бы, хотя и не въ полной мѣрѣ, загладить и смягчить тяжелыя утраты, понесенныя украинскою національною жизнью подъ давленіемъ стараго централистическаго режима. Между тѣмъ, фактически обильный матеріалъ украинскихъ пожеланій, въ лучшемъ случаѣ, принимался правительственными кругами только къ свѣдѣнію; въ этихъ пожеланіяхъ, повидимому, офиціальныя сферы не усматривали выраженія настроеній всего украинскаго общества и широкихъ массъ украинской демократіи; какъ и при старомъ режимѣ, въ голосѣ народа склонны были скорѣе видѣть результатъ внѣшнихъ вліяній, интеллигентской агитаціи. При оцѣнкѣ съ этой точки зрѣнія основного лозунга украинской программы—національно-территоріальной автономіи Украины, выдвигались возраженія, весьма близкія къ исходнымъ точкамъ политики добраго стараго времени: интересы мѣстные, частные обрекались на безусловное подчиненіе интересамъ государственнаго цѣлаго, хотя бы весь строй этого цѣлаго являлся по существу отрицаніемъ началъ справедливости по отношенію къ его составнымъ частямъ.

Когда „центральная украинская рада“ прислала къ Временному Правительству депутацію изъ представителей всѣхъ, входящихъ въ составъ рады общественныхъ организацій, съ заявленіемъ о необходимости удовлетворить рядъ основныхъ пожеланій украинскаго народа и выразить опредѣленное отношеніе правительства къ самому жизненному изъ очередныхъ вопросовъ украинской программы—объ автономіи, правительство не признало для себя возможнымъ считаться съ голосомъ украинскаго представительства, какъ съ волеизъявленіемъ населенія Украины, и отвѣтило на представленіе депутаціи отказомъ. Такъ, новою государственною властью была повторена ошибка стараго режима: вмѣсто того, чтобы пойти на встрѣчу народнымъ пожеланіямъ и тѣмъ самымъ ввести національное движеніе въ опредѣленное русло, правительство предпочло оставить его въ стадіи стихійнаго броженія, лишивъ притомъ руководящія украинскія организаціи возможности вліять на движеніе въ умиротворяющемъ смыслѣ...

Между тѣмъ, непризнанная правительственною властью центральная рада постепенно пріобрѣтала все болѣе широкую популярность и авторитетъ въ глазахъ народныхъ массъ украинскихъ губерній. Къ ней въ изобиліи поступали отъ украинскаго крестьянства разнаго рода заявленія, запросы и ходатайства. Отъ нея ожидалось упорядоченіе мѣстной жизни, и въ этомъ смыслѣ на центральную раду украинское населеніе возлагало тѣмъ болѣе серьезныя надежды, что силы правительственной власти явнымъ образомъ оказывались недостаточными для удержанія порядка въ странѣ. При такихъ условіяхъ, отказъ отъ руководительства національнымъ движеніемъ былъ бы со стороны центральной рады нарушеніемъ народнаго довѣрія и долга передъ родиной, а сверхъ того грозилъ бы переходомъ движенія въ стихійныя, неорганизованныя и потому опасныя для государства формы. Сохранить же за собою руководительство настроеніями массъ центральная рада могла лишь перейдя на путь практическаго осуществленія тѣхъ задачъ, которыя на нее возлагала жизнь. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и было принято центральною радою рѣшеніе, результа-

томъ котораго былъ опубликованный ею вскорѣ универсалъ, торжественно объявившій украинскому народу о принятіи на себя центральною радою функцій областного органа управленія, съ цѣлью осуществленія національныхъ идеаловъ, въ признаніи которыхъ радѣ отказало Временное Правительство. Вторымъ шагомъ центральной рады въ томъ же направленіи была организація генеральнаго секретаріата для завѣдыванія отдѣльными функціями мѣстной жизни. Затѣмъ центральная рада вступила въ соглашеніе съ демократическими организаціями другихъ народностей, живущихъ на территоріи Украины, которыя делегировали въ опредѣленной пропорціи (30%) своихъ представителей въ раду, признавъ ее за высшій органъ демократическаго представительства въ краѣ и принявъ, такимъ образомъ, украинскую точку зрѣнія на вопросъ объ автономіи.

Правительство теперь лишь сочло своевременнымъ пойти навстрѣчу украинскому движенію. Генеральный секретаріатъ центральной рады официально былъ признанъ органомъ областного управленія, которому правительство согласилось дать надлежащія полномочія. Но къ этому времени, въ силу общихъ причинъ, составъ Временнаго Правительства сдѣлался весьма неустойчивымъ, а въ зависимости отъ частичныхъ измѣненій состава правительства видоизмѣнялось и его отношеніе къ украинскому вопросу. Детальная разработка законоположеній о генеральномъ секретаріатѣ сопровождалась серьезными треніями, производившими удручающее впечатлѣніе на украинскія организаціи. Даже такой вопросъ, какъ опредѣленіе территоріальныхъ границъ автономной Украины, былъ разрѣшенъ въ противность пожеланіямъ центральной рады и естественной логикѣ вещей, съ устраненіемъ этнографическаго принципа. Такія коренныя украинскія губерніи, какъ Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, — остались за предѣлами власти секретаріата, и только пять губерній бывшаго Кіевскаго генералъ-губернаторства составили основную территорію автономной Украины.

Такое половинчатое рѣшеніе вопроса, конечно, не могло удовлетворить украинцевъ и наглядно иллюстрировало ту

атмосферу подозрительности и недовѣрія, въ какой этотъ вопросъ трактовался даже въ условіяхъ демократическаго строя.

Старый централизмъ, какъ основа государственнаго управленія, явнымъ образомъ, не изжилъ еще себя и перешелъ, въ составѣ общаго государственнаго наслѣдства, къ новому строю.

Не лучше обстояло дѣло съ отношеніемъ къ украинскому вопросу русскаго общества, безъ различія политическаго міровоззрѣнія. Тѣ формы, въ которыхъ стремилась кристализоваться украинская національная стихія, оказались непріемлемыми даже для тѣхъ общественныхъ круговъ, въ которыхъ при старомъ режимѣ украинское движеніе находило сочувствіе и опору. Стало ясно, что это сочувствіе не простирается за предѣлы потребностей національной культуры и превращается въ недоброжелательство и противодѣйствіе, когда на очередь выступаютъ политическіе лозунги, связанные съ измѣненіемъ государственнаго строя. Вопросъ о федеративномъ строѣ Россіи и національно-территоріальной автономіи населяющихъ ее народностей былъ поставленъ на съѣздѣ партіи народной свободы,—которая въ былое время, при своемъ возникновеніи, не страшилась признавать за народностями Россіи принципіальное право на автономію. Теперь ка-детскій съѣздъ рѣшительно отвергъ дѣленіе Россіи по этнографическому принципу, взамѣнъ котораго принялъ административную автономію по губерніямъ, въ видѣ расширеннаго земскаго самоуправленія, съ правомъ губерній объединяться между собою для осуществленія опредѣленныхъ частныхъ задачъ. Въ частности, національно-территоріальная автономія Украины трактовалась на съѣздѣ, какъ нѣчто недопустимое съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ: въ столь крупномъ національномъ организмѣ, снабженномъ автономными правами, усматривалась угроза государственному единству; право областного законодательства въ сферѣ экономической жизни представлялось нарушеніемъ всей экономической структуры государства; большая опасность для Россіи, по мнѣнію ораторовъ съѣзда, была и въ томъ, что граница автономной Украины примыкала къ Черному морю,

„отрѣзывая“ отъ него остальную страну; страшились они и заразительнаго примѣра для прочихъ народностей, но, съ другой стороны, опасались, что мелкія сосѣднія національныя автономіи будутъ испытывать со стороны Украины вредное ихъ интересамъ экономическое давленіе. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія партіи народной свободы интересы всероссійскаго цѣлаго и всѣхъ прочихъ его частей, за исключеніемъ Украины, требовали, чтобы эта послѣдняя удовольствовалась свободою національной культуры, не посягая на болѣе широкія права. Идеаломъ государственнаго строя для кадетской партіи остался, такимъ образомъ, и послѣ революціи старый, лишь нѣсколько смягченный, централизмъ.

А въ то-же самое время польская народность уже успѣла получить отъ революціоннаго правительства отвѣчавшее ея завѣтнымъ желаніямъ признаніе правъ Польши на государственную независимость; Финляндія настояла на дальнѣйшемъ расширеніи своихъ автономныхъ правъ. Отношеніе господствующей народности къ украинцамъ и въ новой Россіи оставалось, такимъ образомъ, исключительнымъ.

Особенно большіе протесты въ общественныхъ кругахъ вызвало украинское требованіе націонализаціи войсковыхъ частей. Хотя съ украинской стороны опредѣленно заявлялось, что это требованіе не предполагаетъ переформированія фронтовыхъ армій, украинцамъ предъявлялись обвиненія именно въ стремленіи къ разстройству боеспособности фронта. Желаніе солдатъ—украинцевъ итти въ наступленіе противъ непріятеля подъ національнымъ украинскимъ знаменемъ либо подвергалось сомнѣніямъ, либо истолковывалось какъ моментъ контръ-революціонный, опасный для интересовъ россійской демократіи. Въ общемъ, и этотъ вопросъ трактовался не столько по существу, сколько съ обычной въ примѣненіи къ украинцамъ специфической точки зрѣнія, исполненной недовѣрія, подозрительности и вражды. На этой позиціи сходились разнообразныя русскія организаціи, отъ правительственныхъ учрежденій до партійныхъ группъ лѣваго оттѣнка. Не составлялъ исключенія и такой внѣпартійный демократическій коллективъ, какъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

А между тѣмъ, на фронтѣ къ этому времени армія пришла въ состояніе полной дезорганизаціи, которая умѣло была использована германцами для интенсивныхъ дѣйствій противъ союзныхъ армій; даже нѣкоторые представители русскаго общества начинали признавать, что единственнымъ, быть можетъ, способомъ спасти положеніе является именно перегруппировка армій по національному признаку, такъ какъ она можетъ вызвать въ войскахъ приливъ воодушевленія и возвратить имъ былую боевую мощь... Но это не мѣняло общаго предвзято-отрицательнаго отношенія къ украинскимъ стремленіямъ и, очевидно, только потому, что они были украинскія. Не зачѣмъ говорить, что испытывали при такомъ отношеніи къ нимъ украинцы и насколько эта предвзятая позиція ихъ антагонистовъ могла способствовать русско-украинскому единенію, для котораго новый, свободный строй представлялъ, казалось бы, такую благопріятную почву...

Этого мало. По мѣрѣ усиленія общегосударственной разрухи въ Россіи, по мѣрѣ ухудшенія дѣлъ на фронтахъ, ожесточеніе и вражда къ украинскому движенію возрастали. Въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ русскаго общества стали вновь раздаваться обвиненія украинцевъ въ поддержкѣ германскихъ плановъ. То отношеніе, которое въ былое время украинцы встрѣчали только въ крайнихъ правыхъ кругахъ, сдѣлалось обычнымъ въ такихъ серьезныхъ партійныхъ организаціяхъ, какъ партія народной свободы. Итти дальше въ непониманіи украинскихъ стремленій, очевидно, было некуда...

Итоги противоукраинской политики.

Факты и соображенія, приведенныя въ предыдущихъ главахъ, даютъ достаточный матеріалъ для оцѣнки того огромнаго недоразумѣнія, той государственной нецѣлесообразности, которая долгіе годы лежала въ основѣ офиціальной политики въ украинскомъ вопросѣ. Но изъ того же матеріала съ достаточною ясностью вытекаютъ и заключенія относительно важности рѣшительной и радикальной перемѣны этой политики въ направленіи, которое диктуется не только ин-

тересами украинской народности, но и видами общегосударственной пользы. Теперь, когда внутренняя политика государства есть дѣло всего русскаго народа въ его цѣломъ, выводы изъ исторіи украинскаго вопроса должны быть прежде всего учтены русскимъ общественнымъ мнѣніемъ и руководящими кругами русскаго общества.

Мы видѣли, какое огромное напряженіе административной энергіи было положено на борьбу съ украинскимъ движеніемъ; если она и не оказалась безплодною, то только въ отрицательномъ смыслѣ. Претвореніе украинской народности въ великорусскую осталось недостигнутымъ. Правительственная политика не только не вытравила изъ украинцевъ сознанія своей національной особности, но скорѣе усилила и обострила его. Украинское національное движеніе окрѣпло и углубилось, постепенно проникая въ толщу народныхъ массъ. Въ самихъ этихъ массахъ движеніе растетъ совершенно самостоятельно, безъ воздѣйствія извнѣ. Національный принципъ, какъ основа развитія Украины, восторжествовалъ—если не фактически, то въ общественномъ сознаніи, затуманить которое не смогли никакія репрессіи. Въ самые тяжелые и трудные для украинской интеллигенціи моменты, національная работа не прекращалась: она мѣняла характеръ, изыскивала новые пути, новыя точки приложенія, иногда, подъ давленіемъ внѣшнихъ условій, уклонялась отъ вѣрнаго направленія, но, въ общемъ, неуклонно шла къ своей опредѣленной цѣли—благу родного края и народа. Вѣковое испытаніе дало яркія доказательства прочности украинской стихіи, жизненности украинскаго національнаго движенія и безплодности усилій, направленныхъ на его подавленіе. Очевидно, украинскій народъ, какъ сознающая себя національная особь, есть непререкаемый и неустранимый фактъ живой дѣйствительности; такой народъ никогда не захочетъ и не сможетъ отказаться отъ своего національнаго „я“, отъ права на свободное культивированіе своихъ, исторически сложившихся, особенностей, отъ стремленій къ культурному творчеству, къ раскрытію заложенныхъ въ немъ природою духовныхъ богатствъ въ соотвѣтственныхъ внѣшнихъ формахъ. Самый трудный въ этомъ отношеніи путь украинскимъ

движеніемъ уже пройденъ: его стойкость есть лучшій отвѣтъ на сомнѣнія въ его законности и достижимости его цѣлей.

Поворотъ къ болѣе благожелательной политикѣ въ украинскомъ вопросѣ можетъ страшить кажущимися опасностями только предубѣжденныхъ людей съ архаическими взглядами, недопускающихъ никакого поступательнаго движенія въ формахъ государственнаго строя и руководящихъ идеяхъ внутренней политики. Конечно, для такихъ лицъ не будутъ убѣдительны и западно-европейскіе примѣры, но нельзя не отмѣтить, что прочность государственности вообще не обусловливается ни этнографическою однородностью населенія, ни централизмомъ внутренняго управленія. Мы знаемъ, что государства, однородныя въ національномъ смыслѣ и проникнутыя централизмомъ, могутъ испытывать глубокія потрясенія (Франція конца XVIII в.) и въ то же время имѣемъ примѣры государствъ, съ этнографическимъ разнообразіемъ населенія или децентрализованнымъ строемъ, гордящихся привязанностью своихъ областей и гражданъ къ общему отечеству (Швейцарія, Великобританія, Соединенные Штаты).

Разъ, съ измѣнившимся отношеніемъ къ украинскому вопросу, будетъ ослаблена его острота,—то этимъ самымъ, естественно, будетъ отнята всякая почва для болѣзненныхъ эксцессовъ національзма; сепаратистическія настроенія не могутъ привиться къ тому народу, національныя потребности котораго находятъ въ условіяхъ даннаго строя свое полное удовлетвореніе. Ростъ общественности, расцвѣтъ національной культуры, экономическій подъемъ—все это слишкомъ реальныя выгоды, чтобы можно было, при такихъ условіяхъ, допустить центробѣжныя тяготѣнія, хотя бы даже подъ вліяніемъ иноземныхъ «интригъ». Эти реальные интересы должны получить въ нашей внутренней политикѣ преобладаніе предъ эфемерной задачей механическаго слиянія народовъ въ одно цѣлое,—и тогда именно будетъ достигнута ихъ солидарность и единеніе въ сознаніи общихъ цѣлей, неослабляемомъ внутренними треніями.

Здравый политическій смыслъ говоритъ, что свободное развитіе украинской національности не только совмѣстимо съ государственнымъ строемъ обновленной Россіи, но и должно-

способствовать ея всестороннему экономическому подъему и росту его политическаго могущества. Этому нисколько не противорѣчитъ стремленіе украинцевъ къ установленію въ Россіи федералистическаго строя. Напротивъ, вводя въ свою политическую программу, кромѣ автономіи Украины, и общее переустройство Россіи на федеративной основѣ, украинцы подтверждаютъ, что ими руководятъ не центробѣжныя стремленія, а общіе интересы государства. То разложеніе, которое такъ ярко выразилось въ государственной разрухѣ, послѣдовавшей за великою революціею 1917 г., является результатомъ централистическаго режима, парализовавшаго живыя силы страны. Исцѣлить ее отъ этого паралича могутъ только сильныя и соотвѣтственныя средства. Въ децентрализаціи Россіи по національному принципу украинцы видятъ прежде всего могучій организующій моментъ, путь для объединенія россійскихъ гражданъ на идеѣ, облегчающей разрѣшеніе не только культурныхъ, но и соціальныхъ задачъ. Ту же цѣль огромной государственной важности—организацію страны при помощи объединенныхъ мѣстными интересами общественныхъ силъ—преслѣдуетъ и лозунгъ автономіи Украины. Трафаретная квалификація этого стремленія, какъ политическаго сепаратизма, давно должна быть отброшена. Россія, какъ государственное цѣлое, не можетъ сохранить своего единства безъ предоставленія автономности своимъ составнымъ частямъ, объединеннымъ идеею національнаго самоопредѣленія. Возраженія противъ національно-территоріальныхъ автономій, связанныя съ политическими или экономическими интересами России въ цѣломъ, могли бы считаться серьезными только въ томъ случаѣ, если бы были найдены убѣдительныя доказательства въ пользу централистическаго и унитарнаго въ національномъ смыслѣ устройства Россіи. Искать такихъ доказательствъ—задача неблагодарная; гораздо легче разрѣшить другую задачу—найти ту равнодѣйствующую общегосударственныхъ и областныхъ интересовъ, при которой существованіе провинціальныхъ автономій не будетъ угрозою государственному единству.

Именно во избѣжаніе осложненій въ будущемъ, вопросъ

объ автономіи Украины въ ея этнографическихъ границахъ требуетъ положительнаго разрѣшенія въ настоящее время, при общемъ переустройствѣ государства на новыхъ началахъ. Стихійный характеръ, который приняло послѣ революціи украинское движеніе, указываетъ на его глубокую органичность, на тѣсную связь національныхъ лозунговъ съ корнями народной жизни. При такихъ условіяхъ, стремленіе къ національному самоопредѣленію въ украинскомъ народѣ никогда не угаснетъ, и проволочка въ удовлетвореніи его стремленій можетъ только углубить національные антагонизмы и усилить внутренній разладъ въ государствѣ.

Источники для изученія украинскаго вопроса.

Н. Костомаровъ. Историческія монографіи, т. I—III, IX—XVI, XXI. Изд. „Литературнаго фонда“. Спб. 1906 г. Ц. отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. за томъ.

В. Антоновичъ. Монографіи. Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р.

М. Грушевскій. Історія України—Руси, т. I—VIII. Львовъ—Кіевъ. Ц. отъ 3. 50 к. за томъ.

„ Кіевская Русь. Спб. 1911 г. Ц 3 р.

„ Очеркъ исторіи украинскаго народа. К. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

„ Иллюстрированная исторія Украины. Спб. 1913 г. Ц. 3. 50 к.

А. Ефименко. Исторія украинскаго народа. Спб. 1906 г. 2 выпуска Ц. по 1 р. 50 коп. за вып.

„ Южная Русь (очерки, изслѣдованія и замѣтки). Спб. 1905 г. 2 вып. Ц. по 2 р. за вып.

А. Пыпинъ. Малорусская этнографія. „Исторія русской этнографіи“. 1891 г. т. III. Ц. 3 р.

В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ. 1889 г. Ц. 50 к.

К. Михальчукъ. Что такое малорусская рѣчь. К. 1889. Цѣна 1 руб.

А. Крымскій. Украинская грамматика, М. 1907—1908 гг. 4 выпуска. Ц. 3 р.

Е. Тимченко. Українська граматика. К. 1906 г. Ц. 60 к.

Б. Гринченко. Словарь украинскаго языка. К. 1908 г. 4 тома. Ц. 8 р.

Уманець і Спілка. Словарь росийсько-український. Львовъ 1893—1898 г. 4 т. Ц. 7 р.

В. Дубровскій. Українсько-російський словник. К. 1910 г. Ц. 75 к.

П. Житецкій. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. К. 1876 г.

„ Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. К. 1889 г.

Н. Петровъ. Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII—XVIII вв. К. 1911 г. Ц. 3 р.

„ Очерки изъ исторіи украинской литературы XIX в. К. 1884 г. Ц. 3 р.

А. Пыпинъ. Литература южно-русская. „Исторія славянскихъ литературъ“. Спб. 1874 г. т. I.

П. Житецкій. Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в. К. 1900.

Н. П. Дашкевичъ. Отзывъ о сочиненіи Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“ (отчетъ о XXIX присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб. 1888 г.).

С. Ефремов. Історія українського письменства. Спб. 1917 г. Ц. 6 р.

И. Франко. Южно-русская литература. „Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона“, полутомъ 81.

С. Русова. Украинская литература въ XIX в. „Исторія Россія въ XIX в.“ тт. IV и VII.

О. Грушевський. З сучасної української литератури. К. 1908 г. Ц. 80 к.

Вік. Сборникъ образцовъ украинской литературы съ краткими біографіями писателей. К. 1902 г. 3 тома. Ц. 2 р. за томъ.

Императорская Академія Наукъ. Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова. Спб. 1910 г. Ц. 20 к.

Б. Гринченко. На безпросвѣтномъ пути (объ украинской школѣ). К. 1912 г. Ц. 25 к.

М. Драгомановъ. Политическія сочиненія, т. I. М. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

„ Собраніе политич. сочиненій. Paris. 1905—1906 г. 2 тома.

М. Грушевскій. Украинцы. Сборникъ „Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ“ подъ ред. Кастелянскаго. Спб. 1910 г. Ц. 7 р.

„ Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Спб. 1907 г. Ц. 1 р.

„ Украинство въ Россіи, его запросы и нужды. Спб. 1906 г. Ц. 25 к.

С. Ефремов. З громадського життя на Україні. Спб. 1910 г. Ц. 20 к.

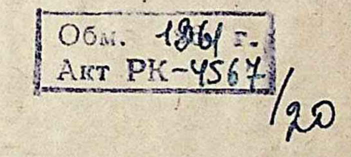
„ Новий документ до старих позвів. К. 1912 г. Ц. 15 к.

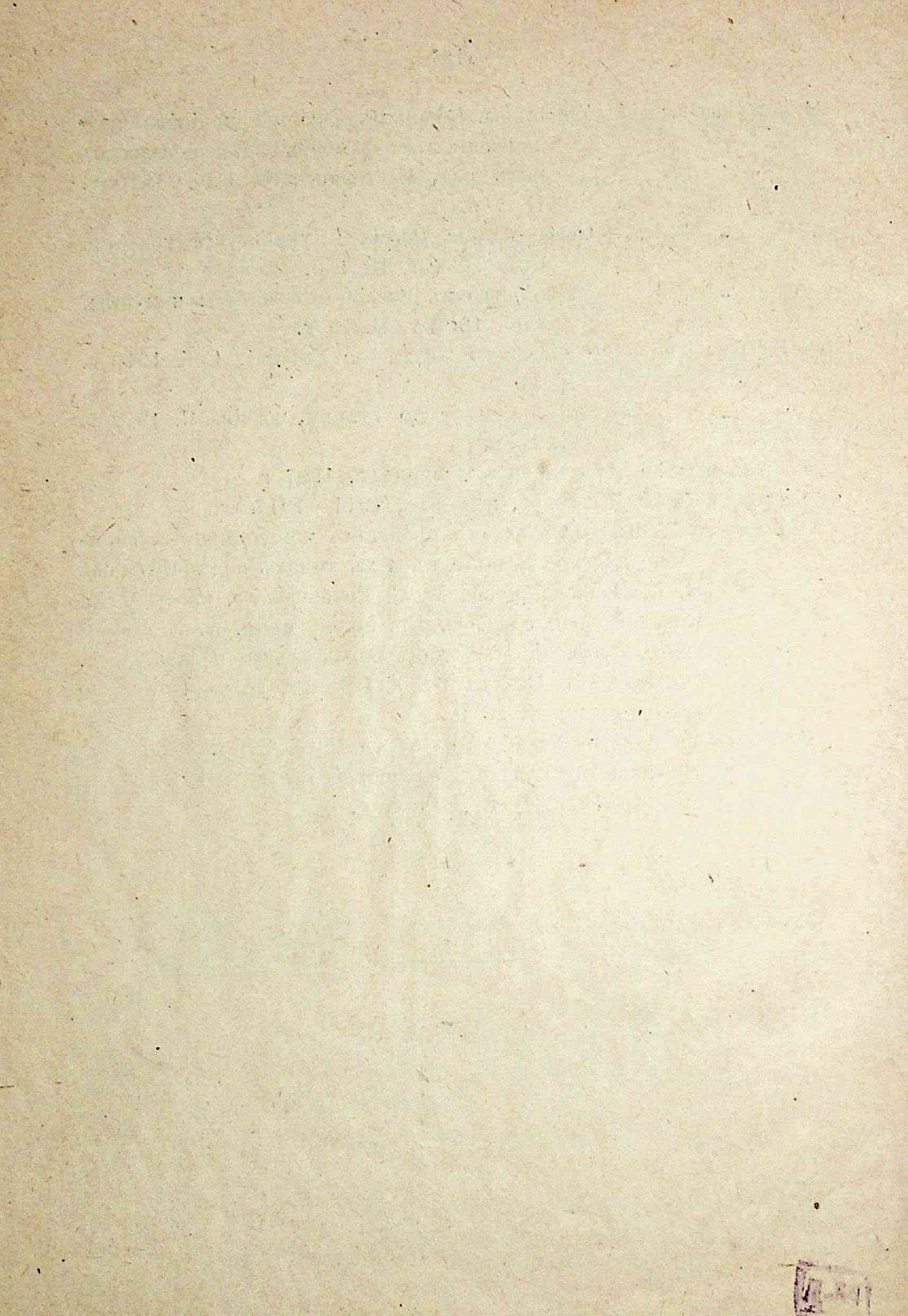
„Украинскій Вѣстникъ“, журналъ, 1907 г.

„Украинская Жизнь“, журналъ, 1911—1917 гг.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ (энциклопедическое изданіе въ 4-хъ томахъ подъ ред. проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова). Вышли І-й и ІІ томы. Ц. за 4 тома по предв. подпискѣ 18 р.

„Галичина, Буковина, Угорская Русь“. Составлено сотрудниками журнала „Украинская Жизнь“. Ц. 1 р. 40 к. Москва. 1915. Изд. „Задруга“.





-80